

ФЕДОРАНИЧ

ВИРУС

Annotation

Смерть – какая она? Страшная? Или наоборот – освободительная? Кто решает кому жить, а кому нет?

Журналист Максим Котов недавно пережил самую страшную потерю. Неизвестный вирус унёс жизнь его ребёнка.

«Так бывает...» – сказали врачи. Но Максим уверен, что смерть его дочери – не случайность, а часть большого заговора. И в этом заговоре его ребенку была отведена роль пешки, которой с легкостью пожертвовали ради достижения «большой цели».

Котов решает найти виновного и отомстить. Но чем больше он углубляется в расследование, тем запутаннее становится история. Ему кажется, что концов уже не найти, но судьба всегда расставляет все по местам. И бумеранг, запущенный однажды, обязательно возвращается к хозяину...

-
- [Сергей Федоранич](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Сергей Федоранич Вирус

Моей маме, Валентине Николаевне, самой доброй и любящей маме на свете.

Все события романа – вымышленные. Любые совпадения имен и фактов совершенно случайны.

Глава первая

Наташа, Дубай, 10 января 2014 года

Глаза Костика горели. Мальчик был возбужден до предела, ведь никогда прежде мама не брала его в свои чудесные поездки за границу. А теперь, когда Костику исполнилось одиннадцать, он стал совсем взрослым, ему можно доверять, и хлопот с ним немного. Наташа бы и раньше брала сына в свои деловые поездки, но кто присмотрит за ребенком, когда она весь день бегаёт по встречам, конференциям и симпозиумам? На Катюшу никакой надежды нет, она активно устраивает личную жизнь и тратит на свои прихоти огромные суммы. Девочка не знает цены деньгам и ни во что не ставит мать, которая эти деньги зарабатывает. Честно говоря, Наташа так устала от потребительского отношения дочери, что практически не раздумывая согласилась на эту поездку, лишь бы хоть на какое-то время побыть без Катюши.

Они разместились в трехзвездочном отеле Centro Varsha в районе Аль-Барша в семи минутах ходьбы от торгового центра Mall of the Emirates. Наташа не раз бывала в этом отеле и очень любила его. Здесь было все для комфортного проживания, включая большой бассейн на крыше, Наташа очень любила проводить вечера в этом бассейне.

Район Аль-Барша появился относительно недавно, его начали строить в начале двухтысячных, когда здесь еще не было засилья туристов и развлекательных центров, и этот район облюбовали предприниматели для проведения деловых встреч и сопутствующих вечеров.

Теперь же основной наплыв туристов сосредотачивается, конечно же, вокруг торгово-развлекательного центра Mall of the Emirates, одной из самых главных достопримечательностей Дубая. Чуть ли не в каждую программу мероприятий включено посещение Ski Dubai – одного из крупнейших в мире крытых горнолыжных курортов. Да и вообще, Mall of the Emirates – это целый город площадью более шестисот тысяч квадратных метров, в котором можно бродить днями напролет...

Для одиннадцатилетнего Костика Mall of the Emirates был просто сказкой. Огромный торговый комплекс с безумным количеством развлечений, четырнадцать кинозалов, детские центры... И все это – в его распоряжении. Наташа и Костик по приезде договорились, что Костик не будет покидать торговый комплекс в ее отсутствие и в случае чего сразу же обратится в полицию. Конечно, Наташа не рискнула оставить сына одного,

поэтому наняла русскоязычного гида – строгую и серьезную женщину средних лет.

Первый день Наташа не находила себе места от беспокойства. Она несколько раз пожалела, что взяла Костика с собой, и то и дело звонила ему на мобильный, чтобы спросить где он и что с ним. И каждый раз отвлекала сына либо от посещения кино, где показывали фильмы и мультики на английском, либо от катания на огромных надувных плюшках в Ski Dubai.

Однако увидев Костика вечером, в окружении новых друзей – троих российских подростков, Наташа расслабилась. Дети в Mall of the Emirates развлекались под неусыпным надзором бывшей учительницы английского языка, переехавшей в Дубай год назад и зарабатывавшей на жизнь тем, что приглядывала за детьми.

Костя, захлебываясь от восторга, весь вечер рассказывал маме, как он развлекался. Его рассказ начался, едва они встретились, и не закончился ни на ужине, ни в бассейне, куда они пришли уже в начале одиннадцатого. Мальчик был полон впечатлений, и Наташа окончательно поняла, что приняла верное решение, взяв сына с собой.

Пару лет назад Катюша устроила бы дичайшую истерику, возьми Наташа с собой в заграничную командировку Костика, но не возьми ее, а сейчас в глазах дочери плескалось такое радостное удовлетворение от того, что их московская квартира в полном ее распоряжении и мать с братом на расстоянии почти четырех тысяч километров. Это же можно сколько вечеринок закатить!

Наутро Наташа снова ушла на выставку, сообщив гиду-бэбиситтер, что сегодня приедет очень поздно, и попросила ее посидеть с Костиком в отеле. Сегодня после выставки планировалась вечеринка, которую Наташа ждала с особым трепетом: на ней будут министр юстиции России со своей свитой и, самое главное, управленец «Трастфондбанка» Николас Рудуа, главный фигурант в деле Успенских. По информации Наташи, именно Рудуа был посредником в даче взяток российскими предпринимателями.

Результатом сегодняшнего вечера должны были стать две потрясающие статьи, одну из которых очень просили в Америке, и Наташа была настроена серьезно. Ей нужна была информация, ради этой информации она и приехала.

Выставка плавно перетекла в вечеринку в ночном клубе отеля Centro Varsha. Наташа сама не поняла, как выпила больше, чем планировала. Голова увязла в мягкой вате, но она все еще соображала. Она поговорила с людьми, раздала свои контакты и даже несколько раз посмеялась над шутками одного американского журналиста, который неоднозначно дал ей

понять, в каком номере отеля остановился и как бы хотел провести сегодняшнюю ночь. Наташа обещала подумать, а сама написала эсэмэс сыну: «Я скоро буду». Но скоро не получилось, и через час на мобильный пришло сообщение, что гид более не может оставаться с Костиком, она просила забрать ребенка в ближайшие полчаса и рассчитаться с ней. Наташа незаметно покинула вечеринку, поднялась на лифте в свой номер, отпустила гида и уложила Костика спать, взяв с сына обещание не покидать номер, пока она не вернется. Наташа сказала ему, что не будет задерживаться долго, ей требовалось уточнить еще некоторые детали.

Вернувшись в бар, Наташа сразу поняла, что после полуночи напитки перестали разбавлять содовой, и в ход пошли сухие виски и водка. Бар был закрыт на спецобслуживание, которому разрешалось употребление спиртных напитков. Ее не было меньше получаса, а уровень опьянения присутствующих возрос значительно. Однако в этом был большой плюс – пьяные языки легче развязать, и уже через полчаса Наташа выяснила, что Николас Рудуа действительно был посредником при передаче взяток. Она наметила план действия по возвращению в Москву и сразу же написала эсэмэс редактору в Америку: «Статья будет не позже 23-го января, можно планировать ее в ближайший выпуск».

Наташа уже собиралась подняться в номер и лечь спать, но к ней снова подкатил американский журналист. Он был пьян, но заметно трезвее всех остальных, и куда раскованнее, чем час назад, куда смелее. Наташа и сама не поняла, как заинтересовалась его предложением. Они сидели на диванчике, пили коктейль, он шептал ей на ухо какие-то глупости низким шепотом, его рука то и дело проскальзывала по ее коленке. В конце концов Наташа перестала отвечать «нет» на его просьбы и ушла в дамскую комнату привести себя в порядок. Возле женского туалета, как всегда, была очередь. Наташе требовалось срочно попасть туда, и она сделала то, что делала обычно – попросила мужчину, вышедшего из мужского туалета, посторожить дверь, пока она там делает свои дамские дела. Этим мужчиной оказался сам министр юстиции Шелехов, который с пониманием отнесся к просьбе Наташи и отдежурил добрых десять минут у дверей, не впуская мужчин в туалет.

Наташу сильно развезло, и в половине первого ночи она отправилась в номер. Костик уже сладко спал, и она тоже легла.

Их номер располагался на шестнадцатом этаже, рядом с лестницей.

Наташа проснулась среди ночи, в комнате были плотно задернуты шторы, и она не смогла сориентироваться, сколько времени. Нашарив на тумбочке телефон, Наташа увидела, что на часах было 02.35. Нестерпимо

болела голова. Наташа выпила таблетку цитрамона, полежала несколько минут, не двигаясь, но боль даже не притупилась.

Черт возьми, это точно мигрень от похмелья, решила она и тяжело вздохнула, потому что единственное средство избавиться от ее мигрени – только приложить холодное. В холодильнике не оказалось ничего, Костик выдул всю воду и даже съел все яблоки, включенные в стоимость номера. Не оставалось выбора, кроме как выйти в халате в коридор и дойти до кулера с водой, где она утром заприметила ведро со льдом. Но ведро оказалось пустым. Кулер стоял рядом с лестницей.

«Может быть, на другом этаже лед есть?» – подумала Наташа и толкнула дверь на лестницу. Но дверь во что-то уперлась.

Она толкнула сильнее и услышала чей-то возбужденный шепот. Голова болела так сильно, что ни о чем, кроме как поскорей найти лед, Наташа не думала, протиснулась в узкую щель и стала подниматься по лестнице, не задержав внимания больше трех секунд на двух мужчин, которые несли огромный чемодан по лестнице вниз.

«Надо же, придурки, – подумала она, – шестнадцать этажей вниз. Наверное, лифт сломался, а вылет посреди ночи».

Она благополучно раздобыла лед, приложила к вискам два кусочка и блаженно зажмурилась. Боль утихла. Она спустилась к себе в номер, насыпала лед на полотенце и положила компресс на лоб. Так она, может быть, и до утра доживет.

* * *

Наташа еле-еле утром подняла голову.

Она бы поспала еще пару часов, если бы не верещащий Костик, бегающий по номеру как оголтелый. Наташа скривилась – головная боль вернулась с новой силой, и спасения не было никакого.

«Если сейчас меня убьют, убийца попадет в рай, – подумала она. – Зачем же я вчера пила все подряд? Ведь знаю же, что мой организм очень трепетно относится ко всяким отравам и если уж и пить, то что-то одно!».

Телефон безжалостно показывал половину восьмого утра.

– Костик, солнышко, ты не хочешь еще немножко поспать? – взмолилась Наташа.

Костик в ответ запрыгнул к матери на кровать и стал раскачивать ее и прыгать. Наташа поняла, что ребенку плевать на ее страдания, и это правильно – ведь это она напилась вчера, да еще чуть-чуть – и отдалась бы

незнакомому американцу... Да уж, идеальная мать, порядочная женщина, что тут скажешь!

Она отправила Костика чистить зубы, а сама собрала валяющиеся на полу вещи. Взяв в руки полотенце, которым она спасалась вчера, Наташа вспомнила, как видела двух типов, спускающих по лестнице огромный чемодан. Ночное происшествие показалось ей странным, но вчера она была так пьяна, что ей могло причудиться что угодно. Все что угодно.

На завтраке она лично проверила, чтобы Костик не набрал сладостей больше, чем сможет съесть. Чревоугодие у него от отца – видит сладости и загребает тоннами. И ведь запихивает в себя даже против чувства сытости, так и желудок можно растянуть до невероятных размеров. Она отполовинила то, что навывбирал себе Костик, положила в его тарелку сосиску и омлет, пару листочков зелени и разрешила взять огромный стакан пепси. Для Костика все это – огромное событие, и, так уж и быть, она позволит сыну выпить этот напиток, хотя сахара в нем...

Себе Наташа выбрала салатик без мяса, но с перепелиным яйцом, козьим сыром и рукколой, и, хотя пока она ходила от стола к столу выбирая еду, аппетит у нее был, стоило сесть за стол, как все разом исчезло. Она налила себе чашку кофе и решила посмотреть, как чувствуют себя остальные участники вчерашней пьянки. Огляделась, ища взглядом знакомые лица.

Судя по всему, большинство чувствовали себя не очень.

Наташа тоже была не святее папы римского, но таких откровенных пьянок с неожиданным финалом у нее не случалось. Хотя кто знает, чем бы закончился вчерашний вечер, не будь с ней Костика? Очень даже возможно, что утреннюю головную боль с ней бы разделил тот самый американец... Кстати, а где он?

Она пошарила взглядом по залу – вот он, красавец с пропитой мордой. Да уж, что с ней делает алкоголь! Красавец! Да ведь он же просто выпивоха с пузом, неопрятный и совсем не в ее вкусе. Наташе нравились мужчины нордического типа, хорошо сложенные блондины, с большими светлыми глазами, а этот был замухрыш, причем не первой свежести. Лет ему (по состоянию внешнего вида на утро) где-то сорок – сорок пять, а лишнего веса, наверное, килограммов двадцать.

А вот и министр...

Еще одно подтверждение тому, что пить министры не должны. А если кто-то сделает фото? Наверное, ему еще хуже, чем Наташе. Хотя Наташу после второй чашки кофе все же отпустило. Она даже подумывала сходить с Костиком в торговый центр и прикупить одежды, освободив сына от

свидания с гидом-воспитательницей на сегодняшний день.

А министру явно было хреново. Лицо серое, вокруг глаз – черные тени, движения резкие, нервные. Наверняка он чувствует себя не в своей тарелке – и жрать хочется, и стыдно в таком виде показываться... Ну поручил бы своему ассистенту Мише притащить еды в номер, зачем же так мучиться?

И Миша какой-то странный. Пришибленный. Как обычно, он выбрал столик неподалеку от министра, но не тот столик, где расположилась охрана – двое парней в костюмах, – и даже не возле советника министра, а отдельно, но близко. Наташа министерского ассистента недолюбливала, потому что у парня было однозначное мнение на ее счет, и он не стеснялся его выражать. В Москве ей приходилось постоянно писать Диме, министру, чтобы этот Миша прислал ей те или иные документы, обещанные министром. Миша, видите ли, был недоволен тесной связью Наташи и своего шефа, всем своим видом это демонстрировал и как мог старался сделать так, чтобы эта связь давала сбои. Но Наташе было плевать – она и не с таким контингентом работала, и работала вполне успешно.

Костик, радостный, унесся к столам, где услужливые официанты разрезали для детей любые фрукты, которые им захочется.

Наташа решила выпить еще кофе, а заодно поздороваться с министром.

– Это утро добрым не назовешь, да, Дмитрий? – приветливо сказала она, остановившись у столика.

– Привет, Наташа, – ответил министр. – Это точно. Перебрал вчера.

– Ну что ты не попросил Мишу принести еду в номер? – спросила она тише. – На крайний, позвонил бы мне...

– Надо как-то раскачаться, – ответил Шелехов и вымученно улыбнулся.

Наташа решила его больше не напрягать своим присутствием и отошла. Но едва сев за стол, сразу написала Диме сообщение: «Что-то случилось?». Ответ: «Уже и не помню, что было. Наверное, просто похмелье» она получила только в Москве, спустя почти трое суток. Это на Диму было совсем не похоже: он всегда быстро отвечал на сообщения. Что могло его так сильно увлечь, что он аж до Москвы не просматривал сообщения в своем телефоне?

Когда она прочитает этот ответ, вспомнит, что на завтраке не видела дочери министра – Виктории, которую Шелехов взял с собой в это путешествие так же, как Наташа взяла с собой Костика. Этот факт вызвал очень много вопросов.

Но, увы, ни одного ответа.

Наташа, Москва, 09 марта

Сомневаться в своих бизнес-решениях Наташе Добронравовой не приходилось. Но почти все решения, которые она принимала вне работы, в обычной жизни, Наташа считала неверными, и каждый день сожалела о тех или иных своих поступках.

Когда Катюша пришла домой ранним утром, Наташа в очередной раз пожалела, что когда-то решила быть матерью, которая во всем поддерживает своего ребенка. Ведь Катюша катится вниз, на самое дно, а остановить ее Наташа никак не может. Что вообще в ее силах? Катюше двадцать три года, она взрослый человек, который сам может решать все, что касается собственной жизни. Да, она еще учится в университете и полностью на содержании матери, но насколько это важно? Те круги, в которых Катюша вращается, в любой момент поглотят ее, возжелай она стать независимой от матери. Тогда ей точно конец.

Конечно, Наташа думала о том, что все могло бы быть и по-другому. Например, она бы полностью держала под контролем все, что касается Катюшиной жизни. Запрещала бы поздние свидания, не разрешала бы ночевать вне дома, ограничила бы в деньгах. Но Наташа захотела быть другой матерью. Возможно, держи она дочь в строгости и дисциплине, не было бы поводов переживать, терзаться страшными мыслями и чувствовать себя так, словно она совершает грязное и постыдное. Правда, эти мысли возникали у нее тогда, когда она Катюшу не видела. Когда дочь приходила домой, Наташа радовалась той преданной и щемящей материнской радостью, которая с лихвой окупала бессонные ночи. До того времени, пока Катюша снова не уходила.

И в то утро все было так же. Наташа услышала, как осторожно открывается дверь, неуверенные, пьяные шаги по коридору, грохот ключей о деревянную столешницу, глухой стук скинутых каблучков, журчание воды в ванной. Катюша вернулась.

– Привет, малышка, – сказала Наташа, заглянув в ванную. Ей пришлось сделать вид, что она не замечает травмированные губы дочери. – Ночь была веселой?

– Типа того, – ответила Катюша, исподлобья посмотрела на маму и коснулась ранки на губе.

В такие моменты, когда они оставались одни в квартире – Костик был в школе, – Наташе хотелось взять дочь за шкуру, вытряхнуть из нее все дермо, отлупить ремнем и запереть дома, чтобы она не смела ходить по

тем местам и ночевать с теми людьми. Но Наташа знала, что делать этого ни в коем случае нельзя. Первая же минута свободы превратится в бегство, а учитывая характеры родителей Катюши, это бегство может быть окончательным и безвозвратным. Ведь сама Наташа однажды сбежала из дома и больше не вернулась туда, а отец Катюши и вовсе человек-перекачиполе, не имеет ни места жительства, ни гражданства. Где он сейчас – одному богу известно. Хорошо, что Катюша не знает о нем ничего, иначе романтика большой дороги по стопам отца ее бы покорила и унесла от матери далеко-далеко.

Умывшись и почистив зубы, Катюша удалилась в свою комнату, чтобы переодеться. Наташа заметила, что джинсы, которые на дочери, она не видела очень давно. Недели три, и в стирке их не было. Значит, она была *там, с тем мужчиной*. Ну конечно, откуда еще будут такие травмы! Наверное, и белье свое будет стирать сама, не положит в общую корзину. И футболка не ее, да и рюкзак.

«Ах, Катюша, Катюша, доченька, что же ты делаешь...».

Наташа приготовила завтрак, накрыла на стол и позвала Катюшу. Они позавтракали молча, думая каждая о своем. Наташа не могла не думать о вчерашнем вечере и Катюше, о месте, где она была и о человеке, с которым была.

Вчерашнее сообщение «Мама, не жди дочь сегодня» лишило Наташу сна. Она была в офисе допоздна, вычитывала материалы в завтрашнюю печать и никак не могла сосредоточиться, приходилось читать по несколько раз. Наташа специально тянула время, чтобы приехать домой попозже, в надежде, что Катюша передумает или не срastутся планы на ночь, и она вернется домой. Но в половине первого ночи, когда Наташа приехала, дома был лишь Костик, который давным-давно уснул. Она легла на диван одетая в ожидании звонка от Катюши или ее подруг, или из полиции, или еще из какого-нибудь страшного места, готовая выехать в любую секунду и спасти своего ребенка. Перед ней лежал планшет с открытой страницей банковского приложения. Наташа следила за расходами – вот она в клубе, покупает напитки. В половине второго часа ночи последняя операция по кредитной карте – 655 рублей, стоимость коктейля, и после этого полный штиль. Раньше у нее был локатор, который следил за перемещением дочери, но Катюша об этом узнала и устроила истерику, обвинила мать в двойных стандартах, недоверии и стремлении к всеобщему контролю. Пришлось локатор отключить, и начались бессонные ночи. Наташа не могла сказать дочери, что сможет уснуть только тогда, когда знает, где она. Не может, потому что официально она ей доверяет и не влезает в ее личную

жизнь, а беспокойство, которое Наташа не может победить ночами, – ее личная проблема, которая Катюшу никак не касается.

Но вчера с тревогой Наташа не справилась. На часах было 03:12, она собралась и поехала в клуб, в котором тусила дочь.

Надежда, что в клубе она застанет Катюшу, была слабой, она могла уже уехать. Но она там была. Увиденное Наташе не просто не понравилось, она пожалела, что вообще сунулась туда. Ночной клуб был полон пьяной молодежи (во всяком случае, Наташа надеялась, что парни и девчонки всего лишь пьяны), они дурачились, развязно танцевали, повиснув друг на друге, спотыкались на мягких ногах, падали, но это было ни задорно, ни весело. Это была вакханалия с гнилостным налетом. Молодежь, которая и являлась этой самой отвратительной массой, не понимала, как это все выглядит со стороны. А Наташа не понимала, что ее дочери нужно в таком заведении. А потом она увидела совершенно другую Катюшу, которую не видела никогда. Абсолютно невменяемая, повисшая на двух амбалах, ее дочь вела себя как самая настоящая потаскуха. Втянутая на танцпол, стиснутая со всех сторон потными озабоченными мужиками и вульгарными женщинами, она прыгала минут сорок, не останавливаясь и не сбивая дыхания. Наверняка она была под увеселительными таблетками, дающими энергию, но убивающими организм.

Наташа держала себя приклеенной к стенке, не шевелясь, следила за каждым контактом дочери. Она видела человека, который по-хозяйски взял ее дочь за шею и уволок с собой в курилку, где небрежно швырнул на диван и дал в руки какой-то маленький кулек, который Катюша послушно проглотила, закинула ногу на ногу и закурила тонкую сигарету. Через четверть часа она уже опять прыгала на танцполе, а тот человек встал рядом с Наташей и писал сообщения кому-то.

– Принеси мне кофе, – велел он, не отрываясь от смартфона.

Он был армянином, высоким, стройным и весьма симпатичным. Большие глаза, пухлые губы и надменный горячий взгляд – у восточных мужчин прекрасно выходит быть надменными. Наташа хотела было сказать ему, что она не официант, или вообще послать его, но вдруг передумала. Она сходила к бару, купила кофе, принесла этому человеку чашку и только тогда сказала:

– Хоть я и не официант, но держите.

Армянин поднял на нее удивленный взгляд, щелкнул телефоном, убрал его в карман, и проговорил весьма вежливо:

– Простите, просто девушки в этом заведении либо официантки, либо трансвеститки, либо шлюхи.

– Как видите, есть еще независимые женщины, которые не относятся к этим категориям. Меня зовут Наталья, я здесь по работе.

– А кем вы работаете? – спросил он.

– В сфере организации мероприятий, – соврала Наташа. – У нас есть клиент, который подыскивает площадки для своих корпоративов. Меня попросили оценить эту площадку.

– Я могу познакомить вас с хозяином, хотите?

– Нет, спасибо, в этом нет нужды. Я уже выслала свое мнение, что атмосфера этого клуба нам подходит. Я еще немножко тут потусуюсь и поеду домой.

– Сколько я вам должен за кофе?

«Вот ведь наглая морда! – подумала Наташа. – Если ты знаком с хозяином, то наверняка знаешь стоимость чашки кофе. Или просто выпендриваешься?»

Наташа решила проверить.

– Двести рублей, – сказала она.

Он тут же извлек из кармана джинсов тысячу рублей и подал Наташе.

– У меня нет сдачи, – улыбнулась она.

– Я бы хотел угостить вас кофе.

Ну кто же так угощает даму кофе? Типа, пойди купи себе кофе? Прикольнo. Наташа отвлеклась, потеряла бдительность и не заметила, как произошла катастрофа. Рядом возникла Катюша, она просто врезалась в стену и невменяемыми глазами уставилась на армянина. Дочь в упор не замечала Наташу, посмотрела на нее, но не узнала! Ну конечно, она была слишком пьяна и не ожидала увидеть тут мать, да еще и в обществе этого человека.

– Зая! – завопила Катюша прямо в лицо армянину. – Вези меня домой! Я натанцевалась!

Армянин посмотрел на Катюшу с безразличием. Наташу это взбесило. Ведь ты сам, говнюк несчастный, дал ей ту гадость, ты купил ей алкоголь и теперь делаешь безразличное лицо?! Армянин позвонил кому-то, и через несколько секунд рядом появились те самые двое амбалов, которые подхватили Катюшу и потащили к выходу. Наташа думала, что армянин сейчас распрощается с ней и уйдет следом, но нет. Он проводил неодобрительным взглядом собственника, как его вещь утаскивают, а затем повернулся к Наташе и сказал:

– Я извиняюсь за мою подругу, она не умеет держать себя в руках. Приходится следить за ней. Я могу все же угостить вас кофе?

Наташа неожиданно для себя согласилась. Армянин представился

Рустамом, но Наташа ни на миг не поверила в это. Она видела, что на его золотой карте выбито другое имя, но не смогла прочесть. Они сели за столик на летней веранде, кофе принесли почти сразу. Рустам (пусть будет так) спросил:

– Вас ничего не смущает в этом заведении?

– Нет, – ответила Наташа, – а должно?

– Ну вы наверняка неодобрительно относитесь к тому, что молодежь здесь принимает наркотики.

– Конечно, неодобрительно, но у каждого своя голова на плечах, и у них есть родители.

– У вас есть дети?

– Есть.

– И как бы вы отнеслись к тому, что ваш ребенок употребляет наркотики и зависает в таком заведении?

– Я бы не одобрила, – ответила Наташа.

– Но допустили бы?

– А мой ребенок, отправляясь сюда, скажет мне правду, куда он и чем будет заниматься?

– Тоже верно, – согласился Рустам.

– Рустам, могу задать нетактичный вопрос?

– Можете, – кивнул Рустам, отпив кофе.

– Та девушка – вы с ней встречаетесь?

– Ну можно и так сказать.

– А как вы относитесь к тому, что она перебрала лишнего? И это явно не только алкоголь.

– Да мне без разницы, если честно, – ответил Рустам. – Она так, на пару раз... Если вы понимаете, о чем я. Конечно, если бы мне было не все равно, я бы не позволил ей вообще здесь появиться. Она бы у меня училась, работала и занималась спортом. Ну в идеале, конечно.

– Но сами-то вы здесь...

– Я с головой дружу, – ответил Рустам. – Похоже, что я закидываюсь наркотой или хожу по темным комнатам?

– Нет.

Наташа не совсем поняла, что имел в виду Рустам под «темными комнатами», но явно что-то не очень цензурное.

– Что позволено Юпитеру, как говорится, – продолжал Рустам. – Катька, так зовут девушку, которую вы видели, неплохая девчонка, сообразительная, не ведет себя как последняя шлюха, хотя у вас может быть сейчас другое мнение, она сегодня перебрала, обычно она не такая.

Она из приличной семьи, учится. Но не всегда себя может держать в руках. Когда встретит подходящего человека, обязательно изменится.

– А если не встретит?

– Тогда превратится во что-то подобное этой диве.

Рустам кивком показал на непонятное существо, которое стояло справа от них в позе необычайно эротичной в каком-то совершенно ином измерении. Высокая рыхлая женщина в возрасте была облачена в застиранное платье розового оттенка. Голая спина в родинках со свисающими жировыми складками, неопрятные грязно-белые туфли с голым мыском на высоком каблуке, натянутые на голую ногу с грязными ногтями и потрескавшимися пятками. Платье было длинным, а разрез начинался от самых ягодиц, где просвечивали розовые же стринги, утонувшие в жирных складках ляж. Страшнее всего было смотреть на лицо в обрамлении белого старого и неухоженного парика-каре. Вульгарный макияж, жирными розовыми полосами с блестками уложен на веки, розовая жирная помада, растекшаяся по носогубным трещинам, и совершенно дикое выражение глаз. Лицо человека, которому уже ничем нельзя помочь.

«А ведь у тебя тоже есть мама», – подумала Наташа с тоской на сердце. Мысль, что ее Катюша когда-нибудь превратится в нечто подобное, болью отозвалось в груди, она поспешила сделать глоток кофе, чтобы закашляться и замаскировать слезы.

– Ужас, правда? – спросил Рустам. – Я давно тусуюсь в таких заведениях и все чаще вижу, как нормальные девчонки превращаются в это. У них нет людей, которые могут их сдерживать. Нет людей, которые могут сказать им: «Ты че, дебилка?!». Когда таких людей нет, появляются такие вот отбросы.

– Может быть, еще не все потеряно...

– Я вас уверяю, это все, – ответил Рустам. – С этой точно все. Ей тридцать лет, зовут Вера, и она на дне уже лет пять. Никто не поднимет это дерьмо со дна, оно никому не надо.

Вера между тем направилась к соседнему столику.

– Смотрите, ее угощают напитком, – сказала Наташа. – Может быть, кто-то умудрился разглядеть... О боже, он что?!.

Наташа закрыла глаза руками. Вера, получив недопитый напиток, рассыпалась в неуклюжих благодарностях, нагнулась и полезла под стол со смущенной улыбкой. И получила внушительный пинок прямо в лицо. Она кубарем откатилась от стола, упала на спину, растянулась и заплакала. Из носа текла кровь. Наташа подскочила, но Рустам схватил ее за руку.

– Сидите, ему помогут.

Наташа не сразу поняла, почему Рустам сказал «ему помогут», а не «ей». И тут до нее дошло. Да ведь это мужчина! Она пригляделась – и правда, мужская фигура, хоть и заплывшая жиром. Вера задрала голову, чтобы остановить кровь, и Наташа увидела внушительных размеров кадык.

Судя по всему, Вера в клубе был не один. Не успел он закричать, как к нему подбежали три аналогичные дивы, соскребли с пола пострадавшего, плюнули в сторону столика с разъяренным мужчиной и потащили Веру к лавочкам.

– Я просто хотела его отблагодарить! – выл Вера.

– Господи, с меня хватит, – сказала Наташа. – Рустам, спасибо за кофе, я поеду.

– Это жестокий мир, – улыбнулся Рустам. – Я вас подвезу.

– Нет, спасибо.

– Это не обсуждается.

– Вы можете проводить меня до машины, а дальше я сама.

– Договорились.

Рустам проводил Наташу до машины, попрощался с ней и сунул свою визитку.

– Если захотите еще одну экскурсию, я готов вам ее организовать, – сказал он.

– Спасибо, – улыбнулась Наташа. – Вы очень милый.

Она уехала, а визитку спрятала в кошелек. На ней было написано «Рустам Харетдинян» и номер телефона. Этот человек, видимо, имел либо два набора визиток – для бизнеса и для личных целей, или не имел никаких дел вообще, паразитируя на чьих-то деньгах, скорее всего, родительских. Наташа не обманывала себя, она понимала, что этот человек опасен своим спокойствием, и вместо успокоения от посещения клуба она получила только больше вопросов и тем для внутреннего обсуждения с собой.

И вот сейчас, сидя за столом напротив дочери, уплетающей яичницу с помидорами, Наташа пыталась выглядеть бодрой и выспавшейся. Как будто не было этой ночи, как будто она спала в своей кровати и не ездила в тот клуб, не видела все то, что видела, и не познакомилась с Рустамом. Наташа знала, что эту ночь Катюша провела с ним.

И этот человек сделал с ее Катюшей это – разбитая губа, синяк на плече, который дочь даже не пыталась скрыть, надев майку на бретелях. Наташа не представляла, при каких обстоятельствах все это было получено, и не хотела этого знать. Но она знала, что в случае чего у нее есть кому звонить. Она теперь знает, где искать дочь. Но надеяться на то, что Рустам

остановит ее малышку от падения, не было никаких оснований. Ее дочь совсем одна в этом жестоком мире, и она, Наташа, мать, которая все понимает и принимает, никак не может помочь ей. Она просто не сможет поймать свою малышку у той пропасти, куда скатились такие, как ночной Вера. Она просто не успеет.

Или она уже опоздала?..

Игорь, Москва, 09 марта года

Едва ли все дело в записке, но Игорь отчего-то был твердо убежден, что дело именно в ней.

А еще мама со своей Икеей!

– Мам, я не собираюсь ехать завтра в Икею, – раздраженно ответил Игорь. – Завтра я собираюсь как следует выспаться, а потом займусь беседкой. Должен же я ее когда-нибудь завершить!

– Ты отлично справишься со всеми своими делами, – спокойно ответила мама. – Имей совесть, свози мать в магазин. Можно не рано утром, а в обед. А потом занимайся своей беседкой хоть до позднего вечера! Мне нужно купить кучу важных вещей.

– Каких?

– Полку для обуви в баню, кое-что из кухонной утвари и, конечно же, блоки для роллера, которым я, между прочим, каждый вечер чищу твою пальто от кошачьей шерсти! А еще у Кристиночки нет сменного комплекта постельного белья, вчера я обнаружила, что пододеяльник порвался, а заменить нечем. Я, конечно, зашила, но повезло, что дырочка совсем крошечная. А если бы непригодно было? У нее всего два комплекта. Один в стирке, выбрать не из чего.

Игорь вздохнул. Вот ведь надо было ему показать матери этот гипермаркет, в котором есть все, что человеку нужно и не нужно! Теперь она только и грезит, как найти там то, что может пригодиться в хозяйстве. А учитывая, что с недавнего времени они живут в своем доме, таких вот необходимых вещей просто миллион! Дом постепенно обрастает бараклом. Цикл жизни барахла таков: сначала оно попадает в спальни, затем опускается до гостиной, потом в сад или в другое место на улице, и наконец пакуется в короба – и в гараж до лучших времен. На его место приобретается новое. Но мама так самозабвенно этим занимается, что у Игоря не хватает духу ей запрещать. Тем более что за границы разумного она не выходит.

Разве что с драценами, которых купила аж тридцать штук, потому что была распродажа, и один цветочек в горшке стоил всего 49 рублей. Но не

жадность ее сгубила, а слова продавца, который завидев интересующуюся старушку, как бы между прочим обронил: «Если цветы сегодня не продадут, все уничтожат». Такого кощунства сердобольная мама выдержать не смогла. Теперь эти драцены стоят везде – и на подоконниках, и в бане, и в сараях, и даже на летней веранде, примерзшие, но живые.

– Только на этот раз без жалостных взглядов, хорошо?

– Конечно-конечно!

Хотя как можно было обойтись без взглядов, Игорь не понимал. Мама только и делала, что заботилась о доме с самого их переезда сюда. Хоть и случилось это не так давно: много времени ушло на то, чтобы сначала осознать необходимость в Марине, а потом уговорить ее с отцом переехать в Москву из Иркутска, где она жила со своим нуждающимся в уходе отцом, а потом была целая эпопея с продажей его недвижимости в Москве, примирением с отцом, которого он вместе с матерью упрятал в дом престарелых под предлогом, что им там будет лучше... Но в конце концов появление Марины в его жизни расставило все по своим местам, и вот они всем своим огромным семейством вселились в этот шикарный подмосковный дом, чтобы счастливо жить^[1]. Игорю уже хотелось закончить бесконечный ремонт и благоустройство, он считал, что больше ничего делать не нужно, но мама все никак не могла остановиться.

Он поцеловал маму и вышел из дома. Маринина машина стояла в гараже, а Игорь припарковал свой новый автомобиль под навесом – выезжая из гаража, он обычно производил много шума и возни, да и времени это занимает много, хотя гараж рассчитан на две машины.

Уже выезжая с территории поселка, Игорь вспомнил, что не написал жене традиционное послание. Обычно они оставляют друг другу милые записки на зеркале в ванной, Марина специально приспособила там блок со стикерами и карандаши.

С тех пор как у них родилась дочка Кристина, Марина сидит дома. Роды были сложными, а начались прямо на концерте, куда Игоря пригласили вместе с женой. Они поехали в роддом, рискуя родить прямо в машине, но все оказалось не так просто. Кристина была упертой даже в животе у мамы и не собиралась покидать свою обитель. Роды продолжались шесть часов, Игорь стойчески пытался не терять сознание от страха и увиденного, держа жену за руку. Но все же дважды находил себя на полу.

Кристина родилась и сию минуту же разразилась недовольным криком, к радости врачей и родителей.

Когда малышку привезли в дом, случилось невероятное. Игорь не

просто увидел своего отца, который категорически не хотел общаться и даже выходить из своей комнаты, когда Игорь был дома, он увидел улыбающегося отца! Столько радости и живейшего интереса он не видел никогда! Новорожденную Кристину с первого дня опекали два дедушки, бабушка, мама и заметно потолстевший котей Чебурек, которого они взяли, как только переехали в этот дом. И только Игорь боялся оставаться с дочерью один на один. Его захлестывал панический страх: он уронит малышку, сделает ей больно, от неловкости свернет ей шею или еще что. Нет, нет и нет, с дочкой на руках Игорь только или сидел, или лежал, но не вставал и – упаси боже – не ходил. Марину это ужасно веселило, и когда ей хотелось отделаться от мужа, она оставляла дочь у него на груди и убегала заниматься своими делами. Игорь лежал, не вставая, глядя свою дочурку по щечкам и целуя вкусно пахнущие махонькие ладошки и пяточки.

Конечно, этому способствовали обстоятельства: у Кристины было много рук, жаждущих ее подержать. Если бы помощников у Марины не было вовсе, то Игорю пришлось бы побороть свой страх. Но пока вроде проносило.

«Черт, – подумал Игорь, – ничего хорошего из этого дня не выйдет, если я забыл про записку!»

И как подтверждение – звонок на мобильный телефон от нового босса.

Своего нового начальника Игорь не любил, да и не должен бы, конечно, но уж очень этот соплик его раздражал. Моложе Игоря на пять лет, предельно вежливый, тактичный, общается исключительно на «вы», никогда не повышает голос, предпочитает писать письма, а не звонить. А еще вид у него какой-то пришибленный и вечно удивленный, как будто он только что родился и не может понять, что происходит вокруг. Получать указания от человека, который, казалось, еще не проснулся, было неудобно и странно до ужаса.

– Игорь, доброе утро!

– Доброе утро, Валентин Леонидович, – вежливо ответил Игорь и улыбнулся, как учила его Марина.

Марина вообще плотно взялась за него, особенно за его стиль общения, повторяя, что нельзя всем своим видом сразу демонстрировать, что собеседник в глазах Игоря – неинтересное существо, которое можно только презирать. Игорь пытался возразить, что не все его собеседники достойны презрения, но Марина была категорична: «Но выражение лица у тебя всегда такое! И голос... Попробуй улыбаться, даже когда говоришь по телефону, так голос будет чуточку теплее!».

– Не заезжайте в офис, – велел Валентин Леонидович. – Езжайте сразу

на место происшествия. Готовьтесь к худшему – убили министра юстиции прямо в его кабинете. Дело ваше, но к нему обязательно попробует присоединиться ФСБ. Смотрите по обстоятельствам, если это будет действительно их юрисдикция, то не мешайте. Если нет, то занимайтесь спокойно. Докладывайте, пожалуйста. И поаккуратнее с журналистами, лучше, чтобы они писали в нашу пресс-службу и комментарии брали там.

– Вас понял, – ответил Игорь. – Еще распоряжения будут?

– Нет, жду от вас информации.

Игорь отключил телефон и выругался. Теперь точно никакой Икеи и беседки не будет! А будет огромная шумиха, пресс и все сопутствующее такому громкому делу! После завершения дела Джейсона МакКуина Игорю совсем не хотелось вновь становиться лицом, вовлеченным в медийное пространство^[2]. Тогда он отделался лишь несколькими публикациями, если не считать слов благодарности от самого МакКуина на концерте в Москве, здесь же он точно не избежит детального разбора каждого своего шага.

Игорь позвонил Полине Ковалевой, судебно-медицинскому эксперту, и Лешу Самохвалову, криминалисту. Полина была уже на месте, а Леша обещался быть в течение получаса. Команда, можно считать, в сборе, остались опера – Игорь очень рассчитывал, что ему на это дело дадут толковых, но выбирать не приходилось. Позиция нового босса насчет оперов из МВД очень категорична: руководство на месте само в состоянии решить, кого и куда отправлять, «просить» мы больше не будем.

Ну не будем, значит, не будем.

* * *

Вход в здание Министерства юстиции на Житной улице осаждали журналисты. Огромные пузатые микроавтобусы с логотипами телекомпаний создавали толчею и не пропускали экстренные службы. Журналисты настраивали камеры, стоял галдеж, царила суматоха.

Событие мирового масштаба – убийство министра юстиции России – привлекло всех.

Незамеченным Игорю проехать не удалось, хотя машина у него была серого цвета. Он проехал на закрытую парковку здания министерства по своему удостоверению, что не укрылось от глаз журналистов одной известной телекомпании. С криком «Наконец-то следователь приехал!» к его машине кинулись репортеры.

Место на парковке было у самого забора, и Игорю пришлось крепко

сцепить зубы, чтобы не ответить что-нибудь грубое на все то, что орало через решетку журналисты.

– Это тот следак, который расследовал дело МакКуина!

– А вы чего так рано? Тело еще не остыло!

– Игорь, скажите, какие комментарии у вас есть?!

Игорь отвернул лицо от вспышек фотокамер и надел кепку. Начинался мелкий дождик, и ему не хотелось намочить голову. Больше всего на свете Игорь ненавидел свои мокрые волосы, по которым вода стекает прямо на лицо.

Нелюдимость Игоря отчасти позволяла ему не здороваться с людьми вне рабочей зоны. Поэтому он спокойно прошел мимо курящих возле «бобиков» людей из службы спасения и криминалистов. Завидев красный «Опель», Игорь протиснулся мимо машин, чтобы поприветствовать Лешу Самохвалова, с которым у него были налажены нормальные отношения. А если быть точнее, с которым они здоровались.

– Привет, – сказал Игорь и пожал протянутую руку. Леша был очень немногословен и предпочитал выбирать – либо поздороваться за руку, либо вербально.

Леша забрал с заднего сиденья свой рабочий чемоданчик, натянул на голову шапку, и они двинулись ко входу в здание.

У входа уже дежурили сотрудники ФСБ, ограничивая людей на вход и выход.

– Пока не зафиксируем каждого человека, который находится в здании, никто не выйдет, девушка, я вам русским языком это сказал полчаса назад! – терпеливо объяснял мужчина без формы, но от него на три метра разило – фээсбэшник.

– Ну так зафиксируйте меня и выпустите! У меня самолет через два часа!

– Два часа? Так вы опоздали уже, чего переживаете? Вы ни за что на свете не доберетесь до аэропорта вовремя. Так что успокойтесь и в порядке очереди подойдите вон к тому сотруднику, он вас зафиксирует...

Игорь с Лешей спокойно прошли через металлоискатель, охранник на входе записал данные их удостоверений и указал на лифт.

Кабинет министра юстиции находится на двенадцатом этаже. Охранник проводил их до лифта и сказал, что дальше они справятся сами, так как весь этаж оцеплен. У лифта их встретили, еще раз удостоверились, что Игорь и Леша сотрудники органов, и проводили до кабинета, в котором вообще никого не было.

Тело министра все еще находилось в том же положении, в котором его

нашла секретарь Мария Сергеева. В своем кресле, уронив голову на стол. Лицо повернуто влево, глаза широко раскрыты. Посреди лба – входное отверстие от пули.

– Ну я тебе тут не нужен, чтобы установить, что это не суицид, – сказал Леша и поставил свой чемоданчик на пол.

– Пуля какая? – спросил Игорь.

– Думаю, калибр 8. А где все?

– А кто тебе нужен?

– Я могу уже тело трогать или нет?

– Можешь, – разрешил Игорь. – Только не перемещай. Оружия не видно?

– Не-а, не вижу.

Они осмотрели место преступления. Кабинет был небольшим, стол у окна, к нему приставлен стол для совещаний на пять человек: двое по бокам и один напротив министра. Один шкаф в стиль стола под черное дерево со стеклянными дверцами, за которыми – книги и несколько папок с документами. На полу – ковер, который они осторожно обходили.

В кабинете пахло свежим парфюмом и очень сильно – порохом.

Леша осмотрел тело и стал искать отпечатки пальцев на поверхностях.

– А вот и вы! – раздался бодрый голос сзади. – Доброе утро!

Игорь обернулся. В дверях в белом халате поверх красивого черного платья стояла и улыбалась Полина Ковалева, молодая, но опытная судебно-медицинский эксперт.

– Привет, – буркнул Леша.

– Доброе утро, Полина, – поздоровался Игорь и даже вымучил улыбку. Марина учила его улыбаться по-другому, открыто и поднимая голову, но он пока научился только так, исподлобья. – Ты уже закончила здесь?

– Нет, я только зафиксировала все, что мне было нужно.

– Время смерти?

– Как и утверждает свидетельница, между восемью и восемью двадцатью утра сегодняшнего дня. Леша, там очень много отпечатков на глазах – видимо, кто-то усиленно пытался их закрыть.

– Ты это как определила? – спросил Леша.

– Есть свои способы, – ответила Полина. – И я хочу вам еще кое-что показать.

Она подошла к телу, взяла министра за руку.

– Вот, смотрите сюда, на запястье, где начинается кисть, видите?

Игорь наклонился поближе. Вдоль запястья шел след, как будто запястье было перетянуто тонкой веревкой. Слишком тонко для

наручников, слишком толсто для нити, которые сейчас модно носить, преимущественно красного цвета из шерсти. Вроде как это приносит удачу, богатство и еще как-то связано с каббалой.

– Предположения?

– Я как раз проверяла свою догадку, и это уже не предположение, а факт – это след от силиконовой нити, очень прочной. Они используются для фиксации вместо наручников.

– Наручники? Кому потребовалось заключать в наручники министра? – спросил Игорь.

– Ну это за пределами моих возможностей, – с улыбкой ответила Полина. – Я могу лишь зафиксировать факт.

– Гильза была здесь? – спросил Леша.

– Нет, гильзу ни я, ни коллеги не нашли. Как и оружие. Но следов много, это уже хорошо.

– Свидетельница наша где?

– Сидит в кабинете заместителя министра. Девушка в шоке. А замминистра на работе к тому моменту не было, и в здание его не впускают.

– Почему?

– Потому что в ФСБ четко установили, что убийство связано с профессиональной деятельностью министра, и взяли расследование на себя. А вы же знаете, если они берут расследование, то все вокруг начинают дышать только по их разрешению.

Да, Игорь знал о таком подходе некоторых фээсбэшных следователей. Много пафоса, мало толку – личное субъективное мнение Игоря об этой службе. Но сделать объективный вывод ему не из чего, их дел он не знает, результаты не оценивал. Но когда сталкивались на общих делах, другого вывода не сложилось.

– И где же наши доблестные противники? – спросил Игорь. – Я вот на месте преступления сейчас скрою все следы, и черт что они раскроют.

– Игорь, этот вопрос тоже не ко мне. Ты же знаешь, наша служба как проститутка, нам хоть фээсбэшный ты следователь, хоть следственного комитета, один черт, все равно мы будем тело оформлять. Я забираю тело?

– Подожди, Леша еще снимки не сделал.

– Я сделала отличные снимки, – сказала Полина, щелкнув телефоном. – И даже уже отправила их тебе на почту.

Игорь улыбнулся. Давняя борьба между криминалистами и судмедэкспертами не прекратится, наверное, никогда. Еще несколько лет назад кто-то из этого здания заикнулся, что неплохо было бы сократить

судебно-медицинскую экспертизу и передать их в управление криминалистов. Услышав это, судмедэксперты стали более детально погружаться в изучение трасологии, баллистики, дактилоскопии, как бы демонстрируя, что после объединения сокращать нужно будет именно криминалистов.

– Пусть все же Леша сделает, – сказал Игорь.

Леша, все это время стоявший с фотоаппаратом наготове, сказал:

– Спасибо. А теперь уйдите из кадра.

Секретарь министра Мария Сергеева была молодой блондинкой в строгом синем брючном костюме, с модной стрижкой-каре и огромными наращенными ногтями, которыми она выуживала из огромной коробки с изображением улыбающегося котенка пятый по счету бумажный платок.

– Я захожу к нему в кабинет... А Дмитрий лежит... Глаза так широко открыты... Вы видели, что он смотрит прямо на вошедшего?! Ужас, ужас! Мне стало очень нехорошо, я сразу все поняла, сразу!.. Я поняла, что он умер!

«Ну конечно, ведь посреди лба огромная дыра, – подумал Игорь. – Тут надо быть блондинкой с очень длинными волосами, чтобы подойти к нему и спросить, не устал ли он».

Пришедшая в голову мысль Игорю отчего-то не понравилась, но сложить в уме два плюс два и понять, что с тех пор, как он женатый человек, сексизм начинает ему претить, он не смог.

– Вы слышали что-нибудь? Видели кого-нибудь? – спросил Игорь.

– Нет, ничего не слышала, никого не видела! Я получила сообщение от Дмитрия в семь тридцать шесть, чтобы по приходе сразу же зашла к нему, зачем, он не написал. Мы переписываемся с ним в чате, нашем, министерском.

– Расскажите все по порядку, – попросил Игорь, – с того момента, как пришли.

– Хорошо. – Она прикрыла глаза, прочистила горло и сказала: – Я зашла в кабинет в восемь утра, может быть, чуть раньше. Дверь была закрыта, но я знала, что он там, потому что в приемной горел свет. Обычно Дмитрий не запирает дверь, и я сразу иду здороваться с ним, сразу спрашиваю, какой кофе он будет – черный или латте, или, может быть, декафинированный. У него были проблемы с давлением, и если давление было высокое, то он пил кофе без кофеина. Но сегодня дверь была заперта. Такое случается нечасто, и я знаю, что это означает – он не хочет, чтобы его беспокоили. Я сняла пальто, повесила его в шкаф, запустила кофемашину,

включила компьютер, открыла почту. Компьютеры у нас не то чтобы очень современные и оперативные, и потребовалось минут пять, чтобы начать работать. Я видела, что пришло сообщение в министерском чате, но открыла его только после того, как чат отвис и стал нормально работать. К Дмитрию в кабинет я пошла сразу же, как прочла сообщение.

Игорь сверился с записями, которые ему передал оперативник. Согласно служебному журналу регистрации на вход, Мария Сергеева вошла в здание в 7 часов 53 минуты. До кабинета она добралась за четыре минуты, видимо, особенно не торопилась. На камерах видеонаблюдения зафиксировано время прибытия девушки на этаж – 7 часов 56 минут. До кабинета ей оставалось одну минуту.

На видеозаписи также зафиксировано время, когда она зашла в кабинет министра – 8 часов 08 минут.

Согласно тому же журналу посещений, сам министр вошел в здание в 7 часов 27 минут. В свой кабинет, согласно записям с видеокамер, он зашел в 7 часов 32 минуты. Зашел и закрыл за собой дверь. И больше никто туда не входил и оттуда не выходил. Следующим, кто открыл двери кабинета, была Мария Сергеева.

Преступление было совершено между 7 часами 32 минутами и 08 часами 08 минутами. Возможно, с 7:36, если сообщение действительно написал министр, а не убийца. На все про все – тридцать две минуты.

Как убийца проник в кабинет и не попал на запись камер? Как он беззвучно убил министра? Если убийство произошло с момента прихода секретаря, то даже с глушителем она бы услышала шум, значит, убийство совершено до ее прихода, то есть, до 7:56. А это значит, что у убийцы было всего 24 минуты. И где убийца прятался в кабинете, если министр смог написать сообщение? Или министр не переживал по поводу присутствующего человека? Если все-таки прятался, то у убийцы было еще меньше времени, ведь министр в 7:36 написал сообщение секретарю. У убийцы было ровно двадцать минут. Чтобы уложиться в 20 минут, нужно не просто спланировать преступление, нужно его продумать до мельчайших деталей: проникнуть, спрятаться, совершить выстрел, убрать гильзу, стереть свои следы, уйти.

Зачем убивать министра прямо в кабинете? Почему нельзя было сделать это у него дома, на улице?.. Да где угодно! К чему эта демонстрация? Чтобы показать, что убивают не человека, а именно министра? Посыл убийцы понятен, вот только насколько это правда?

И самое главное: как убийце удалось покинуть кабинет незамеченным?

Наташа, 09 марта года

– Мам, а если СМИ об этом напишут? Что мы будем делать? – спросила Катюша.

– Почему СМИ должны об этом написать?

Вопрос был риторическим. Наташа и сама знала, что СМИ напишут, ибо по-другому просто невозможно. Странно, что еще не написали, Наташа проверяла – только сообщения о смерти министра.

Убийство министра юстиции вызовет общественный резонанс, это к гадалке не ходи. Следователи перероют вообще все, что касается его жизни. И их тайная жизнь всплывет. Этого может не случиться только в одном случае – если министр умер, будучи в команде сильных мира сего. Тогда его посмертно могут спасти, тогда могут не поливать позором ее, Наташу, и жену министра не обзовут рогатой дурой и не обсмеют на весь мир. Репутационные риски Наташа оценила давно и знала прекрасно: в случае чего, виноватым Дима не будет. Да, такие прецеденты уже были, когда всю вину свалили на мужчину, но это другая страна, другие нравы. В России любовницы хуже проституток, а обманутые жены – жертвы, но жертвы «в глаза», а «за глаза» судачить будут о рогатой дуре.

Остаток дня дочь провела у себя в комнате, а Наташа отвечала на письма. Она работала из дома, и всем в офисе все было понятно. Она никому ничего не обязана объяснять. Пришло несколько сообщений от друзей, а после ужина, когда Наташа уже проверила уроки у Костика и разрешила ему поиграть в комп, позвонила Маша, ее подруга. Единственная, кого она может назвать своей настоящей подругой.

Они обе были успешными в карьере и одинокими в личной жизни. У Маши не было мужа, не было даже любовника, она жила весьма вольно и не позволяла никому быть рядом с собой дольше, чем бы ей самой этого хотелось.

– Привет, дорогая моя, как ты?

– Привет, Манюня, – ответила Наташа, – держусь.

Вот ведь странное дело. Когда она говорила с коллегами и даже с детьми – ее голос не дрожал, она держала себя в руках. Когда же позвонила Манюня, в горле встал ком, и стало сразу как-то трудно дышать.

– Я закончу через пятнадцать минут и приеду к тебе.

– Не стоит, Маш, поезжай домой, отдохни. Я знаю, сколько у тебя дел.

– Конечно, стоит, – ответила Маша. – Ты чего-нибудь хочешь? Привезти тебе чего-нибудь?

– Нет, спасибо. У меня все есть. Ты точно хочешь приехать?

– Точно хочу, – подтвердила Маша. – И буду совсем скоро.

Наташа повесила трубку и расплакалась. Тихо так, как будто боялась, что ее кто-то услышит. Но кто? Костик? Он играет в игрушку, и вокруг для него не существует ничего до тех пор, пока Наташа не снимет с него наушники и не велит ложиться в постель. Катюша? Она уже давным-давно спит. А больше в этом мире Наташа никому не нужна. Есть только Костик, Катюша да Манюня. Конечно, ей очень бы сейчас хотелось, чтобы Катюша проявила заботу и не отходила от нее, но обманывать себя Наташа не умела. У них не было с Катюшей настоящих доверительных отношений, только показные. Катюша воспринимала мать как подругу, с которой нужно дружить, потому что это выгодно. Ни о каких важных человеческих связях речи уже давно не было. Наверное, было бы лучше, если бы Наташа просто ничего не знала и понимала, что у Катюши есть какая-то личная жизнь, которую дочь с ней не обсуждает, но в остальном они были бы предельно откровенны. А эта показательная откровенность – показательная для них обеих – только все разрушает. Почему Наташа пришла к такому выводу? Потому что она работала журналистом, руководила целым штатом журналистов и понимала, что значит «ядро сюжета», чем оно важно и чем журналистская статья отличается от студенческого сочинения. В статье всегда есть корень проблемы, который вскрывают, объективно разглядывают и рассказывают об этом всем, а не просто фиксируют то, чем этот самый корень прикрыли.

О каких доверительных отношениях между матерью и дочерью может идти речь, когда ни одна мать не вправе смотреть на то, как ее ребенок катится вниз, набирая скорость? Ни один друг не вправе молчать, когда видит такое. А уж тем более мать. А они об этом не говорят. Но ведь что-то нужно сделать! Нужно вскрыть этот нарыв, обсудить это, поговорить, убедиться, что все под контролем, укрепить слабые места и восполнить пробелы... Но нет, не в их случае. Они на самом деле превратились просто в добрых соседей, которые говорят о бытовых вопросах и молчат о том, о чем действительно нужно говорить.

Когда приехала Манюня, Наташа уже выпила порцию виски. Ей страшно захотелось янтарного пойла с сухим льдом, чтобы не разбавлял крепость. И едва первые холодные струйки потекли в горло, она почувствовала, как отпускает. Сжимавшие горло тиски расслабляются, и потихоньку наружу выходит тугой ком.

– Привет, родная, – сказала Манюня, войдя в квартиру. У нее был свой комплект ключей от квартиры Наташи, и она ими воспользовалась. Такая была договоренность – после десяти в гости только со своими ключами,

чтобы не будить детей.

Манюня заключила Наташу в объятия и крепко сжала.

– Ты ужинала? – спросила Наташа.

– Умираю от голода, – призналась подруга. – У тебя есть чего поесть?

– Конечно, я же приличная мать, – сказала Наташа.

Слезы, стоящие в глазах, хлынули. Какая она мать? Она просто ничто. Наташа тряхнула головой и ушла на кухню, Манюня пошла следом, помалкивая.

Они не раз говорили об их отношениях с Катюшей, и Манюня знала правду. Она всегда кидалась на помощь Наташе, когда та не могла найти дочь, но исправить ничего, как и Наташа, не могла. Манюня не одобряла Наташин подход и высказывалась по этому поводу неоднократно. Но всегда помогала, когда Наташе требовалась ее помощь. В этом и заключается настоящая дружба, считала Наташа.

– Она опять дома не ночевала? – спросила Манюня, усаживаясь за стол.

– Не ночевала, – подтвердила Наташа. – Но сейчас спит.

– Как обычно? С разбитой мордой? Или что похуже?

Наташа кивнула.

– Не как обычно. Видимо, они давно не встречались, она давно не приходила в таком состоянии. А сегодня опять... Старые вещи, которых я давно не видела, разбитая губа. Хромает. На плече синяк. Ты знаешь, я вчера ездила в клуб...

– Зачем?

– Переживала, – коротко ответила Наташа. – Я видела ее. Я даже говорила с тем человеком...

– О чем?

– Не о том, о чем ты подумала. Я не знаю, чего и сколько мне нужно выпить, чтобы задать вопросы, которые сейчас в твоей голове. Он не знал, что я мать Катюши. Я представилась сотрудницей агентства, которое подыскивает место для проведения мероприятия...

Наташа рассказала Манюне о посещении клуба и пересказала разговор с Рустамом. Не рассказала только про тот страшный для нее случай с бедным мужчиной, который получил в лицо ногой, сказала, что увидела достаточно, чтобы переживать еще сильнее. Манюня молча выслушала и сказала:

– Наташа, пожалуйста, давай прекратим это. Раз и навсегда. Поговорим с ней. Обсудим. Объясним все риски...

– Ты думаешь, Катюша о них не знает?

– Я думаю, они для нее кажутся событиями из параллельной вселенной, – ответила Манюня. – Катюша о них знает, и, возможно, у нее даже есть такие знакомые. Которые пострадали. Но едва ли она всерьез считает, что такое может случиться с ней.

– Ты так думаешь?

– Я в этом почти уверена, – ответила подруга. – В любом случае если не поговорим, никогда не узнаем.

– Манюня, но ты ведь знаешь...

– Да, я помню, дорогая. Ты выбрала для себя быть мамочкой номер один. Но я твоя подруга, а не соседка в поезде, я не могу просто так смотреть на это все. Это неправильно. Ты обязана помочь своему ребенку, даже если он об этом не просит. Ты просто обязана это сделать. Ведь ты – мать. У тебя не только право, но и обязанность.

Наташа молчала. Она не знала, что сказать. Да, она должна. Но как? Как сказать то, что, возможно, разрушит этот иллюзорный мир? Что, если Катюша не сможет простить ее? Что, если не сможет жить по правилам? Что, если ей не понравится ограничить себя в том, в чем нормальные люди себя даже не видят? Что, если она уйдет из дома? Возможно, для кого-то эти вопросы кажутся глупыми и надуманными, но для Наташи они были страшными, практически невозможными. Ни единого отрицательного ответа она просто не переживет. У нее просто не получится. Не получится, и все.

– Ладно, давай оставим эту тему, – сказала Манюня, почувствовав напряжение подруги. – Скажи мне, что будем делать с твоей бедой? Ты будешь с ней общаться?

– С кем? С его женой?

– Да.

– Зачем? – не поняла Наташа.

– Затем, чтобы обсудить деликатные вопросы на всякий случай.

– Ты имеешь в виду деньги?

– Да. Там ведь и твои деньги тоже.

– Я с ними давно простилась.

– Не говори глупостей. Там есть твои деньги, и тебе обязаны их вернуть. Ты не была спонсором, ты их заняла.

– Меньше всего сейчас меня заботят деньги, – ответила Наташа. – Что мне сейчас делать, Манюня?

– Уточни вопрос, я не совсем понимаю.

Наташа посмотрела на подругу с удивлением. Что можно не понимать сейчас? Конечно, она говорит о том, что и как будет дальше. Сейчас, когда

Дима мертв, ее бизнесу придется несладко, возможно, очень несладко. Большинство проектов могут накрыться из-за отсутствия информационных поводов, не говоря уже об эксклюзивных новостях, которые Наташа продавала за границу. Но больше всего Наташу сейчас тревожило то, что многие считали, что министр и Наташа были любовниками, больше того, некоторые даже считали, что Костик – сын министра. Именно этот слух может быть громко сказан вслух и выплыть наружу. Но никто и никогда не должен узнать настоящую правду. Это просто убьет Наташину семью, это уничтожит будущее Костика. Наташа готова была взять на себя любые последствия, лишь бы не допустить, чтобы правда всплыла.

Наверное, Манюня права: придется встретиться с женой Димы и обсудить этот вопрос. Возможно, они придумают выход. Может быть, этот выход покажется кому-то странным, непонятным и даже неправдоподобным, но должна быть официальная версия. Если ее не будет, быть беде. Этого Наташа допустить не могла.

– Дима был моим информатором, Манюня, а сейчас должность министра получит его заместитель. Скорее всего, он и останется у власти, но к нему у меня нет ни единого подхода. Я не знаю, как мне вернуть этот источник...

– У тебя не один проект, – напомнила Манюня. – Ты можешь сейчас развивать свои другие проекты и отправить Игоря ого в небольшой отпуск. Я уверена, что со временем ты найдешь новый источник...

Игорь ий – псевдоним, под которым Наташа писала свои статьи на основе информации, полученной от министра.

Наташа достала из микроволновки разогретую запеканку из макарон с сыром, налила подруге сок и поставила тарелку и бокал перед ней.

– Манюня, для того, чтобы найти новый источник, нужно быть там. Нужно сидеть в министерстве и преданно заглядывать кому-то в глаза. У меня нет входа в этой здание. Единственным моим источником был Дима. Он давал информацию за несколько дней до события, и мы успевали подготовить выверенный материал, а люди думали, что Игорь ий такой проницательный, почти прорицатель... Ведь статья выходила в день события и содержала не только достоверные подробности, но и глубокий, подготовленный анализ. Где сейчас мне искать весь этот материал, я не знаю.

– И есть еще обратная сторона этой медали, – сказала Манюня, поедая запеканку. – Умер министр, ушел ий. Как бы чего не заподозрили...

– Я об этом не подумала, – сказала Наташа. – А ведь ты права. Ситуация еще хуже. В издательских кругах знают, что ий – это я. Это еще

быстрее запустит машину со слухами. Черт, Манюня, что делать?

– Не паниковать, – ответила Манюня. – Мы что-нибудь придумаем.

– Что, например?

– Мы найдем новый источник.

– Но как?

– Позволь мне помочь тебе. Завтра с утра я поеду в министерство и попробую прошерстить там людей. Рука руку моет, ты же знаешь, у меня куда меньше пяти рукопожатий до президента. Спасибо за ужин, я остаюсь у тебя.

Наташа вымыла посуду и выдала подруге ночнушку. Они легли в постель, и вскоре Манюня уснула, а Наташа еще полночи ворочалась. Она не чувствовала скорби, грусти или чего-то такого щемящего. Она не могла сказать, что Дима был плохим человеком, но ей совсем не жаль его. Нет, не так. Вероятнее всего, Дима был хорошим человеком, но их связывали совершенно другие отношения. Эти отношения не давали ей грустить и скорбеть о нем как о близком человеке или просто очень хорошем знакомом. Сейчас, когда прошло столько лет, их связывали только отношения «источник – журналист», а о той, настоящей, давней связи, она почти уже и забыла. Нет, снова не так – правила себя Наташа-журналист. Эту связь оборвать невозможно. Прошлое навсегда остается в нас, его нельзя выбросить, его нельзя забыть. Оно внутри, сидит и греется среди других воспоминаний. Она не забыла, никто не забыл. Просто это притупилось, запорошилось пеплом жизненного, важного и не очень, но в ворохе шелухи оно по-прежнему сидит и издает тихое вибрирование, как опасная рептилия. Невидимая, но опасная. В любой момент она выпрыгнет и нанесет молниеносный смертельный укус.

Но больше всего сейчас ее волновало будущее Катюши. Тревога усиливалась с каждым днем, и Наташа не могла отделаться от мысли, что, может быть, все гораздо хуже, чем она способна представить себе. Больше всего она боялась, что уже упущено время и ничего исправить нельзя. И ей только и останется смотреть, как ее ребенок, скатившись вниз, находит пропасти еще глубже, пропасти, из мрачных глубин которых Наташа вскоре не услышит даже голоса дочери...

Глава вторая

Наташа, Москва, 12 марта года

Утром она приехала на работу, чтобы разобраться с редакционными делами. Но материалы были не готовы, народ напуган, вокруг царили паника и хаос. Соединив в голове два события – смерть министра и исчезновение Наташи на два дня, – ее подчиненные впали в панику. Тихую, молчаливую, но все же панику.

Включив рабочий компьютер, Наташа первым делом проверила почту. Как и ожидалось – десятки писем, запросы, комментарии, а кто-то отправлял даже соболезнования. Она открыла пару писем и поняла, что Катюша была не так уж и не права – одно письмо пришло от главного редактора газеты, с которой Наташа больше не сотрудничает. В их письме было про трагическую смерть, унесшую близкого родного человека. Значит, слухи все-таки ходят. Ну что же, придется ждать и отбиваться. И встретиться с его женой, по-любому. Иного выхода Наташа не видела.

– Я хочу, чтобы вы все взяли себя в руки и прекратили паниковать, – сказала она своим сотрудникам. – Все, кто разводит панику и сеет слухи, будут немедленно уволены. Все, что произошло с министром, никоим образом не отразится на нашей с вами работе. Поэтому, будьте так добры, наострите перья – и за работу. Я в ужасе от того, как вы тут трудились, пока меня не было!

Ее помощник, Рома Рязанцев, был старшим специалистом в ее офисе и выполнял функции Наташи в ее отсутствие. Она оставила Рому в кабинете, выпроводив всех.

– Рома, ну что ты за заместитель? Почему ничего не готово?

– Наташа, совершенно нет материала! Все, что касалось не новостных материалов, мы подготовили, я загрузил в базу, ты можешь ознакомиться. И кстати, там висят два материала на утверждении, которые сегодня нужно отправить в печать. Посмотри их, пожалуйста, прямо сейчас. Из редакции уже звонили не раз и даже не два.

– Надо было выслать им черновики, а утвержденный материал попозже, с выделенными правками, ну что ты, первый раз замужем, что ли?

– Я так и сделал, они ждут финальную версию, – ответил Рома почти обиженно.

– В общем, Рома, о наших проблемах никто не должен знать. В офис звонили?

– Да, звонили и просили передать вам соболезнования. Вот список лиц, которые звонили. Они не стеснялись своих имен.

– Понятно.

Наташа пробежала глазами список из двадцати имен. Только журналисты, причем не из ее лагеря, а «оппозиция», то есть кто был против публикаций Игоря ого.

– Наташа, все думают, что вы с министром были любовниками. И что он снабжал вас информацией. Вернее, всех нас.

– Чушь!

– Но ведь так оно и было...

– Что так оно и было? Что мы были любовниками?

– Нет, об этом я не знаю, но что он снабжал нас информацией – это точно.

– Ты сейчас хочешь что-то услышать? – спросила Наташа. – Спроси напрямую. Были ли мы любовниками? Нет, не были. Никогда. Как понимаешь, и уже не будем. Был ли он нашим источником? Да, был.

Рома поджал губы. Наташа не могла без улыбки смотреть на него. Он был старше Катюши на два года, но, в отличие от ее дочери, Рома Рязанцев был большим умницей. Он соображал быстро, был начитан, грамотен и целеустремлен. У него никогда не было плохого настроения, он не боялся работы и с удовольствием погружался в любые темы в рамках своей профессии. Рома был настоящим журналистом, и Наташе было приятно его учить.

– У тебя есть уникальный шанс ответить мне тем же. Откровенность за откровенность, – сказала Наташа. – Ты работаешь на меня уже третий год, а я не знаю о тебе ничего. У тебя хоть есть личная жизнь? Ты все время в офисе.

Рома посмотрел на Наташу испуганно.

– Наташа, а почему это вас заинтересовало на моем третьем году работы?

От волнения Рома перешел на «вы».

– Смотрю я на тебя, такого хорошего парнишку, и мечтаю, чтобы у моей Катюши был такой вот парень, – улыбнулась Наташа.

Она хотела развить эту мысль, но не успела – прервала полиция. Полицейские вошли в кабинет бесцеремонно, словно к себе домой. За ним вбежали растерянные и взволнованные секретарь Наташи и ведущий редактор, отвечающая за производство материалов от имени Игоря ого.

– Добрый день! Наталья Добронравова – это вы? – спросил один полицейский.

- Да, это я.
- Пройдите, пожалуйста, с нами. Вас вызывают на допрос.
- А где повестка?
- Повестка – это мы, – ответил второй полицейский. – Поторопитесь. Наташа встала из-за стола, взяла сумочку и сказала:

– Рома, утверди статьи сам, под свою ответственность. Марина, – обратилась она к ведущему редактору, – сделайте сегодня все материалы по ому, мне нужно, чтобы вы опубликовали сегодня все. Включая ту статью про министра, которую мы вчера обсудили. Обязательно проверьте все факты, материалы у меня в базе, у Ромы есть доступ. Я скоро.

И вышла вслед за полицейскими, которые услышали ее слова и не очень обрадовались им. На то и был расчет. Ей нужно было оставить за собой ниточку, по которой она сможет вылезти наружу, если ее вздумают запереть в подвале.

* * *

Ее вывели из здания и посадили в неприметный седан с тонированными стеклами. Изнутри улицу было не видно, а спинка переднего сиденья полностью загораживала лобовое стекло – Наташа не видела, куда ее везут. Никто с ней не разговаривал, двое полицейских салютнули встречавшим ее людям в костюмах, передали Наташу им из рук в руки. Буквально передали, одни отпустили ее плечо, другие взяли за плечо и усадили в машину, которая тотчас тронулась. Наташа не видела, куда ее везут, кроме нее, в машине никого не было, от водительского места ее отгораживала темная перегородка.

Они ехали минут сорок, за это время Наташа поняла три вещи: первое – в машине нет связи, видимо, стоят глушители, второе – она не знает, кому можно было бы позвонить, разве что Манюне, и третье – она не боится.

В самом деле, даже если бы работал телефон, кроме Манюни, ей некому позвонить. А что могла Манюня? Судя по всему, ее арестовали или задержали, (как там правильно?) органы власти. И это может длиться до 72 часов без объяснений причин. Но раз это власти, то чего ей бояться? Максимум, что может произойти, – это ее обвинят в том, что она использовала полученную от министра информацию. Ну и что? За это должно влететь министру, а он мертв. Ей-то что? Она его не подкупала.

И тут ее бросило сначала в жар, затем в холод. А ведь был миллион.

Был, и как отвертеться в случае чего? Ладони вмиг вспотели, Наташа запаниковала, но быстро взяла себя в руки, закрыла глаза и глубоко задышала.

«Так, успокойся, старая стерва, ты ничего плохого не сделала. Главное в таких ситуациях что? Ну-ка, вспоминай, что говорила Манюня при неожиданных допросах? Правильно, не паниковать. А во-вторых, не давать смешать в кучу факты, позволяя их приукрашать. Нужно старательно разделять каждый факт и рассматривать так, как это было на самом деле, обрывать ненастоящие связи, которыми обрастает рассказ в чужих устах, – и постоянно, методично это делать, не давая допрашивающему сплести свою историю, увязав концы из разных клубков. Ни в коем случае не дать себя запутать и не лгать. Если не знаешь, повредит ли тебе информация, которую собираешься сказать, – скажи, что не помнишь. Да, так отвечают только вруны, но за это не сажают, сажают за ложь, под которую переписывают обвинительные заключения».

Машина остановилась, открылась боковая дверь, и Наташу попросили выйти. Они приехали в какой-то загородный дом: огромный, каменный, как средневековый замок. Наташа даже не могла сориентироваться, в какую сторону ее увезли. Вокруг росли высоченные ели, и воздух был умопомрачительный, аж голова закружилась.

– Вас ждет Артем Леонидович Лукьянов, директор спецподразделения Федеральной службы безопасности, – сказал Наташе человек, который, видимо, ехал вместе с ней в машине, потому что вокруг больше никого не было. Это был мужчина из военных – судя по осанке и взгляду, сосредоточенному, без толики эмоций.

Наташа кивнула и последовала за военным в дом. Она держалась строго, не как арестантка, а как приглашенный эксперт. Ей не верилось, что с ней поступят как-то по-иному, чем она рассчитывает. Скорее всего, это какой-то приватный визит, а не похищение для допроса с пытками, иглами под ногти, утоплением и этим всем. Наташа надеялась, что если бы с ней хотели сотворить что-то страшное, ее бы скрутили и ударили по голове хотя бы раз, а не просили бы следовать за собой, так нежно с пленными не поступают. Хотя евреи в годы холокоста стройным рядом следовали в печь... Наташа отбросила от себя эти мысли и сосредоточилась на дороге.

Помещение было нежилым: вокруг кабинеты, работают люди, никаких покоев, библиотек и столовых, все в коврах и картинах, но обстановка рабочая.

В кабинете, в который Наташу привели, было накурено и очень многолюдно. Люди в форме и в гражданской одежде сидели в креслах,

стояли у окон, курили при закрытых форточках и громко что-то обсуждали. Ни одной женщины Наташа не увидела.

– Наталья, добрый день, – сказал кто-то и все разом замолчали и уставились на Наташу. Она не могла всматриваться в каждое лицо и ловила лица отрывками – у кого-то кустистые усы, у кого-то лохматые седые брови, у кого-то обвислые щеки или очень пухлые губы, кто-то курил трубку, а кто-то даже сигары. – Проходите, располагайтесь.

– Добрый день, – ответила Наташа, боясь закашляться. – Увы, не могу, здесь так дымно, что я боюсь задохнуться.

– Проводите Наталью в переговорную, – велел голос, обладателя которого Наташа до сих пор не видела. Все тот же военный велел ей следовать за ним, через несколько поворотов в коридоре раскрыл двустворчатые дубовые двери и впустил ее в переговорную. Судя по всему, это был штаб по управлению каким-то проектом, потому что во всю стену висел плазменный телевизор с надписью NO SIGNAL, а на круглом столе были разбросаны письменные принадлежности и чистые листы бумаги.

Наташа положила сумку на одно из кресел, на другое села сама. В кабинет стали подтягиваться люди, они садились по другую сторону. Наташа напряглась: да, похоже, это будет все же допрос. Но людей набивалось все больше, они стали садиться и на Наташину сторону, отчего она немного расслабилась. Военный принес ей бутылку воды и стакан. Наташа с удовольствием опустошила полбутылки прямо из горлышка.

Наконец в переговорную, до предела забитую людьми, вошел мужчина на очень коротких ногах. Если взять Брежнева и очень сильно, но пропорционально его уменьшить, то получится именно такой человек. Он был в черной форме с желтыми погонами и вензелями, Наташа сосчитала звездочки – генерал-полковник, значит. Да, она видела это лицо. Артем Леонидович Лукьянов не был лицом публичным, но она знала, как он выглядит.

– Еще раз добрый день всем, теперь мы в полном составе, – сказал Артем Леонидович. – Можно начинать. Времени на представления ни у кого нет, опустим эти формальности, скажу сразу, что Наталья Добронравова окажет нам всестороннюю помощь. Докладывайте по обстоятельствам, – велел генерал-полковник Лукьянов.

Один из обладателей кустистых бровей включил маленьким пультиком плазму, и на экране появилась фотография покойного Шелехова, именно то фото, которое размещено на сайте министерства в разделе «министр».

– Дмитрий Шелехов, до десятого марта сего года министр юстиции, в восемь утра девятого марта был найден убитым у себя в кабинете, – сказал

кустобровый. – Официальное следствие ведет несколько версий, ни одна из них не связана с профессиональной деятельностью министра. В части профессиональной деятельности Шелехова выделено несколько уголовных дел, которые расследуются параллельно, и нет оснований сейчас их обсуждать, поскольку достоверной информации нет, и едва ли она будет в ближайшие дни. Сейчас следствие на стадии оформления допусков, изучения материалов. По горячим следам никого взять не удалось, открытых версий нет, показания свидетелей и коллег никаких данных не дали. Отдел кодировки готовит полный отчет о контактах министра за последний год, но, по предварительным данным, никакой информации, которая поможет выйти на убийцу, нет. Поскольку руководством страны принято решение сосредоточить следственные силы на версии личных взаимоотношений министра, были проанализированы двести контактов Шелехова, люди, с которыми он связывался более пятидесяти раз. В числе самых частых контактов – госпожа Наталья Добронравова. Нашими специалистами изучена личность госпожи Добронравовой. Разведена, имеет совершеннолетнюю дочь Екатерину Олеговну и несовершеннолетнего сына Константина Олеговича. Установлены контакты министра с дочерью Добронравовой – шесть за последние два года, с Натальей – более четырехсот. Аналитическим отделом ФСБ сделан вывод о некоем роде семейных отношений, однако официальных данных, подтверждения или опровержения данной информации нет. В результате санкционированного судом допуска к личным данным министра Шелехова была поднята переписка с дочерью госпожи Добронравовой Екатериной и был установлен факт интимной связи между министром и девушкой. Указанная информация изъята и закодирована в хранилищах ФСБ, судя по информации, оснований убивать министра у девушки не было, их связывали теплые личные отношения. В результате того же расследования была поднята переписка и личные звонки с самой госпожой Натальей Добронравовой, в результате чего было установлено, что она неоднократно оказывала Шелехову помощь, в том числе материальную, в размере одного миллиона рублей несколько лет назад. Однако указанное обстоятельство носило личный характер и не было связано с подкупом или взяткой. Оснований убивать министра у госпожи Добронравовой также не выявлено. Вместе с тем, возможно, Наталья располагает информацией, связанной с контактом министра с женщиной по имени Лаура Висконт, подданной Великобритании, постоянно проживающей в Москве, замужем, без детей. Госпожа Висконт является единственной владелицей компании Global Franchise Research Industries, имеющей российское подразделение в

нашей стране. Компания зарегистрирована на Виргинских островах, со скрытыми учредителями, однако конечным бенефициаром является Висконт. Компания оказывает консалтинговые услуги разного уровня, начиная от легализации взяток в Центральный банк, заканчивая сопровождением международных коммерческих подкупов и финансированием лобби. Висконт была замечена при сделках по даче взяток правительству Узбекистана по приватизации сотовых операторов, кроме того, Висконт проводила ряд операций по финансированию террористической деятельности и экстремистов в Сирии.

– Какая деятельная дама, – высказался генерал-полковник Лукьянов и басовито хохотнул. Народ вокруг стола поддержал его густым забористым смехом. Наташе было не до смеха, она сидела как голая, в шоке от фактов, которые сейчас кустобровый вывалил на стол перед всеми про нее и ее дочь.

И что означают эти шесть контактов наедине с министром? Катюша встречалась с Димой в ее, Наташино, отсутствие? Но она не помнит такого, вернее, ей об этом неизвестно. Эта новость была неприятной и какой-то омерзительной. Слово ее обманула собственная совесть. И в который раз она убедилась, что быть в неведении, когда тебе кажется, что ты знаешь все, – самая отвратительная в мире вещь, хуже только рваные колготки на первом свидании.

Кустобровый тем временем продолжил:

– По имеющимся сведениям, Висконт сейчас находится в Москве, однако ее охрана не позволяет даже приближаться к ней без постановления судьи. У Висконт есть частная резиденция с вертолетом, откуда она может взлететь и покинуть страну. Вертолет оснащен подвесными баками и приземлится на дозаправку только в Польше, на закрытом аэропорте. Были попытки задержать Лауру, однако все они закончились ее бегством. Как она проникала на территорию России – неизвестно, однако и оснований задержать ее у нас нет и не было.

Вот тут Наташа удивилась еще сильнее. А казалось бы – сильные мира сего. Да чего непонятного? У этой бабы в руках яйца больших чиновников, которые и обеспечивают ей беспрепятственный въезд и выезд. Если уж Наташа умудрилась получить доступ к министерским данным, то и Висконт смогла прикормить кого-то из министерств. Да хоть самого кустобрового, кем бы он ни был!

Наташа всмотрелась в старое, но ухоженное лицо Лауры Висконт, ее фото сменило портрет Дмитрия Шелехова. В молодости она наверняка была очаровательна и очень красива. Сейчас красота немного увяла, но она

все же натуральная – никакого фотошопа, никаких подтяжек. Минимальный набор обвислости и морщин – ровно по минимуму в год, не больше. Эта женщина тщательно следит за собой, за своим телом и здоровьем. Красивый цвет лица, свежий и натуральный, чистый взгляд ясных голубых глаз, аккуратная прическа из сильных волос пепельного цвета.

– Все, Павел Семеныч, закрывай свою шарманку, – велел генерал-полковник Лукьянов. – Наталья, расскажите нам, пожалуйста, об отношениях министра с вашей дочерью.

– Мне ничего об этом неизвестно, – ответила Наташа.

– Потому что их не было? Или вам о них не говорили?

– Я повторю свой ответ: мне ничего об этом неизвестно. Если отношения и были, я о них не знаю. Своими словами я не подтверждаю, но и не опровергаю никакие сведения.

– Хорошо, пусть будет так. А деньги? Шелехов отдал вам их или нет?

– Нет, не отдал.

– И причину вы не знаете?

– Нет.

– Ну, значит, оно вам и не надо, – миролюбиво ответил Артем Леонидович. – Давайте приступим, собственно, к делу. Мы пригласили вас по той лишь причине, что взять эту скользкую тварь в одиночку не можем. Провернуть такое убийство могла она, у нее бы получилось. Нам нужна ваша помощь.

Ах, вот оно как! Помощь им, значит, нужна. Ну что же, держите.

– И так вы просите? Унижая меня и мою дочь? Я отказываюсь сотрудничать с вами, и помогать вам не стану. Хотите таскать меня или мою дочь по СИЗО – вперед. Этим меня не напугать, мы еще посмотрим, кто кого там унизит.

– Наталья, вы уверены, что выбрали верный тон? – все так же миролюбиво спросил Лукьянов.

– Уверена!

– То есть помочь нам вы не хотите, правильно?

– Правильно.

– И не станете возражать, если я запомню, что вы отказали нам в помощи?

– Я не возражаю.

– В таком случае более вас не задерживаем.

И она действительно смогла уйти. Ее вывели из здания каким-то коротким путем, всего раз вильнув в коридорском лабиринте, и вот уже

улица. Все тот же автомобиль стоял все там же, выпускал молочные клубы выхлопных газов. Она села на пассажирское место на заднем сиденье, и машина тут же тронулась.

Под тихий гул двигателя Наташа сидела с широко открытыми глазами. В голове не умещалось, что она стала участником реальных событий. Все происходящее было похоже на какой-то гротескный спектакль, объективность которого сводилась к нулю. То, как она общалась с представителями власти, было результатом ее напряженной борьбы с собой. С одной стороны, она боялась навредить себе и Катюше, с другой – просто не могла не защититься. Когда автомобиль затормозил возле какой-то станции метро и ей сказали, что она может выходить, Наташа пришла к выводу, что у нее не было другого выхода, кроме как повести себя именно так, как она себя повела. И корить себя не за что. Кто знает, что сделали бы с ней, не дай она отпор? Кто знает, к чему бы ее принудили? Возможно, ее заставили бы раскрыть ее семейные проблемы, рассказать подробности... Она успокоила себя, что все сделала правильно, оставшись в стороне. Вот только где гарантия, что она действительно сумела остаться в стороне? Где гарантия, что завтра они не придут к Катюше и не заставят ее работать на них? Эта мысль придавала ей сил – она должна срочно увидеться с дочерью, поговорить с ней, предостеречь.

Выйдя из метро, первым делом она разыскала Костика, по телефону сын ей сказал, что будет дома через час, у него какие-то дополнительные занятия. По ее голосу Костик понял, что что-то случилось, и сказал, что может прямо сейчас прийти домой, если это нужно. Наташа, услышав голос сына, успокоилась. Не нужно пугать ребенка, не нужно.

Потом она позвонила Катюше. Но дочь не отвечала на звонки. Наташа написала ей сообщение в мессенджере, потребовав срочно перезвонить, бросив все свои дела.

Третий звонок она сделала в офис. Ребята ее потеряли и сильно беспокоились. Она успокоила всех, сказав, что все выглядело страшнее, чем было на самом деле, и что утром она будет на работе. Она уточнила у Ромы по поводу статей, он сказал, что все утверждено и редакции получили финальные версии материалов.

Напряжение не проходило. Она пыталась отвлечься, заняться делами, сделать что-нибудь, чтобы время до звонка дочери прошло быстрее. Дома она прибралась в квартире, разложив вещи по местам, запустила стиральную машину, помыла посуду и даже приготовила себе кофе.

Катюша позвонила, когда Костик, весь запыхавшийся, ввалился в квартиру, и, расшвыривая ботинки, унесся в свою комнату к видеоигре.

– Что случилось? – спросила Катюша вместо приветствия.

– Где ты? – в ответ спросила Наташа.

– Почти у дома, вышла из метро, появилась связь.

– Давай быстро, есть разговор.

– Мам, все в порядке?

– Да. Давай быстро домой.

Наташа сама себе удивилась. С Катюшей она прекрасно держала себя в руках, помня о том, что ее дочь очень ранима и любое проявление агрессии или даже перемены настроения матери в худшую сторону воспринимает на свой счет. Такой резкий разговор мог напугать ее.

Но не напугал.

Дочь вошла в квартиру с высоко поднятой головой и злым блеском в глазах.

«Обиделась, – поняла Наташа, – обиделась до смерти! Ну конечно, мы ведь не разговариваем друг с другом в таком тоне. Мы не командуем, кому, куда и когда идти. Мы «выше» всего этого».

Наташа хотела продолжить эту мысль, но увидела, во что была одета Катюша, и с большим трудом сдержала гнев.

– Что на тебе надето? – спросила Наташа предательски дрожащим голосом.

– Брюки.

– Это не брюки, это лосины. Их нельзя закатывать до колен. И этот топ сюда не подходит, не говоря уже о том, что у тебя примерзло пузо и покрылось гусиной кожей, как будто ты выщипала растущие на животе волосы. Переоденься, пожалуйста, смотреть противно.

Катюша открыла было рот, чтобы достойно ответить, но отчего-то не стала. Она молча скинула кроссовки, аккуратно поставила их на полку и удалилась в свою комнату. Наташа подождала ровно столько, сколько требуется, чтобы переодеться, и вошла в комнату дочери, плотно затворив за собой дверь. В комнате был настоящий свинарник – вещи комом валялись на полу, стуле, кресле, диване; торшер с бархатным абажуром покрылся слоем пыли, как и телевизор, компьютер и письменный стол. Кровать не застелена, белье неопрятно-серого цвета.

Наташа молча обозрела картину и спросила:

– Откуда у тебя деньги?

– Какие деньги?

– Я даю тебе намного меньше денег, чем ты тратишь. Я посмотрела банковскую выписку – ты не тратила с кредитки последние полгода так, как тратила раньше.

– Я стала экономнее. Много из того, что мне было нужно раньше, теперь потеряло смысл. Мне неинтересно тратить деньги на какие-то вещи, которые раньше были важны. Ты из-за денег переполошилась так? Ты сама не своя.

– Катюша, откуда у тебя деньги? – повторила Наташа свой вопрос.

– Мам, да нет никаких денег! Что ты несешь?

– Когда ты встречалась с Димой в последний раз?

Вопрос оказался для Катюши неожиданным. Она побледнела, и быстро взять себя в руки ей не удалось. Она сглотнула и помотала головой, как будто пыталась своими жестами показать, что это был глупый вопрос, и что ответить на него серьезно просто нельзя.

– Ты встречалась с Димой в мое отсутствие?

– Что?

– Ты прекрасно поняла вопрос.

– Нет.

– Не лги мне. Что вас связывало?

– Мама, да я говорю тебе...

«Все! – мелькнуло в голове. – Я так больше не могу!».

Наташа ударила ладонью по столу. После того что она сегодня пережила, она была не готова долго и тактично подходить к правде или довольствоваться полуправдой. Ей нужно было понять, с чем она имеет дело, и разобраться с этим. Разобраться раз и навсегда. Она не может и не хочет лишних подозрений, не хочет думать и догадываться о вещах, которые не просто нужно узнать, но еще и постараться как-то пережить.

– Перестань мне лгать, – сказала она с металлом в голосе. – Я тебя серьезно спрашиваю – как часто и за что Дима давал тебе деньги? Вы были любовниками?

Катюшины глаза раскрылись широко. Конечно, не ожидаешь, что кто-то войдет в твой дом незваным, когда раньше бродил вокруг ограды, не позволяя себе без спроса даже заглянуть в огород.

– Как часто вы встречались? У вас были отношения? Или ты оказывала ему услуги за деньги? Катя, отвечай на вопросы, не молчи! Мне нужно понимать, какие у вас были отношения и что там, в конце концов, произошло!

Она хотела добавить еще каких-то обвинений, но боялась, что если они будут сильно мимо, дочь решит, что мать блефует, ей ничего неизвестно и можно не раскрывать правду вовсе.

– Я не понимаю, о чем ты!

– Не строй из себя дебилку! – заорала Наташа, окончательно выйдя из

себя. – Ты не понимаешь, что происходит?! Министр убит, всю его переписку изъяли и тщательно проверяют! Мало того, что о вас уже знают все спецслужбы, так сейчас тебя проверяют на причастность к смерти Шелехова! Скажи мне, за что он тебе платил? Отвечай сейчас же!

Но Катюша не привыкла к таким сценам и быстро вышла из себя. Она открыла дверь и вытолкала мать из комнаты с криком:

– И не смей даже заходить сюда!

И захлопнула дверь перед Наташиным лицом.

– Мам, что происходит? Почему вы ругаетесь? – услышала она голос Костика.

Она повернулась к сыну.

– Костик, возвращайся в свою комнату и сиди там, нам нужно поговорить с Катюшей.

– Это не разговор! – снова заорала Катюша из-за двери. – Это просто гнусные обвинения!

Она вырвалась из комнаты. На ней был свитер, куртка и джинсы, в руках – рюкзак с вещами. Наташа похолодела.

– Конечно, ты будешь обвинять меня в чем угодно! – закричала Катюша в лицо матери. – Потому что никому не веришь! Ты следила за мной, ты контролируешь меня! Притворяешься, что доверяешь, что у нас хорошие отношения, а сама только и делаешь, что пытаешься влезть в мою жизнь и все испортить! Все! Я больше не буду это терпеть, мне надоело! Адьюс!

И снова оттолкнув Наташу, она сунула ноги в кроссовки. Шнурки завязались сами собой – такая модель. Катюша достала из рюкзака ключи от квартиры и бросила их к Наташиным ногам.

– Подавись, – процедила она.

* * *

Манюня приехала глубокой ночью. Она перезвонила Наташе, когда та закончила рыдать и даже уже закончила читать рабочую почту. Наташа сказала, что спать она не собирается, и завершила, что дождетсЯ Манюню. Она не смогла скрыть от подруги сегодняшние события, и когда ее рассказ закончился, Манюня проговорила:

– Ну что я могу тебе сказать? Доигралась ты со своей толерантностью. Я не скажу, что сильно удивлена, узнав, что Дима вел какие-то дела с Катюшей, и не удивлюсь, если их связь была на почве секса. Тем более за

деньги. Ты совсем потеряла контроль над дочерью, Наташа, а у нее самой головы на плечах нет. Ты сейчас узнаешь то, о чем не должна была узнать.

– Почем не должна? Я должна это знать!

– Нет, – жестко ответила Манюня. – Ты совсем запуталась во всем, Наташа! Совсем запуталась и всех запутала! То, что тебе должно быть известно, ты как раз не знаешь. А вот то, где твоему носу делать нечего – ты туда залезаешь и пытаешься все вынюхать. Я тебя люблю, подруга, но не могу не сказать, что ты чертовски неправа, не позволяя дочери самой решать, с кем ей быть. Ты с чего-то решила, что она обязана согласовывать с тобой каждого своего любовника только по той причине, что ты не высказываешь своего мнения, не мешаешь ей творить что вздумается и еще почему там. Это глупо. Рассчитывать на это – глупо. И негодовать – тоже глупо. Ты не имеешь никакого права на это. Это ее личное дело, это Катюша не обязана тебе ничего рассказывать. А вот что употребляет твоя дочь на разного рода дискотеках – это то, что должно быть под твоим контролем. Если ты узнаешь, что она что-то курит или глотает из наркотических веществ, ты должна полностью и сразу это прекратить. Как ты можешь вообще доверять Катюше в таких делах? Как ты можешь позволять ей вести свою жизнь в пьяном или наркотическом угаре? Она может наделать бед, а ты даже не сможешь ей помочь. Первое, что ты должна была запретить, как только узнала, – это посещение всяческих клубов, рассадников наркотиков. Ты знаешь, какая у Катюши зависимость?

– Нет, не знаю.

– Зато ты знаешь, что есть человек по имени Рустам, или Руслан, или как там его? Который вроде как заботится о Кате. Ты залезла в эти отношения, слава богу, только по верхам (если, конечно, не соврала) и все-все выяснила. Вот там тебе делать нечего, это закрытая для твоего любопытного носа спальня! С чего ты вообще взяла, что имеешь право знать?

– Но я действительно имею право!

– Нет, – еще жестче ответила Манюня, – не имеешь! И именно поэтому у вас с Катюшей такие отношения. Потому что даже она понимает, что твои вопросы мимо кассы. Твои слезки тоже незаконны! Это аморально!

– Послушай, что ты вообще понимаешь...

– Я все понимаю. Я с ней говорила.

– Что?

– Что слышала! Катюша со мной советуется. Не всегда так было, а только после смерти министра. Мы говорим с ней о тех вещах, которые ее

волнуют. И да, я знаю намного больше, она рассказывает мне. То, что ты пытаешься вытянуть из нее силой, само попадает мне в руки. Да, там есть несколько эпизодов, за которые стоит попереживать, но ничего критичного.

– Она встречалась с Димой! Встречалась без меня. Дима давал ей деньги.

– Никаких денег Дима ей не давал, – ответила Манюня. – Вернее, не давал своих денег. Дима отдавал долг, и отдавал Катюше, поскольку она его убедила, что ты велела ей забрать деньги. Чтобы ты знала: Дима полностью рассчитался с Катей.

– Что?! Почему Дима не рассказал мне?

– Катюша не дала ему такой возможности. Первые четыреста тысяч Дима отдал ей, ничего не подозревая, а когда отдал еще двести, то обсудил с Катей звонок тебе. Зачем – не понимаю, мог просто позвонить, и все. Катя тогда ему сказала, что пока не успела тебе ничего сказать, но обещала, что скажет. Дима потребовал позвонить немедленно, Катя взвилась, заявила, что если он сейчас позвонит, она станет все отрицать, и ты поверишь ей. А если он отдаст все деньги, то Катя скажет, что забрала их, и вы разберетесь сами. И еще она припугнула его чем-то, но я так и не поняла, в чем там дело. Катя сказала, что это давно забытое дело, которое между тем весьма и весьма действительно влияет на Шелехова.

– И что Катюша сделала с деньгами? Это ведь огромные деньги! Миллион рублей!

– Да, миллион. Сначала она рассчиталась по своим долгам за наркотики. Потом накупила себе всяких гаджетов, половину из которых раздарила друзьям. Много денег ушло на вечеринки, новые наркотики и одежду.

– Что?! Ну а ты мне почему не рассказала?

– Я недавно узнала, чего тут мельтешить? Все уже потрачено. У нее остались кое-какие деньги, но не то чтобы даже половина. Мне кажется, Катя говорила, что тысяч сто пятьдесят, что ли...

– Стало быть, Катюше Дима денег не давал.

– И не трахал ее за деньги. Надеюсь, вообще не трахал. Впрочем, об этом Катюша мне ничего не рассказывала.

Наташа была зла. Мало того, что Катюша забрала ее деньги, так еще и умудрилась обвести вокруг пальца и ее, и Диму. Такой подлости от дочери она не ожидала.

– Собственно, интерес Катюши к Диме закончился ровно тогда, когда последние двести тысяч перекочевали ей в карман. Это случилось за несколько месяцев до убийства. С тех пор Катюша с ним не встречалась.

– Я в шоке!

– О том я тебе и говорю, подруга, ты лезла не в свое дело и понимала все не так, как было на самом деле. Волноваться тебе нужно было о другом. А об этом самом другом тебе было волноваться некогда, потому что твой любопытный нос пытался вынюхать то, что тебя совершенно не касалось. И когда я говорила, что тебе нужно поговорить с Катей по душам, я имела в виду вовсе не ее сексуальные контакты. А ее образ жизни. Она действительно скатывается все ниже и ниже, и то, что ты видела в ночном клубе, – Катюше недалеко до такого состояния. Но не любовь и секс творят с людьми такое, а образ жизни. Наркотики, распущенность, отсутствие внимания и контроля опускают людей... Я недоумеваю какой год: чего ты ждешь?! Ты ждешь, когда Катюша достанет ресницами до дна?

Наташа спрятала лицо в ладонях и снова заплакала. Она все сделала неправильно. Она все делала неправильно. Она всегда все делает неправильно. Опять, опять и опять. Неужели так будет продолжаться всегда? Ведь Манюня ей действительно говорила все это, причем не так давно. Но тогда Наташа поняла это по-другому и сделала по-своему. И вот результат. И снова Манюня говорит, и теперь Наташа ее слышит, но снова не понимает. Что она должна сделать? Как ей поступить?..

Макс, Москва, 12 марта года

Вернуться в Москву оказалось легче, чем я предполагал. Шасси самолета коснулись посадочной полосы аэропорта «Домодедово», и меня не разорвало от боли. Когда я передал свой паспорт таможенной службе, у меня не остановилось сердце. Когда вышел на улицу, в мокрый сумрак, меня не парализовало.

Только глаза заволокло пеленой, но это от ветра.

А ведь год назад было по-настоящему страшно. В тот момент я чувствовал себя так, словно мне отделили голову от тела и она парила сзади в двух шагах. Я видел свое безголовое тело, которое куда-то шло, кого-то обнимало, пожимало кому-то руку, сидело, лежало, стояло неподвижно в темноте, словно тень, оставленная кем-то до утра. А моя голова сталаместилищем страшных мыслей; нет, правда, одна другой страшней, но самое ужасное – я знал, что виноват во всем только я сам. И нет спасения, нет и быть не может. Приехали родители и забрали меня к себе, в Америку. Мое тело и голову, которая следовала за телом по пятам, но не желала воссоединиться с ним. Я не помню, в какой момент ощущение отделенной головы пропало, но периодически оно возвращалось – ночами я вскрикивал, вырывал себя из кошмара, садясь в кровати, а голова

оставалась на подушке.

И вот сейчас я вернулся в Москву и думал, что выйду из самолета, а голова поплывет сзади, безразлично таращась на сонных пассажиров.

– Макс, привет, – услышал я знакомый голос где-то сзади.

Обернулся. Это была она. Все так же молода и прекрасна. Большие карие глаза смотрят с недоверием и испугом. Она сделала осторожный шаг и замерла. Между нами проходили пассажиры, проезжали тележки с багажом, толкаемые торопящимися людьми. С неба сыпалась сухая крупа прямо в лицо, и хоть как отворачивайся и прячься, все равно сыпет!..

Как же она была красивая! Как же я ее любил когда-то. Любил эти изящные руки, тонкие пальцы, ухоженные ногти с темно-красным лаком. Я подарил ей эту маленькую черную сумочку, которую она сейчас сжимает до побелевших костяшек. Это пальто, строгое, темно-зеленое, мы покупали вместе, и она так радостно улыбалась перед зеркалом дома, крутясь в нем. Мы долго искали сапоги такого же оттенка к этому пальто, а сейчас она в других – черных, лакированных. Видимо, те вышли из строя, а жаль, красивые были сапоги, жемчужные, дорогие.

Но я ненавижу ее точно так же, как ненавидел год назад, когда уезжал, и так же сильно ненавижу, как и три дня назад, когда мы говорили по телефону. Ничего не изменилось, только сейчас я могу держать себя в руках.

– Привет, Алина, – сказал я.

Я вклинился между пробегающими людьми и подошел к ней.

– Как долетел? – спросила она.

– Хорошо. Мы же говорили с тобой, зачем ты приехала?

– Я подумала, что тебе нужно, чтобы кто-то тебя встретил.

– Нет, ты ошиблась, мне это совершенно не нужно. И я тебе об этом говорил. Ты зря приехала, Алина.

– Нет, не зря, – сказала она. – Я увидела тебя.

– Зачем ты это делаешь?

– Макс, давай не будем говорить об этом, прошу тебя! Я приехала встретить тебя, помочь, чем смогу.

– Однажды ты мне уже помогла, – проговорил я. Голос дрожал, предательски, чертовски предательски. – Больше не надо.

– Ладно, – сказала она, и несколько раз кивнула, в ее глазах стояли слезы. – Я не буду... Я поеду... «Аэроэкспресс» через пятнадцать минут отъезжает, я как раз успею. Я думала, если ты увидишь меня, то что-то изменится. Я не знаю, зачем это сделала. Прости, Макс, прости. Все, я ухожу.

Она развернулась, махнула мне рукой и пошла в сторону платформы, где стоял огромный красный поезд. Она шла быстро, опустив голову, и сумочка почти волочилась по асфальту. Плечи Алины содрогались. Глядя ей вслед, я вытер слезу, такую же предательскую, как и голос.

* * *

Квартира встретила удушливой тишиной. Я не собирался здесь ночевать, просто нужно забрать кое-какие документы из сейфа, а потом я уеду отсюда. Я не готов пока принимать решения насчет продажи квартиры, но жить здесь абсолютно точно не смогу.

Пиликнул телефон. Пришла почта. Я открыл и прочитал письмо.

Макс, новая информация по делу: арестовали секретаршу министра. Никто толком пояснить не может, в чем ее обвиняют, но говорят, это она забрала пистолет. В здании проводят обыски, изъяли все записи с камер видеонаблюдения. Приемная просматривается отлично – наши источники сообщили, что на пленке видно, как пришел министр, открыл дверь в свой кабинет и заперся там; через двадцать минут пришла секретарша, села за стол и работала десять минут (наверное, проверяла почту), а потом встала, открыла дверь в кабинет министра, но даже шагу туда не сделала. Как она могла забрать пистолет? Да и зачем? В общем, тебе нужно получить копию пленки, потому что у нас всех тут мнение, что убийство хотят повесить на бедную девушку. Ну а кто еще мог попасть в кабинет, убить министра и испариться? Если следствие не найдет вразумительных ответов, пленку могут засекретить и уничтожить, а свидетелей обработать так, что девушка сядет. В приложении контакты лица, которое передаст тебе пленку. Ему нужно отдать пять тысяч долларов.

Да уж! Скандальный министр – скандальное убийство. Сейчас начнут всплывать подробности, и я чувю, что не о профессиональной жизни пойдет речь. Объявятся любовницы, внебрачные дети, обиженные проститутки, брошенные деловые партнеры с миллиардными долгами... В общем, стандартный набор «успешного» человека.

Дело действительно странное, в нем много неизвестного. Но даже не будь я журналистом, хлеб которого – найти ложь и рассказать правду, тут видно: что-то пытаются скрыть. Причем пытаются изо всех сил. И это

«что-то» настолько сильное, что следствие напустило туману в дело, объявив, что, скорее всего, замешаны потусторонние силы. Ну а иначе кто мог убить министра и исчезнуть в комнате?

А никто.

На этих пленках, могу биться об заклад, есть все, что нужно для того, чтобы поймать убийцу. Вот только делать этого категорически не хотят. Наверняка ее уже смонтировали до идеального состояния, на котором будет полноценное ночное видео с ничем: пришел министр, заперся у себя в кабинете, потом пришла секретарша, посмотрела почту, открыла кабинет, крик, и дальше экшн – вбегающие-выбегающие люди, оседающая по стене секретарша, охрана, выпихивающая людей из приемной, полиция, врачи, криминалисты, следователи и все такое. И на пленке, которую сейчас передаст мне «источник», будет эта самая идеальная запись. Идеальная настолько, что ни один программист не сможет доказать, что это монтаж. Идеальная настолько, чтобы попасть во все газеты. Но только не в World Reporter, штатным журналистом которой я являюсь. Я в эту историю не поверю никогда, и, честно говоря, не думаю, что кто-нибудь поверит. Неужели в следственном комитете настолько наивны, что думают, будто их мистерия кого-то убедит?

Хотя чем неправдоподобнее ложь, тем охотнее в нее верят.

Вот, например, я. Люди, которые видят меня впервые, никогда не воспринимают меня всерьез. Я легко могу сыграть дебила, достаточно открыть рот и сделать пустые глаза. И вот люди скользят по мне взглядом, словно я светофор для трамвая. Я могу спокойно стоять рядом с полицейскими, обсуждающими дело, и делать вид, что просто стою. Они обратят на меня внимание только тогда, когда я обнаглею и подойду вообще вплотную, подставив ухо и начав записывать в блокнот. Ну не думают люди, что этот высокий плотный блондин с голубыми глазами и приоткрытым ртом может быть деловым человеком. А еще прибавьте сюда мою одежду: как правило, это белые кроссы, широкие серые штаны, свитшот с принтом черепахи и накинутый на полголовы капюшон. Пацан пацаном. Выгляжу я намного моложе своих тридцати и никакого страха не внушаю вообще. Мои друзья говорят, что я выгляжу и веду себя так, словно хочу закурить косячок, но не могу решить, можно ли это сделать здесь или лучше куда-нибудь отойти.

Свет я не включал. Посветил фонариком до большой комнаты, которая раньше была моим кабинетом, спальней, библиотекой, местом уединения с семьей... Эта комната была для меня всем. И сейчас я не хочу ничего видеть. Мне нужна только красная плотная папка, в которой лежат

документы на квартиру, банковские договоры и какие-то акции, суть которых я не понимаю, но обещал привезти и отдать отцу. На ощупь я подошел к шкафу, открыл дверцу, посветил на сейф, набрал код и открыл дверцу. Вот она, папка.

Мама убрала квартиру и сказала, что раздала все вещи. Нет также ни единой фотографии. Нет ничего, чтобы напомнило мне о том времени, когда я был счастлив. Нет ничего, кроме этого снимка, о котором она не знала, а я не сказал. Я не знаю, почему не сказал. Наверное потому, что хотел, чтобы хоть что-то осталось, но осталось немного, совсем капелька.

Снимок весил тонну. Я осторожно сдвинул фотографию, боясь даже взглянуть на нее, спасибо, что она лежала изображением вниз, и вытащил папку. В папке все безопасно – только документы, больше ничего. В сейфе остались несколько коробочек – драгоценности Марии. Надо бы позвонить ей и спросить, нужны они ей или можно ими как-нибудь распорядиться. Все-таки это достаточно дорогие вещи, наверное, их можно продать. А еще в сейфе лежит сверток, который я положил сюда четыре года назад. Обычно такие вещи хранят женщины, но Мария относилась к особому роду женщин, ее такие сентиментальности никогда не интересовали, и она отдала его мне. А я сохранил. Вот здесь сохранил, в этом самом сейфе.

Я запер сейф, положил папку в рюкзак.

Мама сказала, что в квартире нет ни единой вещи. Нет ничего, что бы могло напомнить. Но откуда она может это знать? Ниоткуда. Она не знает, как мы жили, какие вещи трогали, кто их куда поставил, а кто вечно скидывал с положенного места. Она не могла этого знать, а у меня не было духу самому все убрать. Нет духу и сейчас, поэтому свет я не включаю, а просто свечу фонариком по полу до входной двери, закрываю ее и ухожу.

* * *

Редакция сняла мне квартиру на улице Верхней Красносельской, в обычном доме-свечке, на седьмом этаже. Рента – пятьдесят пять тысяч в месяц, включая коммуналку и оплату Интернета, а также клининг перед заселением. Это просторная однушка с хорошим ремонтом и кондиционером. Видимо, до меня тут жил какой-то деятельный человек – кухня представляла собой гибрид места приготовления пищи и рабочего кабинета. Кухонный гарнитур из темного дерева, новомодная газовая плита с автоподжигом и духовым шкафом, встроенные посудомоечная и стиральная машины. В шкафчиках в идеальном состоянии набор посуды на

троих – черные тарелки, прозрачные кружки, бокалы, низкие стаканы под крепкий алкоголь. Над столом книжная полка, на которой стоят книги. Явно не те книги, для которых эту полку прикрепили, – сейчас там стройным рядом собрание сочинений В.И. Ленина, но следы пыли указывают, что здесь стояли более толстые, более широкие книги. Наверное, книги какого-нибудь врача или юриста: у первых – толстенные энциклопедии, у вторых – огромные фолианты с постановлениями разных судов. Помимо пыли на полках в кухне, я обнаружил пыль и на шкафу, и даже на телевизоре. Ковер и полы были идеально чистые, окна казались хрустальными. Но вот пыль... Ее было слишком много. Ванная комната совмещала в себе душевую и санузел. Душевая работала отлично (был даже гидромассаж и радио), а вот унитаз отдавал застоявшейся водой, и на островке собралась ржавь. На антресоли нашлось пластмассовое ведро и тряпка, а возле душевой кабины я обнаружил средство для мытья полов. Ну что же, за дело.

Уборка заняла у меня примерно час, за который я успел дважды покурить (на балконе – это правило строго прописано в договоре). Клининг, услугами которых пользуется собственник этой квартиры, мне не подходит. Ненавижу пыль и готов платить, чтобы ее не было, но если она есть и мне приходится самому ее вытирать, то за что платить?..

Когда уборка была закончена, я заварил себе чай. На часах было три ночи, но в Нью-Йорке только семь вечера, спать не хотелось. Я открыл ноутбук, подключил свой портативный принтер и распечатал необходимые для работы документы. Редакционное задание, направление в командировку, доверенность от главного редактора на подписание документов на аккредитацию средства массовой информации для разного рода мероприятий и пресс-конференций.

Все эти документы есть у меня в оригиналах, но оригиналы будут храниться в сейфе – для ознакомления достаточно копий, ведь служебное удостоверение у меня с собой (а его, в принципе, должно быть достаточно!). Но я имею дело с правоохранительными органами и Министерством юстиции, а у этих ребят все ох как не просто.

Краткая биографическая справка убитого министра тоже была, но это был наискучнейший текст, лишенный всяческой жизни. Я такие не писал даже на первом курсе университета.

Убитый министр был куда более живым, чем представлен в этой справке. Такой текст стыдно публиковать даже в Википедии, не говоря уже о том, чтобы добавить в базу в качестве справки о личности. Нет, это нужно будет тщательно доработать.

Стоит начать с того, что министром Дмитрий Шелехов стал за очень большую взятку. Об этом ходили слухи долго и упорно, кто-то из общественных организаций инициировал разбирательство, но дело, ясно как божий день, затухло. Свою карьеру Шелехов начал сразу же после окончания университета – кстати, того же, что и я – МГУ имени М.В. Ломоносова, только я окончил журфак в 2011 году, а Дмитрий – юрфак в год моего рождения, 1988-й, то есть тридцать лет назад. Итак, первым местом работы была прокуратура города Москвы, где Дмитрий работал сначала в самых низах, в отделе по надзору за соблюдением прав и свобод граждан, а потом поднялся до заместителя прокурора. В общей сложности карьерный рост занял у Дмитрия десять лет. Из прокуратуры он перешел в Министерство юстиции на должность начальника отдела законодательства о труде, социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, науке и культуре департамента экономического законодательства. И уже через год был назначен директором департамента. Он тихо и спокойно работал на должности директора департамента, пока внезапно президент не издал Указ о назначении Шелехова министром юстиции. Предыдущий министр ушел на повышение, и вроде бы чисто ушел, без скандалов и интриг. Сейчас назначен полпредом президента в каком-то округе, то есть весьма неплохое повышение.

Конечно, это мы думаем, что там все просто и легко. Есть замечательный человек, значит, должен рано или поздно стать министром. И почему бы этому не случиться 31 октября 2014 года? Почему бы и нет?

Посредники на рынке такого трудоустройства говорят, что Шелехов заплатил порядка полумиллиона долларов, но и это не точно. Дело в том, что четырехлетний мандат депутата стоит порядка двух миллионов долларов, а министр – всего половину миллиона? Но оказалось, что это не покупка портфеля, а его аренда – полмиллиона долларов в год, и так до тех пор, пока не найдется другой платежеспособный человек или кресло министра не займет человек, который действительно этого достоин.

Про достоинство – это я от себя, потому что наши консультанты утверждают, что в правительстве достойных нет, но я в это не верю.

А вот то, что Шелехов взяточку давал, знают все. Но молчат.

Конечно, деньги пошли не президенту в карман. Но чтобы получить протекцию нужных людей, нужно хорошенько заплатить опять-таки нужным людям. И главное – не найти деньги, а знать, когда и кому их отдать. На это у Шелехова ушло семнадцать лет. Но курочка по зернышку клюет, и вот заветное кресло оказалось под задницей Шелехова. И практически сразу результаты его деятельности дали о себе знать – за

первые шесть месяцев в порядке инициативы министерства были приняты законы, преимущественно в социальной сфере, которые облегчили жизнь импортерам автомобилей и запасных частей.

Понятно, почему принятие этих законов вызвало такую шумиху: так откровенно сказать «спасибо» за поддержку – это очень нагло. Шелехову пророчили выпадение из кресла с грохотом, но этого не произошло. Социальщик по жизни, он продолжил улучшать экономический климат для своих спонсоров.

В 2015 году было принято очень много законов, министерство погрязло в экспертизах, и инициатив практически не было – одна или две, и те прошли как-то косо, были отклонены или отправлены на доработку. У меня был полный перечень инициированных Министерством юстиции законопроектов с момента возглавления министерства Шелеховым, но ничего существенного там не было. Во всяком случае, наши консультанты не нашли ничего, что могло бы указать на спонсоров. Возможно, эти законы стали частью какого-то огромного пакета поправок, которые в совокупности позволят творить дела похуже снижения пошлин на ввоз автомобильных запчастей, но как об этом узнать, куда дело не пошло?..

Я закрыл папку с материалами дела и составил план на завтрашний день.

Когда я закончил, уже рассветало. Половина шестого утра. Пора спать.

Но я принял душ, сварил себе кофе из темно-фиолетовой капсулы для кофемашины, оделся и вышел из квартиры. Я хочу навестить дочку.

А на кладбище следует приходиться в первой половине дня.

* * *

С Викулей Разыграевой я знаком очень давно. Еще со студенческих времен. Одно время у нас назревал роман, но я сдержал данное себе давным-давно слово: только не на учебе и не на работе. Где угодно, хоть в трамвае, я готов знакомиться и влюбляться, но ничего не должно мешать обучению и карьере. Ничего! Поэтому разгорающийся роман был утешен несколькими пылкими встречами и легким расставанием: Вика не успела влюбиться, а я был галантен и честен.

С самого начала было ясно: журналист из Викули никакой. Это понимали все – и преподаватели, и мы, одноклассники. Да и Вика никогда не питала иллюзий по поводу своей карьеры. Она не могла связно выдать ни единого текста, не говоря уже о том, что писала она безграмотно. Я

через несколько лет с презрением к себе признался ей, что ее безграмотность была одной из причин, почему у нас ничего не вышло.

Но Викуля себя нашла – она стала кладезем информации. Все слухи и сплетни, которые только можно собрать, были у Вики в изобилии. Но поскольку продажу информации Вика поставила на поток, она не могла себе позволить оболгать кого-то. Поэтому у нее была только проверенная информация, с доказательствами.

Это-то мне и требовалось.

Я сделал заказ на «раскопки» подноготной Шелехова еще из Америки, в день убийства 10 марта, и сегодня Викуля готова предоставить отчет.

Мы встретились в ресторанчике на Арбате. На втором этаже ресторанчика была открытая терраса, которую уже расчистили, поставили обогреватели и сервировали для гостей, которые желали есть на холоде и курить. Викуля дымила как паровоз, причем не сигареты, а вейп – курительный гаджет, мини-кальян, с ароматным табаком и клубами дыма.

– В общем, заяц, я раскопала не так много, – сказала она, пригубив вина и выпустив облако пара. – Есть еще информация, которую я подтвердить не могу. Я тебе скажу направление, а ты сам – там реально проверить никак, только засветить интерес. Как ты понимаешь, черви все сразу попрячутся. И лучше, чтобы ты видел, как они заматают следы, сможешь хоть выводы какие-то сделать.

– Стопудовое есть? – спросил я.

– Министр у нас был ходок, – ответила Викуля, – да еще какой. Ни одной юбки не пропускал. Жена в курсе, там все на православии. Знаешь, такая умудренная морщинами женщина, кутается в модную шаль размером с плед, вся такая на ознобе, уютная, с сухой прокуренной кожей. От нее должно пахнуть старомодными духами, кофе и сигаретами. Хотя она не курит. Судя по зубам – и кофе не пьет, там, скорее всего, онкология какая-то или просто конституция тела. Ну ты знаешь такую породу людей – в двадцать уже высохшие старухи? Короче, жена все знает, но претензий не имеет. У самой любовник тридцати лет. Я как-то читала ее переписку в телефоне, зовет его «Кукусёночек», а он ей милые смайлы шлет. Ну и пошлости пишет всякие, короче, обычный альфонс.

– А как ты к ней в телефон залезла? – удивился я.

– Ой, перехватила мессенджер. Нашел проблему!

– Там же все шифруется!

– Так точно, мой генерал. Да только связи нужно иметь. Скажем так, метод есть. Сейчас его засветили, и канал мы потеряли, но ничего, что-нибудь спецы придумают. Нельзя нас лишать возможности залезть в

корзину с грязным бельем.

– А какой способ-то был?

– Ну ты совсем древний, если не знаешь! Смотри, мессенджер привязан к номеру телефона. Верно?

– Да.

– Отключаем у абонента сим-карту, переводим звонки и сообщения на левую симку. Все, у нас есть доступ к мессенджеру. Дальше заходим в него, скачиваем архивы. Возвращаем владельцу его сим-карту, то есть подключаем вновь. Делается это ночью, получив подтверждение, что абонент не пользуется сетью, вероятнее всего, спит.

– Ты нарушаешь целую тучу законов, – сказал я.

– Безусловно, – согласилась Викуля и выпустила очередную порцию вкусно пахнущего пара. – По-другому достоверную информацию не получить. К слову, все давным-давно знают, что мессенджеры ненадежные, но альтернативы нет. Как и у нас – кто же нам скажет правду? Вот и приходится таким способом... В общем, начинаешь слушать?

– Да.

Конечно, я также нарушал закон – и отдаю себе отчет. Только Викуля права – иного выхода, кроме как таким способом добывать информацию, у нас нет. Если предположить, что у человека есть совесть и, совершив преступление, он пойдет и обязательно сознается, то необходимость в добывании информации отпадает сама собой. Зачем? Но так не бывает. Человека нужно вынудить, чтобы он признался. Заставить, изобличить. Можно еще избить, запугать, шантажировать – все средства хороши. Главное, чтобы никто не пострадал. По крайней мере, не сильно пострадал. Ладно, чего уж там – главное, чтоб выжил. Хотя и тут бывают исключения.

– В общем, в последние три года наш министр встречался сразу с тремя женщинами. Это если проститутки не в счет, потому что к проституткам он тоже ходил, причем не то чтобы редко. Пару раз в месяц. И знаешь что? С его графиком такие походы – весьма частое занятие. Ну да ладно, это к делу не относится. Три из его постоянных любовниц – обычные содержанки, живут за его счет, нигде и ничем не заняты, короче, обычные шмары надутые. Живут практически в соседних домах – министр снимал им там квартиры. Кстати, квартиры так себе, на троичку. Зато в центре опять-таки. В общем, хрен их разберешь, этих шалав, что им важнее – ближе к центру или ремонт хороший?.. А вот четвертая – это моя находка. Это, можно сказать, прямо отрада для души. Ты только не пискни.

– Ты о ком?

– Ты знаешь, кто такая Наташа Добронравова?

– Ты пошутила сейчас?

– Нет, – горячо запротестовала Викуля. – Я тебе гарантирую!

– Ты имеешь в виду ту самую Наташу Добронравову? – изумился Макс. – Когда я работал в Moscow Times Journal, она уже не была главным редактором, но ее до сих пор там помнят! Говорят, при ней издание было на высоте. Она ушла оттуда из-за мужа. Его посадили, что ли?

– В общем, ничего ты про нее не знаешь, – сделала вывод Викуля. – Посадили его, когда она только-только влезла на кресло главного редактора. Она тогда развернула эту позорную простыню с банками, отмыванием денег, обналом и прочим. Помнишь, как все захлебнулись от восторга, когда она опубликовала всю подноготную хреновой тучи банков? Вот тогда ее мужа и посадили, это было в две тысячи восьмом году. И угадай, что?

– Что?

– Посадили его за неуплату налогов. Но, понятное дело, это отомстили Наташе. Они развелись, но она по-прежнему с дочкой и сыном живет в его квартире. Дочь, кстати, у нее от сокурсника, они даже женаты не были; а сын как раз от мужа, так утверждают документы. Так вот, посадили ее мужа, Олега Корнилова, бизнесмена, на восемь лет. И он все еще сидит. Перед самым выходом, в две тысячи четырнадцатом, ему добавили еще, без права на условно-досрочное.

– За что?

– Нашли еще три эпизода, где он соучастник. Он даже спорить не стал, все признал.

– А что Наташу связывало с Шелеховым?

– Платоника, – авторитетно заявила Викуля и для пущей убедительности кивнула, поджав губы. – Вот тут у меня сведения из достоверных превращаются в слухи. Министр к ней не ездил, это точно. Они встречались на нейтральной территории – Шелехов закрывал рестораны, куда она проникала тайно. Ни в одном отеле Наташа и министр никогда замечены не были, в переписках что-то подобное вообще отсутствует. У них как будто бы были чисто платонические отношения.

– Ты считаешь такое возможно?

– Нет, – ответила Викуля. – Я считаю, что министр – отец сына Наташи.

– Ого, вот это новость! А с чего ты такое решила?

Викуля улыбнулась и затаилась глубоко, аж закашлялась. Я не знал, чем ей помочь: девушка кашляла, на глазах выступили слезы, вены на шее вздулись. Боже мой, подумал я, ну зачем же себя так гробить? Ведь все полчаса беседы она не вынимала изо рта эту штуку... Наконец Викуля

прокашлялась и сказала:

– Как могла пересечь их жизнь в прошлом – не знаю. Наташа родилась и училась в Питере, в Москву переехала уже с ребенком на руках и сразу же в квартиру к своему мужу, Олегу Корнилову. Но ребенок этот не его – у Корнилова вообще детей нет.

– Подожди, несколько минут назад ты сказала, что дочь Добронравовой от сокурсника, а сын – от мужа. Или я что-то не то услышал?

– Все так ты услышал, – закатила глаза Викуля. – Это официальная версия для всех. Не пройдет и несколько дней, и все выплывет наружу, я уверена, вот тебе крест!

Меня чуть не сдуло от Викулиного обширного перекреста.

– Короче, детей у Корнилова нет! И долго говорили, что он того... Импотент. Но, судя по всему, нет. Просто не хотел детей, да и все. Ну бывает же такое? Не хотят люди детей...

И тут Викуля замолчала. Она просто не знала, куда себя деть. Вспыхнув, она завертелась, делая вид, что ищет официанта, подозвала его, заказала себе черный кофе, и снова, приложившись к вейпу, выпустила облако.

– А еще... В общем, у меня есть достоверная информация, что не только Наташа встречалась с министром. У меня есть переписка с телефона Катюши, дочери Наташи. Готов? Так вот... – Викуля сделала страшные глаза, глубоко втянула вейп и выпустила самое огромное облако, которое окутало и нас, и ближайшие столики густым сладким дымом, как ватой. Довольная результатом, Викуля продолжила: – Они общались, причем втайне от Наташи. Никакой интимщины в переписках нет, только явки и пароли на встречи. И запросы денег. И факты их получения. Причем много денег.

– Викуля, а у тебя все переписки министра есть?

– Ты не поверишь, но он был весьма продвинутым пользователем. Общался в мессенджере, который не сохраняет переписку даже и пяти минут – сразу стирает. Архивов нет. В мессенджерах, которые хранят архивы чатов, у него переписка только с Катюшей, Наташей и одной из любовниц, блондинкой. Она, кстати, не тупая. Но там вообще ничего нет, кроме списков покупок и обсуждения походов в театр.

– Они вместе в театр ходили?

– Да, в закрытую ложу.

– Такая есть?

– Да, там темно, столик с едой, из зала не видно. Ну и отдельный вход,

разумеется. Давай подытожим, да? Есть основания полагать, что у Наташи и Шелехова есть совместный ребенок. Это можно выяснить, но как это поможет тебе в твоём деле...

– А ты знаешь, какое у меня дело? – улыбнулся я.

– Расследование смерти министра. Разве не поэтому тебя откомандировали из Нью-Йорка?

– Нет, Викуля, не поэтому.

Викуля положила вейп на стол. Взяла меня за руку и спросила:

– Как ты?

– А что я? – попытался улыбнуться я. – Со мной все в порядке. Вот работаю. Пытаюсь жить.

– С Алиной встречался?

– Зачем ты спрашиваешь об этом?

– Потому что не виновата она, дорогой мой! Не виновата, послушай меня. Я знаю, что ты хочешь кого-то обвинить, тебе это нужно. Но не губи ты девчонку!

– Викуля, я никого не гублю, – ответил я. – Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое. И не приставали с расспросами. Я и Алине так сказал – просто забудь обо мне.

– Да как же она забудет, когда любит тебя?!

– А я ее не люблю, этого должно быть достаточно, чтобы оставить меня в покое.

– Дорогой, но я же видела вас вместе, я видела, как ты смотрел на нее! Ты любил ее и любишь до сих пор! Вы можете быть счастливы вместе... А сейчас что? Ни ты ни счастлив, ни она.

Я закрыл глаза. Нет, мне не хотелось обижать Викулю резким ответом. Я не хотел вставать и убегать, как истеричная барышня. Но предательство моего тела поистине безгранично! В глаза как будто песка насыпали, но это все от ветра. На ощупь я достал из кошелька деньги, бросил на стол, но Викуля все еще держала меня за руку.

– Ты не убежишь от меня, Макс Котов! Ты должен понять, что Алина...

– Алина виновата в смерти моей дочери, – ответил я не своим голосом. – И этого достаточно, чтобы она сгорела в аду.

После чего вырвал руку и ушел.

Наташа, Москва, 13 марта года

Наташа вышла из дома в начале восьмого, проводив Костика в школу. Манюня еще спала, она начинает работать в двенадцать. Настроения не

было никакого – Катюша домой не вернулась, на звонки не отвечала, кредиткой не пользовалась. Наташа даже предположить не могла, где может быть дочь.

Наташа обреченно подумала, что сбылся ее страшный сон: дочь сбежала.

Машину – огромный белый Range Rover – она вчера парковала прямо у подъезда, на огороженной парковке для жильцов дома. Через дорогу – набережная и Москва-река. Пикнула брелоком, автомобиль отозвался, мигнув фарами. Наташа открыла багажник, достала щетку и положила ее на капот. Джип занесло снегом, мерзлым, покрывшим машину коркой, как глазурью. Нужно включить прогревание, потому что с очисткой придется повозиться. Наташа села за руль, лобовое стекло было покрыто снегом, завела мотор и вышла чистить машину.

– Ты не собираешься отвечать на мои звонки, как я вижу, – сказал мужчина, стоящий у капота.

От испуга и неожиданности Наташа вскрикнула, щетка упала. Мужчина подобрал щетку и стал счищать снег. Он был намного выше Наташи, намного сильнее, и у него получалось смахивать снежные массы с крыши быстро и легко. Скребком он очистил лобовое стекло, капот, смахнул снег на землю и отдал щетку Наташе.

– Что вам нужно? – спросила она.

– Мы говорили с тобой, – ответил человек. – Мне нужны мои деньги, которых ты меня лишила.

– Я не лишала вас денег, у вас их забрало государство. У вас забрал их суд. Вас признали виновным. Вы отсидели срок. Эта история закончилась, я не понимаю, почему вы преследуете меня.

– Я бы не стал тебя искать, если бы ты поднимала трубку.

– Но нам не о чем говорить, – отрезала Наташа. – Я неоднократно вам повторяла это. Но вы не понимаете. Поэтому я добавила вас в черный список. Сейчас мне нужно заявить на вас в полицию?

– Сейчас тебе нужно придумать, где ты возьмешь деньги, чтобы возместить мне тот ущерб, который ты нанесла, – спокойно сказал он.

Наташа вздохнула. Александр Николаевич Любимов был председателем «Нефтекредитбанка», и именно он координировал работу банка по отмыванию доходов, полученных преступным путем. Он не ожидал, что информация будет опубликована в СМИ, и не успел спрятать имущество. Правоохранители занялись им в первую очередь, позволив его подельникам спрятать награбленное, и в результате только у Любимова было что брать. У него арестовали все имущество и конфисковали. Да,

конфискации имущества в законе нет, но есть изъятие имущества, добытого преступным путем либо приобретенного на деньги, полученные от совершения преступления. Следствие доказало, что до преступлений у Любимова не было ничего, значит, ничего и не останется после того, как приговором суда социальная справедливость будет восстановлена. Ему дали всего четыре года, он их отбыл и вышел. И с тех самых пор не отстаёт от Наташи, требуя вернуть все, что у него отобрали.

– Послушайте, Александр Николаевич, почему вы предъявляете претензии ко мне? Не я у вас отобрала ваше имущество и не я посадила вас. Это сделали следователи, прокуроры, судьи. Почему бы вам не выставить счет им, а?

Александр Николаевич улыбнулся и ответил без гнева в голосе, спокойно, словно они беседует на отвлеченную тему и между ними нет напряжения и претензий:

– Они всего лишь выполняли свою работу.

– Я тоже выполняла свою работу. Но их вы понять можете, а меня нет. Почему?

– Потому что если бы не вы, никто бы не начал расследования. Вашими силами моя жизнь оказалась разрушена. Моя семья развалилась, от меня ушла жена и забрала детей. У меня нет жилья, я живу у знакомых, но у них тоже терпение на исходе. У меня нет работы, нет денег, и я бывший заключенный. Я не могу заниматься делом, которому посвятил всю свою жизнь. И всему виной – вы.

– Всему виной ваши преступные действия, – ответила Наташа. – По-человечески мне вас жаль, Александр Николаевич, но я ничем вам не помогу.

– Я не прошу вас помочь, что вы, – сказал бывший банкир с виноватой улыбкой. – Я требую, чтобы вы возместили мне ущерб. Вернули то, что отняли. Семью вы мне не вернете, но деньги и недвижимость – можете. Моя квартира стоит в разы меньше, чем ваша. У вас есть автомобиль. Вы тоже должны нести ответственность за свои действия. Вам придется все продать. И отдать деньги мне.

– Нет, мне не нужно ничего продавать, и разговор на этом закончен. Перестаньте преследовать меня, иначе я буду вынуждена обратиться в полицию, а я не хочу этого. Возможно, мои действия принесут вам негативные последствия, поэтому прошу вас – отстаньте от меня. Попытайтесь как-то устроить свою жизнь, – сказала Наташа и в подтверждение того, что разговор окончен, села в джип.

Любимов стоял прямо перед капотом и уходить не собирался. Наташа

не могла сдать назад – там был дом. Она открыла окно и сказала:

– Я тороплюсь, уйдите, пожалуйста, с дороги.

Он не уходил. Тогда Наташа достала телефон и сделала вид, что звонит. Это его взбесило, он ударил кулаком по капоту и ушел, оборачиваясь и сыпля проклятьями, которых Наташа не слышала.

Этот инцидент не выбил ее из колеи, но неприятный осадок оставил.

Она не успела убрать телефон, как он зазвонил. Номер был незнакомым. Наташа подумала, что это звонит банкир с неизвестного номера и взяла трубку настроенная на резкий и грубый разговор.

– Алло!

– Здравствуйте. Я звоню Наталье Добронравовой, верно?

– Здравствуйте, верно, – ответила Наташа спокойнее, голос ей был незнаком.

– Меня зовут Максим Котов, я журналист журнала World Reporter, Нью-Йорк. Вы можете уделить мне несколько минут, чтобы я описал свою просьбу?

– Да, Максим, конечно.

– В Москве я в командировке, которая косвенно связана с убийством министра юстиции Дмитрия Шелехова. Вы понимаете, о ком идет речь?

– Конечно. Но у вас такой идеальный русский язык, что я сомневаюсь в вашем статусе журналиста в World Reporter, если честно.

– О, не стоит, – ответила Максим. – Я россиянин, и мы с вами работали в одном издании. Правда, я пришел в Moscow Time Journal позже, когда вы уже не были главным редактором.

– Даже так, – сказала Наташа с улыбкой. – Рада вас слышать, коллега. Чем могу помочь?

Ей действительно было приятно общаться с человеком, который когда-то работал в том же месте, где и она. Не сказать, что все семь лет работы на должности главного редактора приносили Наташе только счастье, но там она стала настоящим профессионалом. Это издание воспитывает прекрасных журналистов и абы кого в штат не берет. Тот факт, что Максим работал в Moscow Time Journal говорит о нем как минимум то, что он – профессионал.

– Я бы хотел с вами обсудить несколько вопросов, которые касаются вашего взаимодействия с министром юстиции, если это возможно.

– Максим, но тут едва ли что-то можно обсудить, – ответила Наташа осторожно. – Я и мои ребята напрямую с министром никогда не работали. Да, у нас было несколько материалов с прямой речью министра, но, как вы понимаете, все это шло через пресс-службу. Я с радостью с вами встречусь,

но, боюсь, вы просто потратите время.

– То есть встретиться вы согласны? – уточнил Максим.

– Да, но только не понимаю предмета встречи.

– Я озвучил вам предмет встречи – у меня есть информация, есть вопросы. Связано это с вашим взаимодействием с убитым министром. Я не готов обсуждать по телефону детали, но подъеду в любое удобное для вас время в любое место в пределах Москвы.

– Хорошо, приезжайте в мой офис. Адрес найдете на сайте, на ресепшн скажите, что идете ко мне, вас проводят. Я предупрежу. Приезжайте через полтора часа.

– Хорошо, спасибо. До встречи.

Обычно рано утром у нее всегда было много работы. Если не встречи и переговоры, то она занималась проверкой верстки «распашонки» – календаря публикаций и подготовки черновых и финальных вариантов статей. В своей работе агентство Наташи использовало специальную программу – E-Reporter, которая помогала автоматизировать процесс. Но все равно это машина, и за ней нужен был глаз да глаз.

Журналист заносил в программу статью – краткое описание предмета, а также сроки работы по ней – встречи, интервью, написание черновика, согласование черновика, подготовку финальной версии, согласование и утверждение статьи, публикация. Программа создавала календарь и требовала отчет в установленные сроки – чтобы завершить задачу, в программу требовалось загрузить документ, подтверждающий ее выполнение. Если это встреча – то протокол встречи; если интервью – запись интервью или расшифровка; если согласование – то электронные письма, подтверждающие согласование и утверждение; наконец, публикация – акт выполненных работ, подписанный со стороны редакции издания.

Всего в штате у Наташи работало шесть журналистов, два корреспондента и два фотографа. Еще была секретарь и два аналитика – экономический и юридический. Аналитики занимались экспертизой статей на выходе, а также принимали участие в составлении плана по работе с материалом. Например: у кого и какие сведения собирать, определяли только в команде с аналитиками. Корреспонденты собирали информацию, а обрабатывали ее и писали сам текст, естественно, журналисты.

Наташа контролировала все процессы «от» и «до», она смотрела отчеты, все подгружаемые в базу документы, занималась согласованием статей до их выпуска в мир – даже до того, как статья попадала на согласование источникам, то есть, людям, на основании слов которых ее и

написали. Наташа же разрешала спорные вопросы между журналистами и аналитиками.

Приехав в офис, она первым делом прочитала статьи, которые требовалось сегодня сдать заказчикам. Это были большие материалы, особенно одна – рекламная социально-производственная статья, которую заказчик хотел опубликовать в «Российской газете», но не смог найти адекватного журналиста, у которого хватило бы таланта описать событийный материал так, чтобы захотелось дочитать до конца. Она сделала несколько правок в материале и отправила в систему свой ответ.

До встречи с Максимом оставалось полчаса.

Почему-то Наташа была уверена, что Максим будет задавать ей не деловые вопросы. Потому что, по сути, сказать ей нечего. Действительно официальное общение между СМИ и министерствами происходит через пресс-службу, прямые контакты невозможны, да и не нужны. Если сотрудники аппарата министерства скажут что-то лишнее, а журналист это запишет, то подтвердить это пресс-служба откажется, что повлечет недоверие к статье. Да, журналисты прибегают к такому способу, когда других выходов получить информацию сию минуту нет, но специализация агентства Наташи – аналитические материалы, а они, как правило, не носят экстренного характера.

Значит, все-таки началось. Значит, вопросы будут неудобные. И что отвечать на них, Наташа пока не знала. Для начала нужно выяснить, что известно Максиму, а потом уже думать, что ему отвечать.

Предположим, он знает, что Наташа и Шелехов встречались. И что? Максимум, чем это грозит – обвинение в том, что Наташа ходила в числе любовниц министра, коих у него было много. Это не катастрофа, это всего лишь слухи. Убивать министра у Наташи нет никаких причин, и найти их невозможно. Или Максим может сделать вывод, что, помимо прочего (то есть помимо того, что Наташа любовница министра), тот снабжал ее информацией. Это отчасти правда. Но что в этом криминального? Никакой сверхсекретной информации Дима ей не сообщил. Да, кое-что она узнавала первой, да, кое-какие комментарии ей удавалось взять в период «молчания» министерства для других, но это всего лишь связи, у каждого мало-мальски опытного журналиста они есть, а Наташа не просто журналист, она главред крупного экономико-политического издания! Сам бог велел!

Выяснить что-либо про Максима она не успела. Рома сообщил, что к Наташе пришел посетитель. Наташа распорядилась, чтобы его проводили в переговорную комнату.

Это помещение она арендовала у своего давнего знакомого. Офис

представительского класса – категории «А», один из самых престижных и дорогих офисных центров. Помещения здесь сдаются огромными площадями, но Наташе столько не требовалось. Ей удалось убедить друга, чтобы он сдал в субаренду пять кабинетов с общей переговорной, которую используют и она, и его сотрудники. Сейчас переговорная была свободна – встречи там обычно после часу дня.

Максим Котов выглядел типичным балбесом. Крупный, высокий молодой человек, блондин, в широких джинсах, объемном темно-бордовом балахоне, с рюкзаком и в белых кроссовках, удивительно, как оставшихся чистыми при такой-то грязи.

– Здравствуйте, я Максим, – представился он, откинул капюшон, и Наташа смогла разглядеть его лицо. Красивое, мужественное лицо, идеально гладкое, даже почти юношеское. Он улыбнулся, блеснув белой полоской ровных зубов без следов курения и избыточного поглощения кофе. Яркие голубые глаза, словно скорректированные цветными линзами, но явно это натуральный цвет.

Его внешний вид словно кричал, что парень не представляет опасности. Он выглядел как студент старших курсов, может быть, слегка старше. Если бы Максим был актером, он смог бы сыграть студента-оболтуса в какой-нибудь американской комедии, где все актеры, играющие студентов, на самом деле старше, чем им полагается быть.

Но что-то в нем настораживало. Что именно – Наташа не понимала и очень удивилась. Обычно она очень хорошо разбиралась в людях и сразу улавливала, исходит ли от человека опасность и какая. Здесь она чувствовала, что что-то не так, но что именно? Как и большинство людей, Наташа не знала, как выглядит ее собственное выражение лица в те или иные ответственные моменты жизни, поэтому она просто не заметила сходства – у нее точно такое же выражение лица практически все время. Безотчетная тревога и мучительная борьба без видимых для того причин.

– Здравствуйте, Максим, я – Наталья. Очень приятно с вами познакомиться.

Она постаралась выбросить из головы мысли об опасности. Очень странный молодой человек. Очень. Наташа вообще была асом всевозможных переговоров и никогда не испытывала столько чувств и эмоций по поводу каких-либо людей, умела отстраняться и выстраивать вокруг себя непроницаемую стену. Но энергетика Максима заглушала все вокруг, заставляя Наташу сконцентрироваться только на нем одном.

Следующая мысль, которая посетила Наташу, заставила ее щеки гореть: наверняка без одежды Максим еще больше, еще требовательнее,

еще сильнее. Если уж от одной его фразы она никак не может прийти в себя, что будет, если она окажется в его руках? Она не смогла удержаться и посмотрела на его руки – большие кисти, в сеточке толстых вен, аккуратные ногти, кольцо на левой руке. Разведен.

«Прекрати сейчас же! – приказала себе Наташа. – И найди себе уже любовника своего возраста! Совсем ополоумела, старая! На молодых парней губу раскатала! Да он от твоего целлюлита на заднице и обвисшей груди получит младенческую травму! Такие парни спят с молодыми, подтянутыми топ-моделями. Наверняка он просто так носит это кольцо и не был даже женат! Сколько ему? Лет двадцать пять – тридцать? Ты что, превращаешься в ту самую тетку, которая будет истекать слюной при виде подобных... самцов?».

В кресло Наташа села с большими глазами, в шоке от собственных мыслей. Максим тем временем спокойно извлек из портфеля блокнот, ручку, маленький диктофон, расположился, заняв большую часть стола, подвинув диктофон вплотную к Наташе. Его огромный блокнот занял полстола, а когда Максим его распахнул, то откинул исписанные аккуратным почерком страницы прямо на Наташин ежедневник.

«Полный захват территории и власти», – снова мелькнуло в голове у Наташи, но она себя отдернула, осторожно выудила ежедневник, раскрыла на чистом развороте и сказала:

– Максим, у меня не так много времени, поэтому предлагаю сразу к делу.

– Конечно, – ответил Максим. – У меня есть несколько вопросов относительно вашего сотрудничества с министром юстиции Дмитрием Шелеховым, вы ведь знаете такого?

– Да, я знаю министра, была лично с ним знакома.

– Какие отношения вас связывали?

– Деловые.

– И только?

– Да.

– Хорошо. У меня есть несколько статей, автор которых Игорь ий. Это ведь псевдоним коллектива авторов вашего агентства?

– Да, все верно.

– Если посмотреть на хронологию издания материалов ого, то выходит, что вы получали информацию намного раньше, чем все остальные ваши коллеги. Некоторые статьи на английском языке выходили спустя два или три часа после пресс-релиза министерства. Как вы это прокомментируете?

– Высоким уровнем профессионализма сотрудников моего агентства, – ответила Наташа.

– Я отмечу, что статьи ого носили не столько информационный, сколько оправдательный характер. Например, когда Минюст выдал отрицательное заключение на проект к поправкам депутата Скобиной Николины Павловны об ужесточении уголовных норм за коррупцию, Игорь ий в своей статье написал, что подобное заключение – единственно возможный вариант развития событий. Закон не должен быть принят.

– И верно, я полностью поддерживаю это мнение, – сказала Наташа. – Коррупционная составляющая есть, этого никто не отрицает. Но увеличение штрафа до тысячекратного размера взятки – полнейшая глупость. Это не ужесточение нормы, это ее убийство. Такие деньги никто не сможет выплатить, норма просто умрет в зародыше, и все.

– Закон не предусматривает нижнего порога, – ответил Максим. – Он дает возможность суду забрать у мздоимца вообще все деньги, не ограничиваясь теми, которые можно взыскать по текущему законодательству.

– И никто этой возможностью пользоваться не станет. Норма будет карательна для неугодных, но оставит нетронутыми тех, кто действительно заслуживает полной конфискации.

– Согласен, – сказал Максим. – Однако обществу инициатива не понравилась. СМИ начали публиковать разгромные материалы, и только ваша статья стала оправдательной.

– Мы за объективность. Если некоторые журналисты не могут смотреть в суть вещей, это не проблема Игоря ого, который может и делает это изо дня в день. Не стоит так критично, Максим, у нас выходили и другие статьи. Которые критиковали действия Минюста, еще раз повторюсь – мы за объективность.

– И объективности ради не хотите признать, что с министром у вас не только деловые, но и семейные отношения?

– Это не имеет никакого значения.

– Напротив, Наталья, имеет, да еще какое. Если бы ваши читатели знали, что в материалах ого объективно пишет мать ребенка министра, то вашим словам бы не поверили. Всем бы стало понятно, что объективные, на первый взгляд, вещи на самом деле – красной нитью шитая политика Минюста.

– Это не так, – спокойно ответила Наташа. – И именно из-за того, что у многих бы созрело такое мнение, мы не афишировали.

– Ну конечно, этого делать не стоило, – согласился Максим. – Тем

более что вы и так достаточно заплатили за информацию, которую получали от министра. Например, серия тех публикаций про банки. Я читал блог одного разорившегося банкира, который пишет, что у него просто не было иного выхода, кроме как прятать вклады за баланс, потому что взятки стали просто неподъемными. И он был готов об этом заявить, и даже сделал это – написал в ваше агентство огромное письмо. У меня есть копия, да она у всех есть – банкир выложил ее в блоге. Там он говорит не столько о факте взяток, сколько о расценках и методах давления. Человек полагал, что вы действительно независимые журналисты, и доверился вам. А на следующий день у его банка отозвали лицензию, а его самого упрятали за решетку.

– Удивительное совпадение, но только сегодня утром, буквально за несколько минут до вашего звонка, у меня состоялась неожиданная встреча с упомянутым вами Александром Николаевичем Любимовым, бывшим председателем «Нефтекредитбанка». И я скажу вам то же самое, что сказала ему: это не я нарушала закон, а он.

– Не совсем так все было, – сказал Максим и покачал головой. – Если следовать четкой хронологии, то было так. Вы получили письмо, в котором было указано, сколько денег Любимов заплатил регулятору, сколько в другие ведомства и министерства, прямо или косвенно влияющие на его деятельность. Как раз в тот момент в Минюсте проходил экспертизу проект закона о снижении требований по начислениям резервов для разных категорий кредитных портфелей. Это бы сильно упростило жизнь банкирам, и за положительный отзыв банкиры платили. В списке этих людей вы увидели имя Шелехова и сообщили ему, что Любимов собирается открыть рот. И ситуация была улажена очень быстро – Любимова обвинили, подельникам дали уйти. Так было?

– Нет, Максим, это совпадение. Я к тому моменту уже знала, что ряд банкиров, и Любимов в том числе, давно занимаются незаконной деятельностью, и с полученным письмом поступила так, как сделал бы любой на моем месте: проигнорировала его. Ведь совершенно очевидно, что Любимов учуял, что пахнет жареным, и старался изо всех сил кинуть обвинение первым, чтобы у него была возможность перевести всю вину на регулятора и прочих чиновников. Как говорится, насильник тот, на кого указала жертва. Главное – вовремя заявить, что ты именно жертва, а не насильник.

Наташа говорила спокойно, но внутри ее немного потряхивало. Сексуальное возбуждение прошло, на его место пришла тревога. Максим не знает и не может знать, что Любимов действительно стал жертвой

обстоятельств, что его заставляли под угрозой уголовного преследования реализовывать все те схемы. Но это был его выбор, он мог пойти в полицию с повинной, сообщить обо всем. Он бы спасся. Он знал, куда он идет и какова цена всех этих игр. Но он прогнулся, согласился и действовал в строгом соответствии с руководством карманного банкира, пока не запахло жареным. Коррупция работает в обе стороны, и ему донесли, что схема с забалансовыми вкладами и отмыванием слишком топорная, ее нужно закрыть. А закрывают не только схему, но и каких-то людей, иначе слишком опасно, общество от такой наглости взвоят. Он побоялся оказаться тем, кого пустят «в расход», и попытался спастись, но не удалось.

Не спаслась и Наташа – объективность потребовала выложить имена многих чиновников, но, конечно, не Димы. И ее мужа в отместку посадили, потому что статья перекрыла некоторым чиновникам доходы.

– Полиция с вами уже говорила?

– Нет, еще нет. А что я могу им сказать?

– Я не знаю, вы скажете.

– Максим, мне кажется, вы пытаетесь выяснить то, чего нет на самом деле. Если следовать вашей логике, то смерть Шелехова мне совершенно невыгодна. Поскольку я потеряла источник информации.

– Это если следовать моей логике, – согласился Максим. – А как на самом деле?

– А на самом деле мне и моему агентству важно, с кем мы сотрудничаем. И Шелехов был отличным партнером, как и ряд других чиновников. Мы отлично работали вместе, но вот он убит, это горе, беда. Для меня, для его близких. Ничто не может стоить столько же, сколько человеческая жизнь! Не бывает таких обстоятельств, при которых нет другого выхода, кроме как убить человека. Его смерть не должна остаться безнаказанной. Но с точки зрения работы тут нет и не может быть каких-то катастроф. Мы – публичные журналисты, работаем открыто. Будем работать с новой командой Минюста точно так же, как работали с командой Димы.

– Ваш совместный сын с министром получит что-то в наследство?

– Не имею понятия, скорее всего, нет. Дима не был официальным отцом Костика, поэтому по закону он ничего не наследует. А завещание... Сомневаюсь, что Костик в нем упомянут.

– Они общались?

– Как отец с сыном? Нет. Костик знает, что мой муж – не его биологический отец, но никакого рвения ни с одной стороны, ни со второй общаться не было.

- И Шелехов нисколько не помогал? Не интересовался жизнью сына?
- Помогал, интересовался. Но не открыто. Это все вопросы?
- Нет, осталось совсем немного.

– Вы хотели пообщаться со мной по поводу моей семьи или по рабочим вопросам? Я не даю вам согласия на публикацию сведений о моем сыне и его отце. Понимаю, что скоро все СМИ об этом напишут, поэтому не уклоняюсь от ответов, но все же взываю к вашей профессиональной этике. Ни я, ни мой ребенок не замешаны в смерти Димы. Никаких выгод у нас нет, не планировалось и быть не может.

Максим задал еще несколько вопросов, не относящихся к семье Наташи, на которые она ответила быстро и без подробностей. Она успокоилась: все, что было сказано, известно многим людям, и это всплывет непременно. Разве что жена Димы не захочет этого да его высокопоставленные друзья не допустят – если Дима, конечно же, остался «своим».

Про деньги Максим не спросил, потому что не знает. И про Катюшу тоже ничего не знает – иначе спросил бы, за что она получила от министра деньги. Наташа знала, что ответить на этот вопрос, но он не был задан.

Зато за время их встречи она немного поняла этого парня. От него исходила не опасность. Он вовсе не угрюмо замкнутый, как будто готовится наброситься. Нет. Наташа перепутала опасность с еще более сильным и разрушающим чувством. Это скорбь.

Глава третья

Макс, Москва, 13 марта года

Если пройти вдоль Арбата, уткнешься в здание Министерства иностранных дел, его нужно обогнуть и спуститься на Ростовскую набережную. Там очень красивый вид и утром, и днем, и вечером, и даже ночью.

Здесь-то меня и прихватило.

С какой циничностью Добронравова отвечала о проделках министра, как горячо говорила, что любая человеческая жизнь достойна быть отомщенной... Я не стал спрашивать у нее про деньги и связь ее дочери с министром. Я неплохо понимаю ее состояние, судя по всему, она испытывала какие-то чувства к Шелехову... Пусть немного отойдет, и если надобность спросить про деньги сохранится, я встречу с Натальей еще раз и спрошу. Она не похожа на человека, который скрывает какую-то тайну, что-то страшное и противоестественное. Наталья Добронравова не вызвала у меня неприязни, обычная женщина со своими жизненными заморочками. Не мне судить ее ситуацию, это их семейное дело.

Но вот с ее мнением, что не бывает таких обстоятельств, при которых нет другого выхода, кроме как убить человека, я бы поспорил. Нет, Наталья, иногда все эти высокопарные правила не работают. Иногда лучшей кары, чем убийство, просто нет.

Если бы в смерти моей дочери был виноват министр, я бы сделал это.

Обычно на меня накатывает ночью, разбивает, как инсульт. Та ночь снова возвращается и проигрывается до конца. И не останавливается, что бы я ни делал – хоть кричи, хоть плачь, хоть смотри порно, что угодно, все будет задним фоном. Пытаясь найти спасение, я прочитал, что можно отделять эти воспоминания от своей головы. Но получалось отделять всю голову целиком и не думать вообще ни о чем. Эти воспоминания были крепко пришиты ко всем остальным.

Я не могу вспоминать все это. Воспоминания хоть и обрывочные, но даже сейчас, год спустя, душат меня, становятся такими реальными, так остро чувствуется запах лекарств, бензина в «Скорой», так больно мне держать на руках умирающую дочь. Но они все равно накатывают, все равно, все равно...

Проснулся я от того, что Сонечка хрипела. Не храпела, не кашляла, а

именно хрипела. Страшный хрип напугал меня до ужаса. Малышка больна, и это не к добру. Вырванный из сна острой тревогой, я подскочил, не понимая, что делать, выбежал на кухню, чтобы прийти в себя. Когда сон окончательно ушел, я вернулся в комнату и прислушался. Если попытаться трубочкой вытянуть молочную пенку со дна бокала, звук будет примерно такой же. Черт, неужели пневмония?

Я поставил малышке градусник, она даже не проснулась. На часах было около пяти утра, телефон врача не отвечал, я позвонил в «Скорую». «Скорая» приехала очень быстро, я разбудил дочку заранее, чтобы Сонечка не испугалась, когда войдут врачи. Малышка открыла глаза, закашлялась и снова закрыла их. Градусник показал 38,9.

Приехавшим врачам я почти бросился на шею. За двадцать минут у Сонечки случилось несколько продолжительных приступов кашля, она не могла остановиться. Я хотел дать ей воды, чтобы хоть как-то успокоить кашель и першение в горле, но Сонечка не смогла пить, была очень слабой, губы посинели. Малышку вырвало, она начала тихо плакать и продолжала кашлять.

Врач, молодая женщина, выглядела серьезной и обеспокоенной. Ее коллега, парень лет двадцати, с очень деловым видом держал в руках оранжевый пластмассовый чемодан.

– Сколько девочке лет? – первым делом спросила врач.

– Четыре, – ответил я. – У нее грипп, мы под наблюдением врача. Я проснулся ночью от того, что Сонечка хрипит. Страшно хрипит.

– Сколько времени болеет?

– Первый день.

– Что принимаете?

Я подал листочек с назначением педиатра. Сонечка испуганно смотрела на врачей, до этого она сталкивалась с ними год назад, когда заболела ветрянкой. Тогда ей ставили уколы, а она их боится. Я сел рядом с дочерью, обнял ее и сказал:

– Не бойся, папа рядом.

– Можно я тебя послушаю? – спросила врач у Сонечки. Та нехотя согласилась, но предварительно посмотрела на меня вопрошающе, мол, папа, а это обязательно? Я кивнул.

Доктор слушала Соню очень долго, и ее лицо становилось все серьезнее и серьезнее. Я перепугался не на шутку.

– Ну что там? – спросил я.

– Я боюсь, пневмония, – ответила врач. – На ухо я слышу хрипы, но они не столь выражены, однако общее состояние показывает острую форму.

Вероятно, это вирусная пневмония. Вы сдавали анализы на определение штамма гриппа?

– Мы сдавали анализ крови, – сказал я. – Но результаты не готовы, только утром сделали забор крови, прямо здесь, дома.

– Других анализов вам не назначали?

– Нет.

– Собирайтесь, мы госпитализируем девочку.

– Куда?

– В больницу, если это вирусная пневмония, это серьезно. Время терять нельзя.

– То есть нас будут лечить антибиотиками?

– Антибиотики при вирусной пневмонии бесполезны, – ответила врач. – Давайте не будем сейчас избирать метод лечения ребенка, а доставим ее к специалистам в стационар. Собирайте вещи.

– А что нужно?

– Белье, документы, остальное привезете позже. Торопитесь!

Это ее «Торопитесь!» нагнало еще больше страха. Я был не в себе, но все же собрал кое-какие вещи, мы спустились, сели в карету «Скорой». Сонечка была у меня на руках. Она плакала, была горячей, тяжело дышала, врач то и дело пыталась говорить с ней, а потом началось самое страшное: Соня очень глубоко уснула, перестала реагировать на мой голос. Врач надела на нее кислородную маску и велела водителю включить мигалку. Сказала: «Давай быстрее». Машина набирала скорость, вереща и разбрызгивая синеву по проезжей части и испуганным машинам, прижавшимся к обочинам.

А врач все повторяла и повторяла: *«Давай быстрее, быстрее, прошу тебя!»*. И эти слова отрывали от моего сердца маленькие болезненные кусочки. Я боялся за Сонечку. Я боялся, что все кончится плохо. Я боялся даже подумать об этом.

– Скажите мне, что все будет хорошо, – просил я врача. Стекающие по лицу слезы я не замечал, мне было трудно дышать. Сонечка хрипела у меня на руках. Этот хрип я не забуду никогда. Я пытался убедить себя, что у врача много дел, поэтому она торопит водителя. Может быть, какому-то ребенку хуже, чем моей малышке... Черт, я хотел, чтобы у кого-то ситуация была хуже, как бы страшно это ни звучало! Но врач мне не говорила, что все будет хорошо...

В больнице Сонечку положили на каталку и сразу же увезли. Врач, которая привезла нас на «Скорой», осталась в коридоре, села на скамейку и выдохнула. Я стоял, прислушиваясь к любым звукам, боялся даже

вздохнуть, чтобы не дай бог не пропустить и шороха.

– Вы сегодня третьи за ночь, – сказала мне врач, не поднимая головы. – Это какое-то безумие, эпидемию не объявляли, но вирус сильный. Симптомы у всех одинаковые.

– Вы о чем? Началась эпидемия гриппа?

– Вы новости смотрите? По всей Москве.

– Весной?

– В этом году такой вот грипп, и очень сильный.

– Вы сказали, мы третьи за ночь. А как остальные детки?

Врач собралась что-то ответить, но тут из кабинета выбежала женщина и на ходу крикнула:

– Лена, твоя помощь нужна!

А сама убежала куда-то по коридорам и скрылась. Наш врач из «Скорой» вскочила и кинулась в кабинет, затворив за собой дверь. Я не стал ждать, вошел, но меня тут же вытолкали. Я успел увидеть, как моя малышка лежит на кушетке, абсолютно голая, а рядом – толпа врачей.

– Я хочу быть с дочерью! Малышка, папа здесь!.. Соня, Сонечка!..

– Вам нельзя, вам правда нельзя, – сказал мне медбрат, который приезжал на «Скорой», он выставил меня за дверь и плотно ее прикрыл.

По коридору бежали еще врачи, в белых халатах, масках. Пять человек. Я отступил, и они влетели в кабинет, все впятером, и захлопнули дверь перед моим носом. Я еле сдерживался. Хотелось ворваться туда и закричать, чтобы мне хоть что-то сказали. Я хотел быть рядом с дочкой, ведь ей страшно, она боится уколов. У нее родинка на животике, и она ее стесняется. Ей нужно объяснить, что перед врачами стесняться не нужно. А после укола нужно обязательно подуть на то место и поцеловать. Ведь никто этого не знает! Никто!

В конце концов, там мой ребенок!

Я открыл дверь и вошел.

Меня никто не остановил. Все врачи в масках смотрели на стол, и только врач по имени Лена с силой давила на грудь моей малышки, изо рта которой торчала трубка, присоединенная к груше. Грушу ритмично сдавливал и отпускал ее коллега из «Скорой». Все остальные просто стояли и смотрели.

Я подошел к столу, взял свою девочку за руку. Ручка была холодная. Ледяная. Рядом со столом стояло ведро с водой, в которой плавали кусочки льда. Волосики Сонечки были мокрыми, а глазки закрыты.

– Лена, все, – сказал кто-то. – Запишите в историю болезни время смерти: семь сорок шесть. Двенадцатое марта две тысячи семнадцатого

года.

Игорь, Москва, 14 марта года

С момента убийства министра прошло пять дней. Свершившееся в пятницу преступление лишило маму Игоря обещанной поездки в Икею, а самого Игоря – спокойных выходных с женой и дочкой (а если бы повезло – то и с молоточком и гвоздями в зубах). Он работал и субботу, и воскресенье, а в понедельник приехал домой глубоко за полночь, только для того, чтобы сменить одежду и сесть за компьютер, чтобы снова работать.

За эти пять дней Игорь написал, наверное, десятка два постановлений, рапортов и тучу рабочих документов, чтобы собрать доказательства того, что министр был убит наемником.

А как иначе? Убийца проник в кабинет через окно, выбрался оттуда так же. Камеры видеонаблюдения вокруг были отключены, министерская камера окно министра не «пробивала». Никто не видел, как убийца забрался в окно, никто не видел, как висели снаряды – огромные тросы. Кто открыл убийце окно? Кто его впустил? Этого Игорь не знал. Но других способов попасть в кабинет не было – камеры внутри здания фиксировали все четко. Криминалисты сделали однозначный вывод: видео не монтировали, оно цельное, без вмешательств. Никто посторонний в кабинет министра изнутри здания не входил. Остается только один вариант: убийца забрался снаружи.

Была еще одна версия – вентиляция, но она не выдержала проверки. Вентиляционный доступ в кабинет министра был, но настолько узкий и ломаный, что пробраться по нему может только некрупный кот, и то с большим трудом.

Следователи из ФСБ сделали аналогичный вывод. Убийца забрался снаружи здания. Этот факт можно считать доказанным.

Неожиданно для Игоря ФСБ предложила разделить расследование на две части. Игорь должен был расследовать личные мотивы, а они займутся профессиональными.

– И я считаю это верным, – сказал Валентин Леонидович на планерке. – У вас нет соответствующих допусков. И если публичные правоотношения вы сможете проверить и расследовать, то все, что касается государственной тайны, для вас закрыто. Процедура допуска займет уйму времени, а у ФСБ есть достаточно ресурсов, чтобы задавать правильные вопросы, а главное, иметь право получать на них ответы.

На том и порешили.

Несмотря на то что убийство было заказным, Игорь чувствовал, что ФСБ не найдет ничего, что укажет на убийцу. Он был уверен: здесь личное. Ох какое личное! Если убийца вынужден был заморочиться, чтобы убить Шелехова прямо в кабинете, то есть продемонстрировать, что убит не Дмитрий Шелехов, а именно министр юстиции, значит, все наверняка наоборот. Не министр был целью, а Дмитрий.

Игорь рассуждал так: если министр должен был умереть, чтобы не сделать тот или иной политический шаг, то это сделали бы чисто, без заморочек. Зачем вся эта показуха, зачем столько рисков – а если бы убийцу увидели на здании и сняли прямо горяченького? А если бы секретарша пришла раньше? А если бы кто-то услышал выстрел? А если бы она, секретарша, вошла в кабинет раньше, и убийца не успел бы скрыться по крышам, до того как она подняла крик? Это очень рискованно, такой риск должен быть оправдан.

И оправдан он только одним: все вокруг должны решить, что убийство министра совершено по политическим мотивам.

А Игорь точно знал: нет, здесь личное.

Супруга Шелехова – Наталья Николаевна – лежала в больнице, в палате интенсивной терапии. Три месяца назад у нее была диагностирована глиобластома, агрессивная злокачественная опухоль мозга. Женщина угасала и последние шесть недель провела в кровати, не вставая. Получить от нее хоть какие-либо сведения оказалось затруднительно, практически все время она была без сознания, а если и открывала глаза, то не понимала, что происходит вокруг.

Анализ медицинских документов Шелехова дал четкую картину состояния здоровья министра: хоть в космос. Дмитрий за последние десять лет в клинике был только один раз – удалял воспаленный аппендикс. На давление не жаловался, больничных не брал, у стоматолога бывал регулярно, залечивал мелкие дырки в зубах.

Заграничные поездки только в рамках исполнения должностных обязанностей. Самая продолжительная поездка – в Дубай в 2014 году, пять дней. Там был огромный форум и конференция, и в эту поездку Шелехов взял с собой дочь. Они прибыли за три дня до начала конференции, а сразу после окончания улетели в Москву. Свои отпуска министр проводил на даче в Подмосковье или в Сочи, где у него была квартира.

Двое детей – Виктор и Виктория, оба совершеннолетние. Дочь Виктория учится в Лондоне, в каком-то пафосном университете, а сын Виктор – в МГУ, живет с родителями в трехкомнатной квартире недалеко от станции метро Тульская.

Виктор не смог рассказать про отца ничего интересного. Последние несколько лет они мало общались, несмотря на то что жили вместе. Виктор все свободное время проводил у кровати матери, а когда она еще ходила – бегал с ней по врачам и летал по разным клиникам. Ни дочь, ни муж Наталью Николаевну в поездках не сопровождали.

Родители Шелехова давно умерли.

Виктория не прилетела на похороны отца. Наталья Николаевна, понятное дело, похороны пропустила, из родственников присутствовал один Виктор. Игорю тогда показалось, что парень не совсем понимает, где он находится. Тихий, скромный, в черном костюме и черных очках, стоял в первом ряду, под вспышками камер. К гробу не подошел, руки никому не пожал, слов не сказал. Он просто постоял и вскоре скрылся, как будто и не было его вовсе.

Зато политические звезды первой величины сказали очень много душевных слов, оправдали все ошибки министра и поблагодарили за проделанную работу. Игорю стало понятно: министр человек свой, вешать дохлых собак на него никто не будет. Ждать политической интриги нечего, вскрывать зловонные пузыри не станут.

На похоронах было многолюдно, и оперативники записали всех. Согласно их отчету, присутствовали в основном коллеги и журналисты, всего семь человек не имели отношения к министерству и средствам массовой информации, три из них – любовницы министра, четверо – одноклассники из университета.

Самый долгий допрос был с любовницами – практически сутки. Они, как оказалось, были в курсе множества интересных деталей о жизни министра. Все три, к счастью, о существовании друг друга знали, ничего против не имели. Для Игоря это было странно, но спрашивать о причинах он не стал, и так все понятно: деньги. Денег своим любовницам министр давал много, у него были даже специальные золотые карты в крупном государственном банке, по которым он отслеживал расходы своих благоверных и подкидывал им денег. К слову сказать, любовницы были скромными – недорогие автомобили, съемные квартиры, вменяемый бюджет в месяц, не больше двухсот тысяч рублей на всех.

Для Игоря сами девушки не представляли интереса, личностями для него они не были. После смерти министра они оказались в очень щекотливом положении – денег нет, а обязательства есть. О наследстве министра пока ничего неизвестно, но едва ли им что-то перепадет, хотя проверить это будет необходимо. Наследование пойдет не по закону, а по завещанию, чтение завещания назначено на вечер сегодняшнего дня, и

Игорь на это событие отправил аж двоих оперативников. Мало ли.

Из общих показаний любовниц удалось сделать сразу несколько выводов. В сексуальном плане министр был жаден и разнообразен. Одна из любовниц, огненно-рыжая бестия по имени Клавдия («называйте меня Клаудия») была утехой номер один. Здесь было все – от легких игр с костюмами до жесткого БДСМ, однако фиксацию министр и бестия не использовали ни разу.

– Я никогда не была госпожой, – пояснила Клавдия. – Если бы мы и применяли фиксацию, то следы от наручников были бы у меня. Дима всегда был господином.

Нежно-ванильная Светлана жила в старой «хрущевке» на Полянке, в квартире розового цвета с кукольно-розовой мебелью. Здесь министр отдыхал душой и телом – Светлана прекрасно владела искусством массажа, занималась йогой и была гибкой, пылкой, страстной. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы в красках представить себе секс с ней: на облаках из сладкой ваты, под томную музыку в окружении ароматических свеч и неизменной бутылкой красного винца.

Обе девушки – и Светлана, и Клавдия – были тоненькие, молодые и невинные, как вологодские росы. Лидия была другой.

Зрелая дама, деловая и тучная. Сын министра показал, что после того, как мать оказалась в больнице, Лидия переселилась в квартиру на Тульской и взяла все хозяйство на себя. Это была настоящая русская баба, с толстенной черной косой, без признаков макияжа на лице, по дому передвигалась в застиранном спортивном костюме, но ухоженная, этого не отнять. Маникюр, педикюр, идеальный контур лица, слегка подкачанные губы. Этакая деревенская роскошная экзотика.

Если посмотреть на троих сразу, то Лидия заменяла Дмитрию супругу. Обычную, стандартную, традиционную.

Итак, все три любовницы рассказывали про сексуальный темперамент министра как-то очень по-разному. Клавдия была леди номер один, с которой министр проводил ночи напролет за играми и сексуальными утехами разного рода. Она описывала их ночные приключения как очень страстные, длящиеся практически без перерыва. И не только в выходные дни, чаще в будни. После Клаудии он ехал сразу на работу, а потом либо домой, либо к Светлане. У Светланы ночевать он не оставался. Массаж, легкий ванильный секс, диетический ужин. С ней в постели он был очень нежен, почти трогателен. В дни, когда Клавдия и Светлана оставались одни, а Наталья Николаевна еще была полна сил и энергии, то министр ехал либо к Лидии, либо сразу домой. После того как Наталья Николаевна заболела,

визиты к Лидии участились.

– Мы говорили с Димой о том, что, например я могу быть и Клаудией, и Светланой, – говорила Лидия. – Но дело в том, что Диме хотелось не столько разнообразия в сексе, сколько в партнершах. Поэтому у нас все было так, как было. Нет, с девочками мы не общались, совместных выходных не проводили. У нас даже телефонов друг друга не было, познакомились на похоронах. Но Дима рассказывал мне про Свету и Клаву, я понимала их роль и уважала выбор Димы. Как ко всему этому относилась Наталья Николаевна, мне неизвестно. Но с женой Дима не спал уже очень давно, и это понятно. Что будет сейчас, мне не известно, на наследство я не рассчитываю. Я подыскала себе место работы и скопила немного денег... На первое время хватит, а что будет потом, посмотрим.

Ну если за Лидию действительно беспокоиться незачем, то Светлана и Клаудия вызывали беспокойство. Конечно, у тех людей, кому было не плевать на обеих. Игорю было плевать, единственное, что его раздражало, так это их недоступность. Чтобы собрать их вместе, ему пришлось отправить сразу четверых оперов, которые вылавливали девушек из клубов, где они, наверное, искали себе новых ухажеров.

Убивать министра, судя по всему, причин у девушек не было. На всякий случай Игорь попросил каждую пройти обследование в медицинском центре, чтобы установить, что никто ничем не болен и такого мотива у них нет.

Справки они предоставили, все чисто.

Ни одна из девушек не была подвешена на волосок – никого из них Дмитрий бросать не собирался. Больше того, Светлана планировала переезд на дачу министра, как делала каждое лето на протяжении трех лет, а Клаудия собиралась отчалить в Сочи. И только Лидия уже перебралась в квартиру на Тульской, откуда съезжать пока не собирается. Она договорилась с Виктором, что он продолжит выплачивать ей содержание, а она присматривает за домом.

Проведя сутки за допросом любовниц Шелехова, Игорь не нашел причин, чтобы не верить им. Да, они не все сказали. Например, Светлана скрыла, что Дмитрий неоднократно говорил ей, что подозревает Лидию в связи с Виктором (как оказалось, небезосновательно). Об этом Игорь узнал от Клаудии, которая, оказывается, всегда развешивала уши и слушала Дмитрия очень внимательно, и неважно, ей ли он говорил или кому-то по телефону.

Клаудия же скрыла от Игоря, что Дмитрий собирался купить ей новый автомобиль, а старый отдать Светлане, у которой уже давно барахлит

двигатель. Это Игорь узнал из истории поиска и от Михаила, ассистента министра, которому было поручено произвести приобретение автомобиля и записать его на имя Клаудии.

Лидия, понятное дело, про свою связь с Виктором никому не сказала. Не сказал об этом Игорю и сам Виктор. Игорь это понял по теплеющему взгляду Лидии, когда та говорила про сына министра. И уж очень сильно она не желала впускать Игоря в спальню министра, где тот обнаружил в комодке нижнее белье, явно не принадлежащее Шелехову-старшему – серо-серебристые трусы-боксеры известной иностранной марки. Гардероб Дмитрия более консервативен, и нижнее белье у него было просторное, удобное в носке и преимущественно синего и черного цветов.

В качестве версии номер один Игорь отложил для себя «на подумать» мотив ревности со стороны сына к Лидии. Возможно, парень влюбился настолько, что больше не мог делить любимую с отцом.

В качестве версии номер два – возможно, это сделала Лидия, уставшая от министра.

Придумать причины, почему существовал этот треугольник, и Лидия не ушла от министра, чтобы быть вместе с Виктором, Игорь не смог. Поэтому ему пришлось спросить напрямую у Лидии. Он едва ли добился бы правдивого ответа от Виктора, парень твердо стоял на ногах, а вот Лидия была в неудобном положении.

Игорю даже не пришлось ехать к Лидии на Тульскую, она согласилась сама приехать к следователю и ответить на все вопросы. Судя по смущенному виду, она поняла, что Игорь догадался, и знала, какие будут вопросы.

– Если вы продолжите недоговаривать или врать, я привлеку вас к ответственности, – предупредил Игорь. – Почему вы не сказали мне, что, помимо отца, вы еще спите с сыном?

– Потому что такого не было! Я никогда не спала с обоими! Когда мы с Витей поняли, что любим друг друга, с Димой мы уже несколько недель не были вместе! А не сказала вам про Витю, потому что мне стыдно, – ответила Лидия и густо покраснела. – Я не представляла, что окажусь в такой щепетильной ситуации.

– И что же вам мешало выйти из нее?

– Ничего. – Она пожала плечами. – Виктор предлагал мне стать его женой. А Дима в последние несколько месяцев использовал меня в качестве домохозяйки. Он прекрасно знал, что мы с Виктором друг друга любим, и не мешал нам. Хотя ему никто не говорил. Но близости у нас с Димой не было с тех самых пор, как мы с Витей... В общем, с тех пор как

Витя мне открылся.

– Но вы не порвали с Шелеховым-старшим, почему?

– Потому что тогда потребовалось бы решать сразу несколько важных вопросов. Где я буду жить? На что? Дима давал Виктору деньги, но их бы не хватало для нас обоих.

– А пойти работать? Виктор мог бы найти работу, вы бы тоже могли.

– Виктор учится, а у меня слишком много дел по дому, слишком много забот.

– Поэтому вы ждали, когда все решится само собой?

– Да.

– И никаких скандалов не было? Сцен ревности?

– Нет, ничего такого. А к чему? Если бы кого-то что-то перестало устраивать, мы смогли бы договориться о варианте, который устроил бы нас всех.

Проковырившись с версиями номер один и два, Игорь откинул их как несостоятельные. Действительно, если не было скандалов и сцен ревности, значит, Шелехов добровольно «поделился» Лидией, как бы цинично это ни звучало.

Но парня допросить все же было нужно. Во-первых, для того, чтобы выяснить про Лидию (хотя они наверняка уже согласовали свои показания), а во-вторых, для того, чтобы понять, почему его сестра не прилетела на похороны отца.

Этот вопрос волновал Игоря больше всего. Связаться с Викторией ему не удавалось. Она то была на занятиях, то телефон не отвечал. Игорь вызвал ее на допрос, но она ответила, что прилететь не сможет, и предложила допросить ее в Лондоне. Игорь велел операм собрать всю доступную информацию о Виктории Шелеховой, ее жизни в Москве и Лондоне, и направил в канцелярию запрос на командировку и оформление документов.

Приехать к Игорю на допрос Виктор согласился только в пятницу, но у Игоря не было желания ждать. Он велел операм доставить Виктора для повторного допроса, и вечером Шелехова-младшего привезли.

К этому моменту Игорь уже знал, что Виктория на допрос не приедет и, видимо, придется ехать к ней. Ему очень не хотелось. Он не любил самолеты, недавний перелет в Америку пережил с большим трудом и еще долго не мог прийти в себя от обратной дороги. Оба уха заложило на взлете, и нормально слышать он стал только спустя неделю. А еще у Маринино отца случился инфаркт, она была вся на нервах, как и мать Игоря, – они не отходили от старика, которому постоянно нужно было

подвозить лекарства и держать машину прогретой на случай, если придется срочно ехать в больницу.

В общем, у Игоря были причины негодовать по поводу негибкости детей министра.

Виктора привели в подавленном состоянии. Помимо этого, он был зол. – Вы лезете не в свое дело! – первым делом заявил молодой человек.

Игорь видел его отца по телевизору – Шелехов-старший так же сдвигал брови, так же гневно смотрел и говорил, практически не разжимая губ. А еще и отец, и сын были высокими, плотными, и у обоих была завидная шевелюра волнистых золотистых волос. Виктор занял позицию нападающего, сложил руки на дипломатический манер – сцепил в замок, но выставил от себя, практически разогнув локти, занимая много территории. Вперил в Игоря ненавидящий взгляд.

– Вы не имели права выспрашивать у Лидии про наши отношения. Вы должны понимать, что ситуация нестандартная и требует деликатности и тактичности. И никто не давал вам права судить.

Игорю хотелось нахамить в ответ, разговор у них получится неприятный и явно не под протокол. Хотя, конечно, по итогам Игорь составит протокол, но внесет в него только суть.

– Делать выводы должны вы, – сдержанно ответил Игорь. – А я имею право задавать любые вопросы, которые посчитаю нужными. Тот факт, что вы не слишком заинтересованы в расследовании убийства вашего отца, алиби вам не предоставляет. А еще тот факт, что у вас общая любовница, навевает подозрения.

– Вы топчетесь на одном месте, причем далеко от того, где топтался убийца, – проговорил Виктор, – поэтому с вами никто не хочет разговаривать. Вы просто хотите влезть в нашу семью и перетрясти все белье.

– Все ваше белье уже перетрясено, – ответил Игорь. – И вопросов у меня стало еще больше. Например, с чего вы решили, что ваш отец был не против отдать вам Лидию? Ведь это его женщина.

– Лидия не собственность, она вправе сама решать, с кем ей быть.

– И как, интересно, она решила?

– Она решила быть со мной, – отчеканил Виктор. – А уладить этот вопрос с отцом – мое дело. И я бы сделал это на днях, но увы, отца не стало.

– Как давно вы с Лидией вместе? – спросил Игорь.

– Какая разница?

– Что сложного в ответе на мой вопрос? Ладно, я и так это знаю.

Несколько недель. У вас не было времени за эти недели поговорить с отцом?

– Отец – человек занятой. Я сказал ему, что нам нужно поговорить. Он ответил, что догадывается о чем, но ему некогда. Обещал, что как только разгрузится, сразу же.

– Вам известно, что вы получаете по наследству?

– Это неважно, – ответил Виктор. – И у меня, и у Вики есть фонд. Отец не хотел проблем с наследством. Поэтому отчислял в наши фонды деньги, к которым мы имеем доступ и имели его всегда. Отец считал, что мы сами должны решать, как распорядиться наследством. Или тратить сразу, или откладывать. Квартира на Тульской моя, квартира в Сочи и дача – Викины. Все справедливо и уже разделено. Наследство – какие-то деньги на счетах отца, это не суть.

– Но Вика, видимо, таким разделом недовольна?

– С чего вы так решили?

– Она не приехала на похороны отца, – ответил Игорь.

– И что?

– Вам не кажется это странным?

– Мне – нет.

– Могу я поинтересоваться почему?

Игорь с трудом сдерживал неприязнь. Ему хотелось поставить этого пацана на место. Видите ли, мотива убить отца у него не было, потому что наследство уже разделено, а женщину и делить не надо – у отца их столько, что одну отдать не жалко. Да уж, Дмитрий, воспитали вы детей!

– Можете, конечно, – ответил Виктор, – у нее самой. Вика вам все расскажет.

– А вы причин не знаете?

– Знаю, но я не знаю, насколько это правда, и попусту сотрясать воздух не хочу. К тому же у меня слишком мало времени.

– Вы понимаете, что обязаны сказать мне?

– Нет, не обязан, – ответил Виктор и поднялся. – Дальше любые расспросы задавайте через семейного адвоката. Мне пора.

– Не так быстро, – ответил Игорь. – Вам придется пару часов подождать.

– Это еще зачем?

– Мне нужно составить протокол допроса, согласовать его с вашим адвокатом, вы его подпишете и только потом получите мою подпись на пропуске для выхода из здания. Ожидайте в коридоре.

– Но...

– Что из сказанного мной вам непонятно?

* * *

Игорь смертельно устал.

Свинцовая тяжесть в груди, в глаза насыпан песок, на языке горечь от выпитого кофе. Ему страшно хотелось домой, в уютное тепло семьи, в дом, где полно барахла и вкусно пахнет ужином.

Но на десять вечера назначена встреча с ассистентом министра, и к этой встрече следовало подготовиться тщательно.

Парень что-то знал, о чем не мог или не хотел говорить по непонятным причинам. Конечно, вполне может быть, что Михаил знает нечто такое, что бросит тень не только на министра, но и на него самого, и тогда от него ничего не добиться.

Игорь внимательно прочитал биографию министерского ассистента, поговорил с опером, который «нарыл» про парня все-все-все, и сделал вывод: а парнишка-то у нас не прост, ох как не прост.

Долгое время министерские считали Михаила Сидорова геем. Дело ли, молодой парень, и ни разу не был замечен с девушкой! Никогда ни с кем по душам не разговаривает, живет тихо, работает усердно. Идеальный ассистент, не вызывающий ни подозрений, ни интереса. Но только не у женской половины светского министерства. Вот и ходили разные слухи, но питать их Михаил не собирался. Он просто не обращал внимания, и как-то все само собой развеялось. А потом выяснилось, что у Миши все же есть подруга, и девочки в министерстве вздохнули спокойно. Слава богу, не гей. А девушка, та, что согревает молодого красавца ночами, – не стена, можно и пододвинуть.

А между тем девушка Маша как раз была стеной.

Они жили вместе. Судя по постам и фотографиям Маши из социальных сетей, она была влюблена и очень гордилась Мишей. Девушка активно делилась со своими подписчиками, что с тех самых пор, как ее возлюбленный уехал из родной деревни сначала в Новосибирск учиться, а потом в Москву уже работать, он никогда ни с кем не жил. На этот шаг он пошел сознательно, потому что Маша очень хорошая девушка, не пьет, не курит, работает переводчиком в итальянском издательстве. Конечно, открытым текстом Маша этого не написала, но вывод такой напрашивался. А на совместных фотографиях было видно – пара счастлива.

Если не считать затянувшейся интриги с личной жизнью Михаила, то

отзывы о нем были весьма пресные. Сплошь положительные. Ни одного серьезного провала, ни одного «косяка» за ним замечено не было. Но и звезд с неба он не хватал. Но если еще полтора года назад Михаил был наравне со всеми, то в последнее время босс стал его выделять. Он назначал Михаилу премии, разрешил занять отдельный кабинет – небывалая роскошь! Отчего такие привилегии обычному на самом-то деле сотруднику?

Должность Михаила звучала пафосно – ассистент, хотя, по сути, он самый обычный помощник, выполнял руками то, что министру по рангу делать не положено. На эту должность нанимали молодых, бойких студентов, но долго они не держались – полгода, максимум год. Ну а что молодым да скорым в бумажках копошиться, планировать визиты министра на предприятия, записывать результаты встреч и писать по ним протоколы? Тоска смертная! А вот Мише, судя по всему, нравилось: работал в министерстве уже третий год. Ни у кого не возникало подозрений в каких-то протекциях – Михаил честно прошел конкурс на вакантную должность. Но вот почему столько благосклонности на него снизошло от начальника, понять никто не мог.

Высокий, худой и уставший Михаил Сидоров явился к следователю в угнетенном состоянии. Глаза потухшие, рыжие волосы растрепаны мартовским ветром, рубашка, наверное, утром была свежая, а сейчас выглядела так, как будто ее хорошенько отжали, не стирая. На ярко-голубых брюках на икрах следы грязи – бежал от метро, не разбирая луж. Балбесом и протезистом Михаил не выглядел, в нем чувствовалась та самая уверенность в себе, когда если не мир по колено, то родной океан – точно.

– Добрый вечер, – сказал он и сел напротив Игоря. – Очень вас прошу побыстрее, я устал, как ломовая лошадь. Да и вы, вижу, тоже.

Игорь поднял на него усталый взгляд. Ну что же, поехали.

– Как вы попали в министерство? – спросил Игорь.

– Так же, как и все туда попадают. Был объявлен конкурс, я подал документы. Прошел собеседования, проверку, потом был испытательный срок. Я его прошел и вот работаю.

– Сколько было человек на вакантное место?

– Понятия не имею. Это давно было, даже если и знал, то уже забыл.

– У вас плохая память?

– Отчего же? Хорошая, – ответил Михаил. – Просто я не запоминал того, что мне не нужно. Зачем засорять память? Ну было их сколько-то там, но уже ведь нет? А я есть.

– Министр мертв, чем вы занимаетесь сейчас?

– Занимаюсь своей работой. Как и до смерти Дмитрия, разбираю бумаги, планирую визиты для нового министра, согласовываю повестки встреч... Читаю тонну документов. Работы много.

– А что с вами будет сейчас? Ведь у нового министра наверняка есть кем вас заменить.

– Наверняка есть, – согласился Михаил. – Но просто так меня уволить не смогут. Предложат какую-то другую работу, а там посмотрим.

– Не сильно вы переживаете. Уже присмотрели себе место?

Михаил попытался улыбнуться. Получилось скупо, но Игорь сделал вид, что понял, к чему была эта улыбка.

– Нет, я себе ничего не подыскал. Как вы понимаете, сейчас у нас творится что-то непонятное, и пока не придет новый человек, никто не сдвинется с места, потому что новым людям тоже нужно все объяснить. Когда станет более или менее ясно, что работы у меня больше нет, тогда и буду думать.

– Опрометчиво, – заметил Игорь. – Видно, вас совсем не заботит ваша судьба.

– А вы предлагаете мне впасть в депрессию? Рвать на себе волосы и переживать, чем я в следующий месяц буду платить за квартиру? Нет, это не моя история. Я таким не занимаюсь. Я живу так, как привык жить, и ничего менять не собираюсь. Мне очень жаль Дмитрия, и это единственное, что расстраивает меня в этой ситуации.

– Расскажите мне про Шелехова. Каким он был человеком? Каким был начальником?

Михаил снова улыбнулся, на этот раз теплее. Было видно, что сейчас он будет говорить искренне и о вещах, которые ему действительно приятно вспомнить.

– Ничего не могу сказать вам про Дмитрия Шелехова как человека, поскольку помимо рабочих вопросов мы не обсуждали ничего. Да, бывало, мы говорили о чем-то стороннем, но на нейтральные темы. Новости политики, какие-то события. Он чаще интересовался моим мнением, нежели высказывал свое. А вот о министре могу рассказать много.

– Я вас слушаю.

В целом Михаил рассказал то, что Игорь уже слышал от оперативников. Они опрашивали всех сотрудников министерства и составили более или менее объективный портрет министра. Он был справедливым начальником – у него не забалуешь, но и нагоняи ни за что от него не сыпались. Никогда не требовал лебединой верности, понимая,

что человек всегда ищет, где лучше. Очень высоко ценил грамотность и компетентность, никогда не критиковал личность сотрудника, но выставлял жесткие требования к результату труда. От него никто и никогда не слышал оскорблений вроде: «Ты дура!» или «Какой же ты тупой, как это можно не понимать?», зато «Вопрос не проработан, задача не выполнена» – сколько угодно. Щепетильный в делах сам, он требовал от своих сотрудников педантичного подхода к выполнению любых заданий и ненавидел халтуру. На неформальных мероприятиях вел себя прилично, рано уходил, позволяя сотрудникам отдохнуть без начальственного надзора. Был корректен, вежлив, аккуратен.

Случались, правда, сбои в системе. Но и то – в последнее время. Люди, проработавшие с ним пять и более лет, еще когда Шелехов не был министром юстиции, говорили, что Дмитрий всегда отличался спокойным нравом, и очень странно было наблюдать картины вспышек ярости.

Миша помнил несколько таких случаев. Однажды он вошел в кабинет к начальника без стука – такое было возможно, когда дверь в кабинет оставалась открыта, значит, министр свободен и можно заходить по рабочим вопросам. Но в тот раз все было по-другому.

Шелехов сидел в своем кресле, как в чужом. Он озирался по сторонам, как будто не понимал, что происходит, на его лице был такой ужас, что Мише стало нехорошо. Он испугался, что министр нездоров, потому что видел его таким впервые.

– Не знаю, что это было, возможно, паническая атака... У нас было много процессов в работе, и все очень срочные. Напряжение очень сильное. Работали до полуночи, иногда вообще до двух часов ночи. Президент ждал доклад, а у нас все было только в задатках...

Увидев помощника, Шелехов вскочил и закричал, чтобы Миша убирался вон из кабинета и никогда больше не возвращался. У Миши выпали бумаги из рук, он выбежал и закрыл за собой дверь.

В тот день министр ушел с работы в начале четвертого, но наутро все было как прежде. За свою вспышку Шелехов не извинился, да и некогда было – поджимали сроки, разговаривать не по делу было некогда.

Следующий случай произошел совсем недавно, в феврале. Шло совещание, министр отлучился в туалет и вернулся совершенно другим человеком. Будучи высоким, внушительным мужчиной, обычно Дмитрий ходил прямо, держась уверенно, твердым шагом. Глаза всегда ясные, на губах улыбка, всегда всех приветствовал и называл по именам – это была его отличительная особенность. Он в министерстве знал всех поименно!

– Но когда он вернулся... Я не знаю, заметили ли коллеги это, но он

был сам не свой. У него поникли плечи, снова этот испуганный взгляд. Он едва вошел, увидел меня, и я подумал, что Дмитрий сейчас закричит – так широко он открыл рот. Но он просто убежал. И в тот день в офис не вернулся, а утром все опять было нормально.

– И какие у вас версии? Как объяснить такое поведение?

– Я не знаю, – ответил Миша и пожал плечами. – Стресс, может, что-то дома... Мне трудно сказать, он не делился своими проблемами, а я не спрашивал.

– А что говорят в министерстве по этому поводу?

– Этого я тоже не знаю. Сам я никому не рассказывал, а со мной на такие темы не общаются, знают, что я не любитель поболтать.

– Это все, что было странным?

– Да, все.

– Скажите, а вы знакомы с дочерью министра, Викторией?

Задавая этот вопрос, Игорь не рассчитывал ни на что. Он просто готовился к поездке в Лондон и хотел спросить у Михаила общие впечатления о девушке, это всегда полезно. Но, услышав вопрос, Миша изменился. Подобрался, глаза непроизвольно сузились.

«Что-то скроет, – догадался Игорь. – Что-то точно скроет!».

– Да, с Викторией я знаком. Дмитрий брал ее с собой в Дубай мы летали на конференцию. Это была полурбочая командировка, нам необязательно было быть, но Дмитрий захотел. Пару дней мы отдохали, а потом была конференция, после которой полетели домой.

– И что же там произошло, в Дубае?

Ох, как не понравился Михаилу этот вопрос! Игорь аж почувствовал напряжение, исходившее от парня.

– Ничего не произошло, – ответил Михаил, стараясь говорить спокойно, и ему это почти удалось. – А почему вы спрашиваете?

– Ну вы так заволновались... У вас случился конфликт с Викторией? Или с самим министром?

– Нет, – быстро ответил Михаил. – Никаких конфликтов у нас не случилось. Все было обычно, приехали, позагорали, каждый сам себе, потом сходили на мероприятие, потом на вечеринку. Все.

– В министерстве говорят, что в последнее время Шелехов осыпал вас благами – кабинет вон отдельный выдал. Было такое?

– Да, но это нельзя назвать благом. До этого я работал в канцелярии, там всегда много посторонних. А я работаю с конфиденциальными документами. Это вполне объяснимо, что, когда освободился кабинет, Дмитрий предложил мне туда переехать. А кого туда поселить? Советника?

Может быть, секретаря?

– Почему бы и нет?

– Дармоеды, – ответил Михаил и покачал головой. – Если вы пытаетесь поймать меня на чем-то таком, что не позволено Юпитеру, то поговорите с советником министра. Вот этот человек, доставшийся в наследство от предыдущего босса министерства, совсем не на своем месте. И мне кажется, не в своем уме. Он вообще не понимает, что делает, и чем занимается министерство...

– Но все же что должно было произойти в Дубае, после чего обычному ассистенту начали выдавать премии, отдельный кабинет и хвалили на всех углах? – гнул свое Игорь, не обращая внимания на попытки Михаила увести разговор в сторону советника министра, о котором Игорь уже все знал и был солидарен с Михаилом.

– Да я же говорю вам, ничего там не произошло, – терпеливо ответил Михаил. – Что вы заладили с этими Эмиратами? Все было нормально, ничего не случилось. А кабинет и премии – я заслужил, в служебных записках подробно изложено за что, можете ознакомиться с ними.

– Обязательно ознакомлюсь, – пообещал Игорь.

Он замолчал, записывая в блокнот какие-то слова, не относящиеся к делу. Михаил напряженно молчал. События в Дубае всплывали не раз, но отчего-то люди не акцентировали на них внимания. Наверное, потому, что не знали, что там было. А вот Михаил знает! Знает, но говорить не хочет. Значит, рыльце-то в пушку. Но ничего, все тайное станет явным.

– Михаил, у вас есть подозрения, кто убил министра?

Михаил помотал головой.

– Я не знаю. Понятия не имею.

– И даже предположить не можете, какими могут быть причины? Работа? Личная жизнь?

– Я плохой для вас свидетель, – ответил Михаил. – Сплетен не знаю, догадок не строю. В личную жизнь коллег не лезу, в свою никого не впускаю.

«Нет, дорогой друг, – подумал Игорь. – Все-то ты знаешь! Все знаешь, но не расскажешь. А я не буду у тебя допытываться. Сам все расскажешь как миленький. Дай я только нос по ветру настрою, волну поймаю, и все мне станет ясно, все станет понятно. И уже ты будешь просить, чтобы я выслушал. А я еще подумаю, стоит ли тебя слушать».

Глава четвертая

Наташа, 15 марта года

Для Наташи стало шоком, что жена Димы умирает в больнице. То есть не жена уже, а вдова. Наташа не знала о ее болезни. Они не были близко знакомы, встретились только однажды, на одном из мероприятий. Наверное, его жена все тогда поняла. Говорят, жены чувствуют, когда рядом с ними возникают любовницы. И могут почувствовать, что вот эта женщина, вроде нейтральная, вроде совсем чужая, ночами трогает ее голого мужа.

Наташа вошла в палату. В руках у нее была коробка с апельсинами и небольшой букетик цветов – такова традиция. Если человек болеет, неважно чем, ему нужны апельсины.

– Входите, – услышала она.

И вошла. Возле больничной кровати стояло огромное кресло, в котором сидел молодой человек. Судя по тому, что в кресле больше не было свободного места, Виктор телом пошел в отца.

– Вы кто?

– Меня зовут Наталья Добронравова, – представилась Наташа. – Я подруга Димы.

– Все его подруги мне известны, – сказал Виктор. – Про вас я слышу впервые.

– Витюша...

Сиплый, почти шепот, от которого веяло могильным холодом. Наташа сдержала себя, чтобы не поежиться, и посмотрела на кровать.

Среди кристально белых подушек и одеял лежала лысая женщина. Пересохшие, потрескавшиеся губы, воспаленные глаза под тяжелыми веками, вокруг – синева. Она совсем иссохла, тело не угадывалось в одеялах. Наташа помнила эту женщину совсем другой – высокой, с Диму ростом, стройной блондинкой, очень подвижной, изящной, настоящей леди. А здесь, в этом убитом болезнью и смертью отделении интенсивной терапии лежала высохшая старуха, доживая отведенное ей время. Сколько ей осталось? Неделя? Месяц? Три?..

– Да, мам, я здесь, – сказал Виктор, наклонившись к матери.

Наташе стало не по себе. Она уже знала, что жена Димы практически всегда находится без сознания. И сейчас, в период ее пробуждения, она отнимает драгоценное время у сына. Наташа повернулась, чтобы уйти, но

услышала:

– Сынок, дай нам поговорить.

– Мама, ты слаба, – ответил Виктор. – Хочешь, я покормлю тебя?

– Нет, сынок, я хочу поговорить с ней. Оставь нас.

Виктор кивнул, поцеловал мать в щеку. Она легонько коснулась его и слабо-слабо улыбнулась, как будто мышцы на лице ее совсем не слушались. У Наташи разрывалось сердце от этой картины. Она и не думала, что Виктор так привязан к матери.

Конечно, она и не могла об этом думать – Виктора она видела тоже, наверное, во второй раз, максимум в третий. А с Димой о его семье они никогда не говорили.

Виктор вышел, серьезно посмотрев Наташе в глаза. Он остановился прямо за дверью. Его огромная фигура отлично просматривалась через матовое стекло больничной двери.

– Подслушивать будет, – сказала Наталья Николаевна. – Весь в меня. Здравствуй, Наташа.

– Здравствуй, – ответила Наташа.

– Садись, поговорим.

– Куда поставить цветы?

– Рановато ты их принесла, подруга, – ответила вдова Димы.

– Я не с этим подтекстом, я просто принесла цветы, чтобы хоть как-то порадовать... Мне хотелось, чтобы весна... Чтобы было приятно... Чтобы пахло свежими цветами...

– Да шучу я, шучу, знаю, что без задней мысли. Поставь куда-нибудь да садись скорее. Сил и вправду нет.

Наташа не нашла вазу, поэтому положила цветы на тумбочку, а рядом поставила коробку с апельсинами. И села в кресло.

Наталья Николаевна лежала с закрытыми глазами. Услышав, что гостя перестала копошиться, она заговорила все тем же сиплым, почти неслышным голосом:

– Вот надо же, как получилось... Говорить буду с закрытыми глазами. Ты даже не представляешь, Наташа, сколько сил отнимает держать эти пудовые веки открытыми.

– Хорошо-хорошо.

– Знаю, что было у него много баб, – продолжила вдова. – Но вот интересный момент. Любил он только нас с тобой. И обе мы Наташи! Меня, конечно, Дима любил сильнее. Но и ты в сердце ему запала. Когда у меня обнаружили эту тварь в голове, я сразу подумала о тебе. Вспомнила тебя. Помню его глаза. Влюблен он был, любил, до самой смерти тебя

любил. Думала, умру, а он тебе достанется. Ревела... Но потом успокаивалась. Я ведь тоже его любила и не хотела, чтобы он один остался после меня, чтобы до этих проституток опустился. Все про тебя узнала. И про сыночка твоего, Костика. Похожи, очень похожи. Ты приведи его ко мне, если не побоишься сыну показать умирающую старуху. Хочу на него посмотреть. Ты же тоже про меня все знаешь, знаешь ведь, что я всю жизнь Диме отдала. Его сына посмотреть хочу.

– Хорошо... – Наташа не знала, что сказать. Конечно, она бы предпочла, чтобы этой встречи не было, но ведь женщина умирает... Как отказать?

– Но ты мать, если считаешь, что не надо, значит, не надо. Я бы не хотела, чтобы Витюша смотрел на это все. Это ужасно, Наташа, ужасно. Выглядит лучше, чем я себя чувствую. Не знаю, за что мне это.

Она облизнула сухие губы таким же сухим языком. Наташа взяла стакан с водой и трубочку, дала Наталье Николаевне попить.

– Знаю, зачем ты пришла.

– Я пришла поговорить.

– Подожди, успеешь. Сначала выслушай меня. Во-первых, деньги. Мы с Димой никогда не говорили про Костю, но я знаю, что он открыл счет и для него. Не знаю, сколько там, но это все, что Косте от отца достанется. У нотариуса вместе с моим завещанием есть наказ выдать сумму, которая там лежит, тебе. Ты сама уж распорядись. Во-вторых, никто про вас не знает. У Димы было столько любовниц, что если про всех рассказать, позор будет страшный. Я знаю точно, всех нас оставят в покое, никого полоскать в прессе не будут, он ушел своим, нужным, уважаемым. Он ведь хорошим человеком был, Дима.

– Да, хорошим.

– А третье, Наташа, попрошу тебя кое о чем.

– О чем?

– Добейся, чтобы его убийцу нашли. Иначе не будет покоя нашим семьям. Что-то было там, в этих Дубаях... Что-то случилось. Дима приехал совсем другим человеком, и Вика тоже. Боюсь, как бы не быть еще одной беде.

– Но что я могу?..

– Ты не такие клубки разматывала, – проговорила Наталья Николаевна. – Ты умная, умнее меня. Ты найдешь способ отыскать правду. Не должна быть смерть Димы такой нелепой, такой незавершенной историей. Выясни, что там случилось, в Дубае. Ты ведь там была. Ты должна вспомнить. Должна найти. Должна! Это твой долг перед Димой,

перед Костей. Передо мной, в конце концов, ведь это мой муж.

Наталья Николаевна закашлялась. Наташа дала ей воды.

– Ты спросить хотела про что-то?

– Вы уже ответили. Про нас, про наши отношения и то, что будет с нами.

– Это ты меня на «вы» называешь? – Женщина заклокотала. Наташа кинулась к воде, но увидела, что Наталья Николаевна смеется. – А ведь я моложе тебя! Я на твой вопрос, значит, сама ответила. Так и знала, что ты придешь поговорить. Не ошиблась в тебе. Ты не одна из его баб, ты другая. Не держу на тебя зла, иди с миром. И Костика покажи, уж больно хочется.

* * *

Наташа вышла из палаты Натальи Николаевны со смешанным чувством. С одной стороны, она была рада состоявшемуся разговору, с другой, ей было бесконечно жаль эту несчастную, умирающую женщину. От бессилия и щемящей боли в груди она заплакала.

Бесшумной тенью в палату к матери прошмыгнул Виктор и быстро вышел оттуда, догнал Наташу и сказал:

– Совести у вас нет! Зачем вы явились?

– Виктор, я пришла поговорить с твоей мамой, и мы поговорили, – ответила Наташа, утирая слезы.

– Вы знаете, как себя ведут любовницы? Они не приходят к умирающей жене своего любовника, не расстраивают ее!

Наташа с трудом сдержалась, чтобы не ответить парню, куда ему следует идти со своими нравоучениями. Не стала говорить, что их ситуация не нова, что такое в жизни бывает сплошь и рядом и вины здесь, в общем-то, ничьей нет. Он все равно не поймет. Несмотря на свой молодой возраст, Виктор был вылитый отец – такой же большой, грузный, со сложным, но красивым лицом. И все его чувства, так же, как и у отца, были видны в глазах. В них стояла жгучая обида за мать. За такое не наказывают, не распинают и даже не ругают. Это святое.

– Виктор, твоя мама обо всем знала, – сказала Наташа и коснулась его плеча. – Мы взрослые люди, и мы обязаны признавать свои ошибки. Здесь нет виноватых, здесь есть только совесть и сделки с ней, все. Я не в ладах со своей совестью, поэтому и пришла. И только твоей маме решать, как мне жить дальше. Если для тебя важно, скажу: твой отец любил только твою маму, со мной у него любви не было. Это была очень хорошая иллюзия, я

не была той женщиной, которой принадлежало его сердце. Оно всегда было у твоей мамы.

Виктор смотрел на нее, широко раскрыв глаза. Обида в них все еще была, но Наташа увидела еще кое-что – страх. Он боится за маму, и это тоже святое. Она не смогла пройти мимо этого большого, нахохлившегося, но все же ребенка, и обняла его. Сначала слегка прикоснулась, а потом крепко-крепко, и поцеловала в щеку.

Виктор от такого тепла растаял. И заплакал, совсем как малыш. Содрогаясь плечами, он уткнулся Наташе в плечо.

– Знаю, знаю, это страшно, – сказала она тихо. – Но ты сильный, ты справишься. Ты нужен маме, нужен сильным и мужественным. Тебе нужно держаться, Витя, кроме тебя, просто некому...

* * *

– И что мы будем делать? – спросила Манюня обеспокоенно.

Наташа убрала остатки ужина в холодильник. Костик сегодня гулял с друзьями и, судя по всему, ужинать не собирался. Наташа давно перестала ругать сына за посещение ресторанов быстрой и губительной еды, стараясь не акцентировать внимание на негативе, а пытаться исправить ситуацию пряником. Она готовила вкусные и сытные блюда, от которых Костик никогда не отказывался. Если он ел в каком-нибудь кафе или хватал шаурму в палатке у метро, она его не ругала, а рассказывала, что собирается приготовить на завтрашний ужин, чтобы он знал, что дома его ждет еда вкуснее.

С Катюшей дела обстояли совсем просто. Озабоченная своим внешним видом, она питалась правильно, сбалансированно и даже матери умудрялась давать советы, как сделать блюда еще вкуснее и еще полезнее. Например, это именно Катюша предложила замену макаронам в виде натертых лентой кабачков. Если их правильно сварить – ровно три минуты, то от макарон не отличишь. Только вместо ненужных калорий одна польза. Еще бы пить прекратила и наркотики принимать.

Катюши дома нет уже третьи сутки, ее телефон не отвечает, в социальных сетях она не появляется. Наташа поставила оповещение на каждую страницу дочери – если она выложит хоть один пост, Наташа сразу же об этом узнает.

Она периодически просматривает активность дочери: смотрит, кому и когда она ставит лайки, какие комментарии пишет. Не для того, чтобы

снова влезть куда не следует, а просто для того, чтобы знать, что она жива-здорова и просто все еще дуется. А не лежит в канаве голая, изнасилованная и мертвая.

Катюша три дня ничего не «лайкает», не оставляет комментариев, и ее месторасположение не определяет даже фейсбук. То есть она залегла на дно.

Или лежит на дне в прямом смысле этого слова.

Наташа даже высказать эту мысль не могла – ей казалось, что если она опишет, как ее дочь лежит в грязной канаве, окружаемая ледяными водами какого-нибудь чистого ручья, это сразу же и случится. Но запах чистого леса с металлическими нотками крови стоял у нее в носу с тех пор, как Катюша ушла.

– Я думаю, что можно заявить в полицию, – сказала Наташа спокойно. – Я понимаю, что она обижена, но всему есть предел. Она знает, что я волнуюсь, и специально исчезла со всех радаров. Но вдруг что-то случилось? Мне кажется, я дала ей достаточно времени насладиться свободой и остыть.

– Согласна, – сказала Манюня. – Только ты забыла про кое-что.

– Про что опять я забыла?

– Не злись, – беззлобно ответила Манюня. – Но ты действительно забыла, что связь у Катюши может быть со мной.

Наташа задохнулась от возмущения.

– То есть? То есть ты серьезно сейчас, да?! Я схожу с ума от беспокойства, думаю, что она лежит в какой-то канаве изнасилованная, мертвая, а ты с ней переписываешься? И даже мне не сказала? Маша!

– Так, спокойно, – ответила Манюня и для пущего успокоения выставила вперед ладонь. – Я разве сказала, что я с ней переписываюсь? Нет. Я сказала, что если она не отвечает тебе, это не значит, что не ответит мне.

– Да она нигде не появляется! У нее везде в статусах указано последнее посещение двенадцатого марта!

– Наташа, ты просто наивная старая журналистка, – ответила Манюня. – Везде она есть, уже давным-давно существуют приложения, которые позволяют заходить в соцсеть так, чтобы система этого не видела и всем врала, что ты в последний раз была давным-давно. Как раз для таких случаев придумано.

– Напиши ей в таком случае немедленно!

– О'кей-о'кей!

Манюня начала что-то набирать на телефоне, а Наташа тем временем

открыла фейсбук и посмотрела – Катюша в последний раз была в сети 19.34, 12 марта.

– Ну вот, пожалуйста. Что-то печатает.

Наташа не поверила и посмотрела в Манюнин телефон. Действительно, напротив имени Катюши в чате фейсбука горел красный огонек, но она набирала ответ. Манюня написала ей: «Привет! Твоя маман меня достала – испереживалась вся! Скажи мне, что с тобой все в порядке, а ей можешь не отвечать!».

Через секунду Катюша выдала: «Манюнь, привет! Можешь передать маме, что со мной все хорошо. Я в раю, в прямом смысле этого слова! Отдыхаю на Мальдивах со своим мч. Вернусь скоро, но домой не планирую. Если тебя не убьет это, то не говори ей, где я, пусть привыкает жить в мире, где не она все контролирует!». Манюня кивнула с видом «А я говорила!» и ответила: «Не буду тебе врать, она все прочитала».

Катюша ответила: «За что я тебя люблю – так это за честность. Привезу тебе магнитик отсюда. Ты бы видела это море, этот песок...»

– Не море, а океан, – машинально поправила Наташа. – Индийский океан. Спроси у нее, когда она летит обратно.

Маша с трагическим видом кивнула и напечатала: «Мама интересуется, когда ты обратно. Если не хочешь, чтоб я написывала тебе каждый день, лучше скажи». Катюша ответила быстро: «17-го утром буду в Москве».

Наташа выдохнула. Опасений, конечно, не убавилось, но хотя бы что-то. Идеально было бы узнать, с кем она, где конкретно, и проверить – действительно ли все так, как говорит дочь. О пропавших деньгах Наташа совсем не думала. А смысл? Их уже нет, назад с дилеров долги не соберешь, вещи по их номинальной цене не продашь. Остается только махнуть рукой и выдрать космы Катюше, как только она явится домой.

Они с Манюней собирались укладываться спать, когда зазвонил телефон. Номер Наташе был незнаком.

– Наталья, здравствуйте, это Михаил, ассистент министра юстиции, – услышала она хорошо поставленный голос, который знала.

– Да, Михаил, добрый вечер.

– Я не знал, как вам позвонить... Вернее, конечно знал, и номер ваш у меня есть, и телефон пользоваться умею. Я просто не знаю, что делать со своими мыслями. Я не могу сказать это полиции, мне прежде нужно поговорить с вами.

– О чем?

– Вы были там, в Дубае. Вы должны помнить...

- Да, я помню ту поездку.
- Вот по этому поводу мне и нужно с вами поговорить. Меня вчера допрашивал следователь, неприятный тип... И он спрашивал о той поездке... С вами еще не говорил?
- Нет, а о чем ему со мной говорить?
- Я думаю, скоро он с вами свяжется. Мне кажется, я знаю, что случилось с Дмитрием... Я думаю, мне известно, кто его убил.
- Так сообщите следователю, Михаил! Вы просто не имеете права это скрывать!
- Ошибаетесь, Наталья, – ответил Михаил. – Если все так, как я думаю, то скрывать мне есть что.
- Но я здесь точно ни при чем, – ответила Наташа. – И крайне рекомендую вам связаться с полицией по этому поводу!
- Нет, я не могу. И вы не сможете. Поймете это, когда выслушаете меня.
- Михаил, это очень плохая идея...
- Вы знаете, каким человеком он был, – сказал Михаил. – И я точно знаю, что вам это известно как никому другому. Если то, о чем я думаю, правда, то вы должны помочь мне сохранить тайну Дмитрия и наказать его убийцу. Мне нужна помощь, но я не знаю, кому я еще могу доверять. А вам Шелехов доверял!
- Да с чего мне вам помогать?..
- Встречаемся завтра утром в кафе на Октябрьской кольцевой. Я отправлю вам координаты. В восемь утра, не опаздывайте, к девяти мне нужно быть в министерстве.

Макс, 15 марта года

Я знал, что эта встреча неизбежна. Рано или поздно мы все равно столкнулись бы – Москва слишком маленький город для двоих, у которых было общее прошлое. Едва я заканчивал дела, сразу либо возвращался в съемную квартиру, либо шел гулять туда, где был счастлив, либо на кладбище, к дочке.

Увидев меня, Алина быстро положила цветы на могилку и, кивнув мне, собралась уходить. Я сказал:

- Привет.
- Привет, Макс, – отозвалась она и остановилась. – Я знаю, ты против, чтобы я сюда приходила. Та женщина, которая ухаживает за могилкой, делает все добросовестно. Я часто приезжаю, здесь всегда чисто и всегда лежат свежие цветы.

– Я знаю, она отправляет мне фотоотчеты, – ответил я. – Не приходи сюда, Алина. Здесь ты не обрешь то, что ищешь. Ты должна оставить нас в прошлом и жить дальше.

– Но я не могу, Макс, – ответила Алина. – Не могу.

– Почему ты не можешь? Что тебя держит? Ты ведь не считаешь, что виновата в ее смерти, так в чем дело?

Я правда не мог понять, почему она никак не отвяжется от нас с дочкой. Она видит мое отношение к ней, она все понимает. Она знает, что я ненавижу ее всем сердцем, и все равно не оставляет нас.

Несмотря на то что моя Сонечка умерла в присутствии врачей в больнице от заболевания, сделали аутопсию. Я был не в состоянии выразить свое отношение к этой процедуре тогда, и слава богу. Иначе я получил бы еще больше боли, потому что без судебно-медицинского исследования не обошлось бы, и мое нежелание не имело никакого значения.

Результаты аутопсии полностью оправдали Алину: даже если бы она вовремя заметила симптомы, даже если бы обратилась к врачу, моя дочь все равно бы погибла от острого развития вирусной инфекции гриппа NH23, неизвестного до этого штамма, который накрыл Москву и европейскую часть России год назад. В тот сезон погибло больше ста детей, а множество взрослых, переболевших гриппом, стали инвалидами. Взрослые справились с вирусом, а дети – нет.

– Все это время я изучала этот вирус, – сказала Алина. – Он не дает мне покоя, Макс.

Зачем ей мое прощение? Это единственное, что держит ее.

Объективно Алина была не виновата – это признали и врачи, и следственные органы. При первых симптомах гриппа нужно делать все ровно так, как сделала Алина. Она что-то говорила, смотрела мне в глаза и держала за руку, но я был далеко...

Обычно мы болели не дольше трех-четырех дней. Сонечке достался мой иммунитет, поэтому, с болезнями вроде простых ОРВИ или ОРЗ мы справлялись быстро. Но этот вирус свалил мою малышку в один день!

Еще утром с Сонечкой все было в порядке, мы пили с ней вместе вчерашний лимонад, который даже в холодильнике не был, а стоял на столе! Где она умудрилась подхватить вирус? И в одиннадцать часов Алина мне позвонила обеспокоенная, сообщила, что у Сони поднялась температура до тридцати семи и девочка плохо себя чувствует, жалуется на головную боль и сильный озноб. Она сказала, что врача уже вызвала и он

вот-вот придет, я могу не переживать, все будет в порядке.

К вечеру ситуация не улучшилась.

– Стабильные тридцать семь и три, Соню знобит, кое-как покушали, – отчиталась Алина, надевая пальто. – Если ночью будет хуже, сразу же звоните врачу. У вас есть номер врача?

– Конечно, – ответил я. – Спасибо, Алина.

– Да не за что, – ответила она. – Перед сном напишите мне, пожалуйста, как состояние у Сони, ладно?

– Договорились.

Я закрыл за Алиной дверь и подошел к дочери. Сонечка лежала на кровати, закутавшись в одеяла. Она смотрела мультики, высунув один глаз, и хотя обычно Скуби Ду ее всегда веселил, сейчас из-под одеяла не раздавалось ни звука.

– Малышка, – тихонько позвал я, присев на край кровати. – Тебе что-нибудь принести? Вкусенького? Может быть, ты хочешь сока? Или шоколадку?

– Ничего не хочу, папочка, – ответила Сонечка слабым голоском. – Мне холодно.

– Знаю, малышка, знаю, давай измерим температуру?

– Алина мерила только что, триста семь и три, – ответила Сонечка. Она всегда была чрезвычайно серьезная девчушка, даже когда путалась.

– Тридцать семь и три, – поправил я. – Температуры триста семь и три у человека не бывает.

– Ну тридцать семь и три, все равно холодно, – ответила дочь. – Я пытаюсь согреться, но не могу.

Врач строго-настрого запретил сильные жаропонижающие таблетки, поскольку они не сбивали температуру, а только давали какие-то осложнения. Алина расписала прием лекарств на листочке, который прикрепила к холодильнику, на холодильнике стояли баночки с препаратами. Я посмотрел в список, следующий прием таблеток только в девять вечера. Повезло мне, конечно, с Алиной – не няня, а мечта. Учится в педагогическом университете, умная, смышленная, любит детей, не курит, не пьет, упаси боже; денег много не просит.

Обычно в будние дни я утром увожу Сонечку в садик, а забирает ее Алина и дожидается меня дома. Как правило, позже девяти вечера домой я не возвращаюсь, но бывают исключения. Все зависит от того, когда главный редактор даст отмашку, что номер пошел в печать и срочной работы сегодня уже не будет. Но это только с понедельника по среду, а в четверг и пятницу я работаю на телевидении, готовлю экономические

обзоры для итоговых пятничных выпусков «Новостей экономики». По четвергам, и особенно пятницам, я могу приехать очень поздно, бывает, даже после полуночи, поэтому последние два дня на рабочей неделе я езжу на машине, тогда как первые три – на метро. И Алина, золотой человек, всегда дождется меня и топает в ночь домой, хотя я неоднократно предлагал ей остаться и спать в большой комнате. Но Алина всегда уезжает домой, в общежитие. Не знаю, может быть, она думает, что я буду приставать к ней, или боится испортить отношения еще каким-то образом... Но это просто невозможно, ведь я фригиден как валенок.

В моей голове столько материалов и столько всевозможных дел, что до мужских потребностей последние года два не доходило ни разу, хотя я делал попытки: устраивал свидания, приглашал к себе домой дам (когда Соня пребывала у матери), но до секса дело не доходило. Мне становилось невообразимо скучно, я сворачивал беседу и провожал даму домой.

Короче, Алине ничего не угрожает, но она об этом не знает, и я для нее потенциальная опасность в ночи. Ну и пусть. Хотя меня сильно беспокоит, что она ночами шарится до метро и от метро (хотя ей ехать всего две станции, до Рязанского проспекта), но малышка обычно уже спит к тому времени, как я приезжаю, и у меня нет возможности отвезти Алину домой. Нет, когда я приезжаю после полуночи, я вызываю такси и оплачиваю Алине машину, хотя она всегда отказывается. Но тут уж я кремень.

Мать Сони, моя бывшая жена Мария, никакого интереса к Сонечке не проявляет. Меня это злит и даже бесит, но насильно заставить полюбить нашу малышку я не могу. Мария ушла от нас, когда Сонечке было два годика. Она сказала, что жизнь с вечно плачущим ребенком не для нее. Но Соня никогда не была занозой в заднице, если вы понимаете, о чем я. Малышка совсем не капризничает, а ее скандалы первые два года – абсолютно нормальное явление любознательного ребенка, и я бы больше переживал, если бы Соня не проявляла столько детского интереса и не была активной. Нет, с малышкой все в порядке, не в порядке с головой у ее мамы.

И как только меня угораздило жениться на Марии? Я не знаю. Списывать на молодость не стану, от этого брака я получил самое важное в своей жизни – Соню, а дальше мы как-нибудь справимся. И для меня, и для Сони два дня в месяц, которые она проводит с матерью, – сущая пытка. Если бы не Наталья Степановна, мама Марии, я бы не отдал Соню, но бабушка любит внучку, и я знаю, что с бывшей тещей малышка под присмотром. Последний раз, когда Соня была в гостях у бабушки и мамы, с

Марией они увиделись лишь один раз – когда Мария прикатила на своей новой машине и отвезла дочь домой, а сама укатила на какое-то суперважное мероприятие, где провисела до понедельника. И Соню из Балашихи рано утром забирал я сам. Короче, Мария – это горе-мать.

Мои родители живут в Хабаровске, откуда я родом. Мама периодически приезжает в гости, а вот отец совсем не может, слаб здоровьем и боится не выдержать перелет. Я все обещаю навеститься на родной Дальний Восток, но никак не могу выкроить ни время, ни деньги. Этих чертовых денег вечно ни на что не хватает, хотя я хорошо зарабатываю. Но и трачу тоже хорошо – ипотека, кредит за машину, который, к счастью, я уже выплатил, стало немного полегче. Но из 96 тысяч рублей 50 тысяч уходит на оплату ипотеки, около пяти – на коммунальные услуги и услуги связи, а остальное – на оплату услуг няни (15 тысяч рублей в месяц, я говорю, Алина – подарок!), бензин, детский сад, жизнь. От Марии я получаю какие-то алименты, но они идут на счет вклада Сонечке, и я не снимал оттуда ни рубля и даже не знаю, сколько там накопало за два года, пока мы в разводе с этой дамой.

Малышка уснула, но мне пришлось разбудить ее, чтобы накормить таблетками, приняв лекарство, она вновь практически мгновенно уснула. Я надел пижаму и лег рядом, вдохнул ее запах. Сонечка была горячая, такая родная и любимая. Я не понимаю, как можно не любить ее? Мне кажется, все люди на планете должны любить мою малышку, и уж тем более ее собственная мать.

Спи, малышка, папа рядом...

– Макс! Ты меня слышишь?

Я потряс головой. Тот последний вечер с Сонечкой так явственно, так ярко загорелся в моей голове, что даже затмил реальность. Промозглый вечер четверга, свет фонаря, сугробы снега с подсохшей коркой, улыбающаяся Соня с фотографии на памятнике. Когда прихожу к Соне, я всегда вспоминаю тот вечер. Самый последний вечер в Сониной жизни, когда я был очень обеспокоенный, но все еще живой и счастливый отец.

– Да, я тебя слышу, Алина, – ответил я. – Но не понимаю, о чем ты говоришь.

– Прости меня, Макс, прости.

– Алина, уже поздно и холодно. Возвращайся домой. И перестань сюда ходить, перестань просить у меня прощения. Ты ведь знаешь, что ты не виновата. И я тебе это говорил. Теперь прошу тебя: уйди, оставь нас уже в прошлом.

Алина заплакала, отпустила мои ладони и ушла куда-то в темноту. Еще некоторое время я слышал ее удаляющиеся всхлипы, а потом все стихло.

Когда я ехал на метро домой, в голове пульсировала какая-то мысль, никак не связанная с моим текущим делом. Я не мог сосредоточиться и выловить ее, чтобы поднести к свету и внимательно разглядеть. Что-то билось на самой поверхности, но ускользало.

И только когда я вышел из подземки и быстрым шагом пошел до съемной квартиры, понял.

Почему Алина сказала, что тот вирус, убивший мою Сонечку, не дает ей покоя?

Дома я принял душ, приготовил себе поесть. В Америке я приучил себя есть трижды в день: завтрак, обед и ужин. Ужинаю я обычно чем-то мясным с овощами, что легко в приготовлении и всегда можно найти в холодильнике. На этот раз в кастрюлю отправилась куриная грудка, пока она варилась, я нарезал толстый помидор и пару огурчиков, заправил салат оливковым маслом. Когда грудка сварилась, я ее покрошил и бросил в салат. Вот и ужин.

Информации в Интернете по поводу вируса NH23 практически не было, но мне удалось найти сайт крупной российской фармацевтической компании, которая продает на территории России индийский препарат «Формуцик», в показаниях к применению которого этот штамм вируса описан.

Про «Формуцик» я знаю. Уже после похорон я разговаривал со следователем, и он сказал, что в Москву завезли первую партию «Формуцика», который хоть и не предназначен для лечения этого штамма гриппа, но лечит его успешно у пациентов всех возрастов. Завезли его слишком поздно.

В рунете информации про клинические исследования «Формуцика» отсутствовали, но это не показатель. В рунете вообще мало необходимой информации, зато очень много самого разного дерьма, вроде сайтов с пиратскими фильмами, глянцевого журналов и просто тонны глупых шуток и картинок. А вот на английском языке я нашел несколько статей, правда, совсем коротких, но содержательных.

Препарат «Формуцик» индийского концерна NH вовсе не предназначен для лечения гриппа, его изобретали как средство для лечения венерических заболеваний, однако своевременные действия российских властей позволили гражданам спастись: в России «Формуцик» поступил в продажу, минуя клинические исследования. Препарат сейчас находится на соответствующем оформлении, но Министерство здравоохранения

выдало разрешение на временную продажу препарата до конца года.

Честно сказать, я совершенно не являюсь специалистом в фармакологии, а уж тем более не понимаю составляющих фармацевтического бизнеса. И поэтому мне непонятно: если существуют определенные правила введения лекарственного препарата, то почему Минздрав разрешил продажу «Формуцика» без клинических исследований? Судя по всему, клинические исследования – обязательный элемент лицензирования препарата. Или нет?

Для того чтобы это понять, мне потребовалось несколько часов на изучение нормативной базы. Это только кажется, что для получения информации обязательно нужны консультанты, долгие годы исследований и прочее. На самом деле все просто: читайте законы.

Итак, в России с 2003 года существуют правила, которые регулируют проведение клинических исследований, точно такие же, что и в США, и Европе. Только проведенные за границей исследования хоть и не опровергаются российским Минздравом, но не дают право на регистрацию препарата.

То есть проведения клинических исследований на территории России не избежать. После следуют всевозможные экспертизы качества препарата, и только после этого Министерство здравоохранения выдает свидетельство о регистрации, которое позволяет лекарству выйти на рынок.

Отлично, с этим разобрались. А что дальше?

Как «Формуцику» удалось пробраться на рынок, минуя клинические исследования? Я прошерстил уйму интернет-ресурсов, среди которых нашел несколько сайтов аккредитованных компаний, проводящих клинические исследования лекарств в России. Они также оказывают услуги по регистрации. У них на сайте написано, что в среднем регистрация лекарственного средства занимает восемнадцать месяцев, двенадцать из которых приходится на клинические исследования. Стоимость регистрации выходит примерно 3 миллиона рублей за один препарат. Не так много.

Но... Даже если предположить, что ранее в России был зарегистрирован аналог «Формуцика», то зарегистрировать его бы не успели, и вот почему.

«Нулевой» пациент был зарегистрирован за неделю до того, как заболела Сонечка. А первые продажи «Формуцика» начались спустя неделю после смерти Сони. То есть две недели. Конечно, при условии, что «Формуцик» не заявился раньше со всеми регистрационными документами. Я попробовал найти такую информацию, но для этого требуется регистрация в личном кабинете на сайте Росздравнадзора.

Видимо, эта информация недоступна для обычных граждан.

Но не для журналистов!

Я написал письмо своему коллеге Стивену Уоткерсу, который занимается добычей таких вот сведений, используя ресурсы, доступ к которым имеют только узкие специалисты. Стивен прислал результаты запроса через полчаса – я даже не успел занести все найденные сведения в блокнот, чтобы ничего не упустить.

«Формуцик» регистрирует компания «Фармбест», официальный дистрибьютор лаборатории NH, которая самостоятельно свои лекарства в аптеки не продает. Конечно, для того, чтобы самостоятельно заниматься дистрибуцией продукции, необходимо иметь не только склады во всех странах мира, но еще и логистический ресурс – транспорт! А еще это огромный штат оптовых продавцов, логистов, офисных и складских работников... Это совершенно другой бизнес.

На часах было почти семь утра. Деловой звонок можно сделать только через полтора часа, в половине девятого. Но, может быть, Викуля уже не спит? Я написал ей сообщение, а сам отправился в душ. Когда я с повязанным вокруг бедер полотенцем вышел из ванной, мой телефон разрывался. Викуля не просто позвонила мне пять раз, она написала дюжину сообщений, последнее из которых было: «Ты же знаешь, что я не люблю, когда меня спрашивают, могу ли я сейчас говорить, а потом трубку не берут?!». Я улыбнулся: Викуля в своем репертуаре.

– Доброе утро, – промурлыкала она, ответив после первого гудка.

– Еще так рано, а ты не спишь?

– Я деловая девушка, а деловые девушки не спят до двенадцати, – ответила Викуля. – А ты чего так рано? Уже освоился в часовых поясах?

– Конечно, я же давно в Москве! У меня к тебе деловой запрос.

– Внимательно слушаю.

– Мне нужно узнать, через кого в России работает «Фармбест», крупный дистрибьютор иностранных лекарств. Можешь выяснить?

– Могу, и это будет бесплатно. А вот связать тебя с ней я не смогу. Не мой уровень совершенно.

– То есть ты знаешь?

– Знаю. Лаура Висконт. Фармацевты и сотовые операторы – ее стихия. У нее все соответствующие министерские яйца в кулаке. Как ты понимаешь, птица не нашего с тобой полета.

– Что, совсем туго с ней?

– Она в розыске почти везде, и так было всегда. Но она свободно перемещается и по Москве, и по Лондону. В общем, борзая бабенка, с

кучей денег и стальными нервами.

– И как мне к ней подобраться?

– А зачем?

– Мне нужно понять, как она организовала продажу лекарства от гриппа NH23 без регистрации в России.

Викуля ненадолго замолчала.

– Викуля? Алло?

– Это из-за твоей дочери? – спросила она.

– Да.

– Так ты за этим приехал? Пытаешься найти кого-то и в чем-то обвинить?

– Нет. Я просто хочу понять.

– Макс, твоя Сонечка была просто потрясающей девчушкой. Она была лучиком солнца не только для тебя. Для всех нас. Я ее очень любила, я вспоминаю ее и хожу на кладбище, кладу цветочки. Та женщина, которую ты нанял, делает все на совесть: там всегда чисто. И мы часто там видимся с Алиной. Это горе, это ужасное горе, мой дорогой Макс! Но прошу тебя, оставь это в прошлом. Висконт и ее дела опасны, ты можешь пострадать. Уже ничего не исправить, уже никого не спасти...

От Викулиных слов у меня пережало горло.

– Нет, Викуля, – просипел я, откашлялся и сказал уже нормальным голосом: – Там что-то было, неспроста все это. И я во всем разберусь. Ничего в прошлом я оставлять не буду. Я должен был раньше все это сделать, но не сделал. Зато сейчас у меня есть и время, и силы.

– Я не стану тебе помогать забираться в могилу.

– И не надо. Хорошего тебе дня.

– Макс, постой...

Но я не стал дослушивать и просто положил трубку.

Да, Сонечки больше нет. Но это не значит, что ее не нужно защищать.

Ее и всех остальных, кто может пострадать.

Игорь, 16 марта года

«Как же я ненавижу это все, – думал Игорь, глядя на длинную очередь из приехавших вместе с ним туристов у окошка паспортного контроля. – Неужели нельзя сделать это автоматическим? Чтобы было удобно, легко и быстро? Да, есть террористы, есть чертова туча эмигрантов, которые используют поддельные паспорта. Но технологии скажут вперед с невероятной скоростью, так почему нельзя сделать так, чтобы не только человеческий интеллект улавливал обман? Почему компьютеры все еще

этому не научили? И потом, в самолете туча времени, которое тратится впустую. Нужно сажать на рейс всех этих таможенников, чтобы они все делали в полете, экономили время и себе, и людям!»

В самолете у Игоря разболелась голова. А таблеток он с собой не взял никаких – собирался впопыхах. Отец Марины все еще был в критическом состоянии, Игорь чувствовал себя виноватым за то, что не может быть рядом с Мариной в такие минуты. Мама Игоря была просто на разрыв – помимо работы по дому, нужно было помогать Марине с Кристей, с ее отцом. Откуда в матери столько сил и терпения, Игорь не представлял. Отец Игоря на воздухе стал чувствовать себя лучше, ходил по участку, что-то приколачивал, что-то мел и даже что-то высаживал. Игорь собирался предложить ему вместе достроить беседку и чувствовал, что отец не откажет. Хоть они и общались все еще напряженно, но отец оттаивал. Если раньше он даже из комнаты своей не выходил, когда Игорь был дома, то теперь они вместе завтракают, а вечерами вдвоем сидят на террасе, каждый думая о своем. Сейчас, когда Игорь живет совершенно не так, как жил долгие годы, родители перестали быть для него обузой. Ему хотелось, чтобы у Кристи были бабушка с дедушкой, как у нормальных детей. Ему хотелось, чтобы семья была рядом.

Утомительная процедура подошла к концу, Игорь вышел из здания аэропорта Хитроу и сел в такси. У него было всего семь часов до самолета обратно, и за это время предстояло встретиться с Викторией, а еще кое-что купить для Марины. Под «кое-чем» подразумевался длинный список в телефоне с подробными инструкциями, что и где купить.

Он позвонил Виктории, сообщил, что прибыл в Лондон. Договорились встретиться в центре, в Starbucks у начала Тауэрского моста на стороне Уайтчепел. Кафе располагалось в здании отеля, и Игорь в нем был всего раз, зато прекрасно знал его адрес – St Katharine's Way, St Katharine's & Wapping, London E1W 1LD.

Виктория опоздала на сорок минут, которые для Игоря были драгоценными. Он внимательно изучил список покупок от жены и понял, что все купить просто не успеет. Путем наложения необходимых адресов магазинов на карту выяснил, что только на дорогу ему потребуется три часа. Он написал Марине сообщение: «Если предположить, что я не успею купить все, что из списка можно исключить?» и получил ответ: «Ничего». Вот ведь задача!

Виктория была совсем не похожа на брата. Тонкая, миниатюрная, изящная и стильно одетая девушка в больших солнцезащитных очках, легкой белой ветровке и с крохотным рюкзачком на плече присела к нему за

столлик.

– Добрый день, вы – Игорь?

– Да.

– Я Виктория, у нас с вами встреча.

– Здравствуйте, – сказал Игорь и спрятал телефон. – Для начала мне нужны ваши документы, чтобы удостовериться в вашей личности.

Виктория подала ему свой паспорт – российский.

– Вы здесь по учебной визе?

– Конечно, иначе учиться просто нельзя. Депортируют сразу.

– Понятно. Скажите, почему вы не приехали на похороны отца?

– Мы не были настолько близки, чтобы ради этого прерывать учебный процесс.

– Тут лететь пару часов. А это отец.

– Еще раз повторяю, что мы не были столь близки. В последнее время мы даже не созванивались с ним. Разве что переписывались по почте да в мессенджере.

– У вас всегда такие отношения были?

– Какие – такие?

– Как будто вы знакомые, а не отец с дочерью.

Виктория изогнула бровь.

– С чего вы взяли, что ваше понимание семейных отношений единственно верное? Если мы не подтираем сопли друг другу, это не значит, что мы не семья.

– Виктория, не пытайтесь меня убедить, что в ваших отношениях все было в норме. Даже просто знакомых людей провожают в последний путь. Что не так с вашим отцом было? Он вас чем-то обидел?

Виктория молчала. Это молчание длилось ровно столько, сколько было нужно молодой девушке, чтобы сдаться в бесплодных попытках справиться со своими эмоциями. На ее глазах навернулись слезы, она начала кусать губы с внутренней стороны. Игорь тактично молчал.

– Отец не любил маму, – сказала она наконец. – Он ей изменял, даже когда мама была здорова. Он трахал все, что движется. Особенно в последнее время. У него было целых три любовницы, понимаете? Как такое может быть?

– Но сексуальная жизнь отца вовсе не ваше дело. Хотя это может быть обидно. Вы говорите «в последнее время», но ведь в последнее время вы не общаетесь.

– Я имела в виду, до моего отъезда в Лондон. Я поэтому сюда и уехала, чтобы не видеть то, что вытворял отец. Мама просто молча терпела, тихо

плакала в ванной, думала, что никто это не замечает. А мы все слышали, мы все понимали. Я и Витя. Но что мы могли сделать? Отец пропадал вечерами, потом совсем потерял совесть и не приезжал домой ночевать. От него за версту несло чужими духами, он даже иногда приезжал не в той одежде, в которой уезжал. Я скандалила, нервничала, но что я могла изменить, когда мама только молчала и терпела? Ничего.

– Это все ваши претензии к отцу? Что он не слушался вас, когда вы считали, что только ваше понимание брака и сексуальных отношений верное?

– Вы не понимаете! Он ее не любил! Он вообще никого не любил. Ни меня, ни Витю, никого!

– Я вас понял. А в чем проявлялась его нелюбовь к вам? Он к вам приставал?

Вика округлила глаза и замахала руками:

– Что вы! Нет-нет-нет, я не это имела в виду! Нет! Отец никогда ко мне не прикасался... как мужчина. Нет, это ужасно! Как вам в голову пришло?!

Игорь пожал плечами. Что же тут странного? Это весьма распространенная ситуация, даже термин специальный есть: «инцест». Но он не стал развивать эту тему, а еще раз уточнил, в чем проявлялась нелюбовь отца к дочери.

– Ему было плевать на нас. На меня, на Витю, на маму... Он вообще не способен любить. Витя спал с его любовницей, и отцу было на это плевать. Как было плевать на чувства мамы. Когда она заболела, он не то чтобы помогать, даже про ее состояние спрашивал не всегда.

– Вы все время говорите про Виктора и вашу маму. А чем конкретно вас отец задел? Что сделал не так? Или чего не сделал, а должен был?

Так, вот оно. Игорь разозлился на себя. Есть золотое правило: не задавай больше одного вопроса! Как теперь понять, на какой вопрос Вика среагировала? В какой момент он переступил порог дозволенного и спросил о том, что она хотела бы скрыть? Она уже сказала, что отец ее не домогался. Значит, «что-то сделал» можно отбросить, но весьма условно. Сделать больно можно не только домогательствами. Чем-то обидел? Или что-то не сделал?

– Пока вы думаете, сказать мне или не сказать, я сообщу вам вот что. Несмотря на то что я пошел у вас на поводу и приехал в Лондон, я являюсь представителем органа власти. И в настоящий момент мы не просто пьем с вами кофе, я веду расследование убийства чиновника высокого уровня, и все лица, к которым я обращаюсь с вопросами, обязаны в силу закона предоставлять мне информацию. Это не моя прихоть, это закон.

Умалчивание фактов и обстоятельств, о которых я должен знать, влечет уголовную ответственность. Вы вправе не свидетельствовать против себя и своих близких, однако я и не прошу этого делать. Вы явно что-то собираетесь мне рассказать, но не можете решиться. Возможно, вы пытаетесь утаить информацию, которая может быть важной.

Она снова кивнула. Слезы капали огромными бусинками, разбивались о столешницу. Виктория ловила их, пытаясь справиться с собой, но слез было слишком много. Игорь дал ей платок и сказал:

– Все, что вы рассказываете мне, останется между нами – тайна следствия. Я не буду вводить вас в заблуждение, гарантируя, что не расскажу никому. Я поделюсь с коллегами, и об этом узнает прокуратура. Но все равно, это не публичная информация.

Виктория промокнула лицо, аккуратно промокнула слезы вокруг глаз и тихо сказала:

– Он меня не защитил.

Глава пятая

Наташа, 16 марта

Место для встречи Михаил выбрал идеально. В кафе не было вообще никого, кроме скучающего официанта. Завидев единственного гостя, официант кинулся к Наташе как к родной.

– Доброе утро! Позавтракать зашли?

– Доброе утро, – ответила Наташа. – Я хочу выпить кофе. У меня здесь встреча.

– Присаживайтесь за любой столик, я сейчас принесу меню.

– Не нужно меню, мне двойной американо, спасибо!

Наташа заняла столик возле окна. На часах было 07.54. Ночью она почти не спала, терзалась переживаниями за Катюшу, хоть и знала, где сейчас ее дочь. Наташа пыталась себя успокоить тем, что своего спутника дочь назвала «молодым человеком», что, по мнению Наташи, должно давать хоть какую-то гарантию наличия отношений и уважения. Хотя этим загадочным «мч» вполне может быть Рустам. Тогда ничего хорошего от этой поездки ожидать не стоит.

Еще Наташа переживала по поводу встречи с Михаилом. Когда Дима был жив, ей не раз приходилось работать с Мишей, и его вчерашние слова «некому больше доверять» не выходили у нее из головы. Но ведь Миша презирал ее! Считал одной из многочисленных любовниц министра, считал чуть ли не павшей женщиной и даже не пытался это скрыть. Что же заставило его обратиться именно к ней?

Официант принес кофе, Наташа сразу с ним расплатилась и дала пятьдесят рублей на чай. Колокольчик у двери звякнул, и в кафе вошел Миша.

– Доброе утро, Наталья, спасибо, что пришли.

– Доброе утро, – ответила Наташа.

Пока он делал заказ – яичница с беконом и черный кофе, Наташа наблюдала за ним, пыталась не раскрыть своего удивления. Молодой человек в мятой рубашке и с трехдневной щетиной не выглядел как работник министерства, где все покрыты лоском и блеском с утра и до самого вечера. А еще Миша выглядел уставшим: красные белки глаз, опущенные уголки губ и весь какой-то сникший, как будто всю ночь разгружал вагоны, причем в этой самой одежде. От него пахло немытым телом, усталостью и дымом сигарет.

– Прошу прощения за мой внешний вид, – сказал Миша, когда официант удалился, – у нас проходит внеочередная проверка, аудит, и спущено десятка два распоряжений. Работаем круглосуточно. Но я после нашей с вами встречи все же собираюсь показаться дома, чтобы принять душ и переодеться.

– С чем связан такой аврал? – поинтересовалась Наташа.

– С проверкой деятельности министерства, – ответил Миша. – Дмитрий не успел подготовить отчет и сдать его. Черновики отчетов готовы, безусловно. Но их версий двадцать, если не больше. Имею в виду финальные версии, с разными развитиями событий. Но ни один из них министром не подписан, а значит, вся информация должна быть перепроверена его исполняющим обязанности. Новый министр желает получить министерство с точной переписью состояния дел на дату приема. Вот и работаем.

– Сочувствую.

– Не стоит, это работа, какой бы она ни была.

– Проблемы будут?

– У вас? Или у меня?

– У меня могут быть проблемы?

– Возможно, но это не предмет нашей встречи.

– И все же, если дело касается меня...

Миша прервал ее:

– Вам ведь известно, каким человеком был Дмитрий. Его не станут подставлять. О вашем тесном сотрудничестве никакой информации не будет, но прокуратура и ФСБ обязательно проверят причастность вашего агентства к распространению информации. И мне ли вам говорить, что вдумчивый анализ ваших материалов ясно покажет, что к вам информация поступала намного раньше, чем в остальные СМИ. Я не знаю, насколько тут криминальная ситуация, это вам виднее.

Наташа кивнула. Да, об этом она думала. Несмотря на то что ее материалы никогда не выходили из печати до официального пресс-релиза, в ее статьях всегда был подробный анализ ситуации и столько оперативно собранных авторитетных мнений по тому или иному информационному поводу, что становится понятно: так быстро подобный материал можно собрать, только если получить инфоповод напрямую из министерства намного раньше выпуска пресс-релиза.

На этот случай у Наташи есть план-график каждой статьи, куда подшивается аналитическая справка экспертов. В этой справке указано несколько сценариев развития ситуации и подготовлен тот или материал,

собраны разные мнения. Да, эти документы изготовлены уже после публикации, но это уже детали.

– Хорошо, я сама с этим разберусь, – ответила Наташа. – Давайте ближе к предмету нашей встречи.

Миша рассчитался с официантом и в один миг проглотил завтрак. Он так аппетитно ел, что Наташе тоже захотелось яичницу, но она позавтракала дома овсяной кашей и никаких гастрономических развратов допустить не могла.

Официант забрал пустую тарелку. Горячая еда не расслабила Михаила, он все так же был напряжен.

– Вы помните ту поездку в Дубаи?

– В январе две тысячи четырнадцатого года? Да, помню.

– Нас интересует последний день, – сказал Миша и внимательно посмотрел Наташе в глаза. – Вернее, ночь и утро. Что вы помните?

– Я в тот вечер позволила себе лишнего, помню сильное опьянение вечером и очень сильное похмелье утром. И Дмитрий вич, похоже, перебрал так же, потому что выглядел он хуже меня. Помню вас, вы были как будто тоже больны похмельным синдромом, однако я знаю, что вы не пьете вообще.

– Верно, я не пью.

– Это, пожалуй, все, что я помню.

– И ничего необычного?

Не без труда Наташа вспомнила, что когда у нее разыгралась мигрень, она пошла искать лед и на лестнице наткнулась на двух мужчин, которые тащили чемодан вниз. Тогда ей было так плохо, что она тут же выбросила этот эпизод из головы. А сейчас подумала, что это было немного странно. Во-первых, чемоданы никто не таскает по территории отеля, вещи просто оставляют у выхода, откуда их забирают сотрудники отеля и доставляют к автобусу. Во-вторых, зачем переть чемодан шестнадцать (или сколько там было?) этажей вниз, когда можно воспользоваться лифтом? А если лифт не работал, почему бы не вызвать сотрудников отеля через ресепшн?

– Чемодан, – сказала она. – Я видела, как двое мужчин тащили по лестнице огромный чемодан.

– Вы помните этих мужчин?

– Нет, у меня сильно болела голова, я не разглядела их. Хотя они были близко.

– Значит, двое мужчин азиатского типа тащили синий чемодан вниз...

– С чего вы взяли, что это были азиаты? Нет, обычные европейцы. И чемодан не синий, а темно-коричневый, стилизован под змеиную кожу.

Миша скупно улыбнулся. Наташа охнула – надо же как! А ведь она была уверена, что не помнит вообще ничего.

– Чемодан был обмотан пленкой? Ну такой, которой обычно обматывают чемоданы, прежде чем сдать в багаж?

– Нет, никакой пленки не было.

– Давайте вернемся к мужчинам. Это были невысокие худощавые парни в джинсах и футболках?

– Нет, наоборот, высокие, мощные парни в черных костюмах.

– Я почти уверен, что это были эти люди.

Миша показал Наташе на мобильной фотографии двух мужчин. Наташа всмотрелась в лица. Один с короткой военной стрижкой, белобрысый, в возрасте за пятьдесят, с большим носом и сухими потрескавшимися губами, типичный вояка в отставке. Второй значительно моложе, лет тридцати, с ярко-зелеными глазами без признаков интеллекта, брюнет, с сильно выдающимся подбородком. Она их где-то раньше видела. Вот только где?

– Я не уверена. Кто это?

– Тот, что моложе, – Денис Солодовников, второй – Олег Пивоваров. Это охранники министра, бывшие охранники. Денис уволился спустя месяц после поездки в Дубай, его коллеги говорят, что он устроился в нефтяную компанию охранять одного из вице-президентов и уехал на Байкал. Но мне не удалось его найти. А Пивоваров в прошлом году застрелился у себя на даче во время отпуска. Теперь вы понимаете, что дело плохо?

– Нет, – честно ответила Наташа, – не понимаю.

– Действительно не понимаете! Позвольте, я расскажу вам события той ночи, чтобы вы наконец-то поняли. Я не знаю, по какой причине я оказался в Дубае. Министр должен был посетить выставку, но никаких важных процессов в ходе этой поездки не планировалось, а значит, я, ассистент министра, мог спокойно остаться в Москве и решать куда более важные дела, чем сидеть там среди пьяной политической и медийной богемы. Но я был там...

Миша, 10 января 2014 года

Нажравшиеся люди одинаковы везде – что в родной деревне Миши, что в Москве в модном ночном клубе только для людей высшего сорта, что здесь, на закрытой вечеринке в Эмиратах. И ведь даже пить нельзя в этой стране, но все равно все надрались.

Миша отправил сообщение своей девушке, которая ждала его в

Москве. Они встречались уже год, и совсем недавно Маша переехала к нему. Маша была очень хорошей девушкой, положительной во всех отношениях. И у нее не было никаких корыстных мотивов, она искренне любила Мишу.

Сам же Миша даже себе в глубине души не признавался, что не испытывает к Маше каких-то сильных чувств. Она была просто хорошим другом, страстной в постели и очень удобной. Она не вызывала у него приступов ревности, как его бывшая Алина, не требовала доказательств любви, выраженных в дорогих подарках, не заставляла его смущаться от того, что его пальцы похожи на женские, а член мог быть и побольше, не критиковала его внешний вид и совсем-совсем не выносила мозги в особые женские периоды. Она убиралась в их теперь уже совместной квартире, готовила, поддерживала уют и всегда знала, как они будут развлекаться вечером – выбирала фильмы, которые нравились им обоим, планировала прогулки на велосипеде или роликах... В общем, с ней было настолько хорошо, что Миша был готов немного солгать и заставить Машу чувствовать себя любимой. А больше ей было и не нужно.

– Ну а что ты хотел? – раздался очень знакомый, не совсем трезвый голос рядом. – Это и есть министерская работа, бывать на таких мероприятиях, созерцать всех этих людей и делать вид, что тебе весело.

Миша терпеть не мог Олега. Больше всего на свете он хотел, чтобы Шелехов уволил своего советника, отправил его в ссылку и там похоронил где-нибудь. Ну до чего противный мужик! Надоедливый, мерзкий, неприятный... Брр-р! И Олег Иванович Мороженков был аналогичного мнения о Мише, только не пытался это скрыть.

– Миша, ну чего ты так откровенно демонстрируешь свою неприязнь? – спросил он. – Что я тебе плохого сделал? Ты ведь не метишь на мое место, тебе на нем делать нечего. Ты же знаешь, чем я занимаюсь, и никто другой на моем месте по-другому мою работу выполнять не сможет. Даже ты. А я не мечтаю на твое место, потому что у меня врожденная безграмотность.

– Я не демонстрирую свою неприязнь, Олег Иванович, – ответил Миша. – Мне просто неприятно находиться в обществе пьяного человека.

– Ну тогда вон из политики, – заржал Мороженков, расплескивая коктейль из высокого стакана.

Миша нахмурился, встал с дивана и ушел, оставив советника в одиночестве помирать со смеху от своей остроумной шутки. Неправда, не все политики упиваются до поросычьего визга, полагая, что это единственный способ времяпрепровождения. Только такие свиньи, как

Мороженков.

А министр-то опрокинул не один стаканчик... Миша заметил большую грузную фигуру Шелехова возле туалета. Он стоял, преграждая путь, и что-то тихо, с улыбкой пытался объяснить иностранному журналисту. Миша поспешил на помощь боссу.

– О, Миша, где ты был? Мне нужна твоя помощь: объясни, пожалуйста, этому господину, что в туалет сейчас нельзя, там дама делает свои дамские дела, а меня поставила сторожить.

Миша объяснил, журналист проникся пониманием. Ну конечно, ему было непонятно, отчего министр российской юстиции запрещает ему пройти в туалет, когда ему так надо. Он уже думал, что нашел повод для статьи и политического скандала, а оказывается, дело-то житейское. И действительно, вскоре из туалета показалась Наташа Добронравова, весьма, по мнению трезвого Миши, нетрезвая, со смущенной улыбкой поблагодарила министра и удалилась.

Шелехов еще некоторое время побыл на мероприятии и засобирался. В путешествие он приехал со своей пятнадцатилетней дочерью Викторией, ее старшим братом Виктором и их гувернанткой Анной Ивановной.

Прилетела вся делегация накануне, и в первый же день семнадцатилетний Виктор попал в неприятности – сначала напился до невменяемости, а потом арендовал аквацикл и со всего маха въехал в лодку, на которой плавали расслабленные арабы со своими женами. Обошлось без жертв, только Виктор расшиб лоб, вывихнул руку и, кажется, повредил ребра. Ситуацию удалось уладить, но Виктора госпитализировали, и с ним сейчас гувернантка Анна Ивановна, а дочь министра, Виктория, девушка приличная, и в свои пятнадцать лет в девять часов вечера находится у себя в номере.

Нянить министра и его детей в обязанности Миши не входило, но для своего успокоения Миша проводил Шелехова до его номера. В соседнем номере раскатисто храпел Олег Мороженков. Охрана, присутствующая на этаже и охраняющая номера российской делегации, расположилась неподалеку – в лаунж-зоне, пристально просматривая всех, кто входил на этаж.

Министр вышел из номера дочери, кивнул Мише и скрылся в своем.

Миша попрощался с охраной, пожелал им спокойной ночи и вошел в свой номер, смежный с номером дочери министра. Он принял душ, выпил чашку ромашкового чая, проверил почту, ответил на несколько важных писем и лег в постель.

Засыпая, он в который раз поблагодарил судьбу за то, что мама не дала

ему сгнить в глубинке. Побывал бы он здесь, в Эмиратах? Да нет, конечно. Работал бы в администрации района (в самом лучшем варианте развития карьеры – в Городской думе), ездил бы в отпуск в Геленджик и не знал бы, что существует жизнь куда ярче и красивее, чем есть у него. За это он был благодарен не отцу, а маме. За то, что она набралась смелости и попросила за него перед отцом. С самого раннего детства Миша знал, что отец у него есть и когда-то он недолго был здесь, а теперь он где-то далеко, занимается важными делами и поэтому не может жить с ними, в их доме, с мамой и с ним. Когда Миша стал взрослее, он узнал, что все эти годы отец помогал деньгами, но его жизнью не интересовался. А повзрослев совсем, Миша понял, что это не жизнь так сложилась, это отец у него такой: он живет в Москве вместе со своей семьей и другими детьми, которые успешнее и лучше Миши по определению, потому что они там, в Москве, рядом с отцом, который может все, а Мишина мама не может ничего в своей деревне. И это грызло Мишу, не давало ему жить спокойно, покуда мама не взяла себя в руки и не попросила за него. И отец, на удивление, откликнулся, помог ему переехать в Москву и занять пост в министерстве. Видимо, все же чувствовал в тот момент свою ответственность за внебрачного ребенка, родившегося от недолгого командировочного романа. Конечно, Мише хотелось, чтобы отец сам помнил о нем, сам забрал его вместе с мамой из деревни и сам интересовался его жизнью, но не судьба... С этими мыслями Миша уснул, надеясь, что завтра сможет урвать несколько часов, чтобы сбегать искупаться в море и поваляться с книжкой на пляже.

Проснулся он от дикого женского крика.

Миша пулей вылетел из номера. Кричала дочь министра, Виктория. У дверей уже собралась охрана, но никто не входил, все ждали появления министра. Виктория продолжала кричать.

– Чего вы ждете? – закричал Миша и рванул дверь на себя.

Дверь оказалась не заперта, свет в номере был выключен. Миша нашарил выключатель, свет зажегся.

– Я не хотел... Я думал, это моя девушка...

На полу возле окна сидел абсолютно голый парень, которого Миша не знал. На кровати, запутавшись в огромном одеяле, билась Виктория – ее пижама валялась на полу. Оголенная грудь внушительных размеров, совсем не для пятнадцатилетней девочки, дергалась, подпрыгивала. Миша замер, переводя взгляд с груди дочери министра на сжавшегося в комок парня у окна.

Что делать? Что, черт возьми, делать?!

Охранники, два здоровых лба, ориентировались не быстро. Они стеснялись подойти к Виктории и не знали, как реагировать на сидящего голого парня. Первым отмер Миша, он подошел к кричащей Виктории, выпутал ее из одеяла, после чего накрыл и сказал:

– Вика, успокойся, тихо, мы тут, ты в безопасности.

Виктория вцепилась в Мишину руку и закричала еще громче. В номер вбежал Шелехов в халате. У него были взъерошенные волосы, которые показались Мише седыми. Вместо лица – белое пятно с огромными испуганными глазами.

– Что? Что тут...

Он перевел взгляд с бьющейся в истерике дочери на сидящего на полу ревущего парня.

– Я не хотел, – бормотал он. – Я думал, это моя девушка и мы играем, ведь она совсем не кричала, не отбивалась... Я вошел в нее, и мы занимались сексом... А она, что ли, спала? Ты спала?

Виктория, голос которой сел и лица которой было не видно, затряслась всем телом. Миша обнял ее и прижал к себе, чтобы хоть как-то успокоить.

– Миша, уведи Вику ко мне в номер и оставайся там, – ледяным тоном велел министр.

– Вика, пойдем со мной, пойдем, – тихо сказал Миша и потянул девушку за собой.

Вика, прижавшись к Мише заплаканным лицом, натянула одеяло на себя. Миша помог ей укутаться и встать и, все так же прижимая к себе, вывел из номера. За ними с грохотом закрылась дверь. Миша провел Вику в номер отца и уложил на кровать. Налил ей стакан воды и подал. Она выпила, стуча зубами о край стакана.

Волосы у нее были растрепанные, лицо заплаканное. Мишу трясло от страха. Зря парень сказал, что он вошел в нее. Если у него и был шанс, то сейчас он точно упущен.

Из соседнего номера не доносилось ни звука.

– Вика, тебе что-нибудь нужно? Вызвать врача?

Она помотала головой из стороны в сторону и сказала сиплым, прокуренным голосом:

– Пусть отец решает.

Миша кивнул. Да, быть дочерью министра нелегко. Даже если тебя изнасилуют, отец решит, узнает об этом общественность и врач или нет. На одеяле были капли крови, значит, Виктория была девственницей.

Миша еще не раз вспомнит этот случай, чтобы попытаться понять: действительно ли он видел своими глазами то, что видел, или у него

разыгралась фантазия? Через полгода эту ситуация уже выглядела совсем по-другому даже для тех людей, у которых, казалось бы, самая правдивая информация.

Наташа, 16 марта года

Наташа не поверила своим ушам. Значит, Вику, дочь министра, изнасиловали?! Она вспомнила, что не видела Вику очень давно, и последний раз это было в Дубае, накануне той самой пьянки.

И Дима после того дня про нее ничего не рассказывал, хотя раньше то и дело говорил что-то такое, отцовское. Наташа знала, что Вика сейчас учится в Лондоне, об этом ей рассказала Катюша, с которой Вика дружила на фейсбуке.

– Миша! Какой ужас! Но почему никто не заявил в полицию? Почему?

– Потому что, – просто ответил Миша. – Видимо, вопрос был решен как-то по-другому.

– На что ты намекаешь?

– Вы сами видели чемодан. Я не знал об этом. Я мог только предположить.

– Ты хочешь сказать, что Дима... убил насильника?

Миша глубоко вздохнул.

– Я ничего не хочу сказать. Я всего лишь предполагаю. Но подумайте сами, если обоих охранников нет в живых...

– Постой, ты сказал, что жизнь самоубийством покончил только Пивоваров, а Солодовников жив-здоров, работает на какого-то нефтяника.

– Это мне сказал его коллега, – ответил Миша. – И сказал так: Дэн собирался уехать на Байкал работать на нефтяника. Там, в Восточной Сибири, зарплаты выше, условия легче, криминала практически нет. Но связь с Денисом он не поддерживал с тех пор, как тот уволился из министерства.

– Вы пытались его разыскать?

– Да, социальные сети прошли мимо Дениса, возможно, он ими пользовался анонимно, но так вообще найти человека невозможно. Имею в виду, в житейских целях. Я звонил по всем известным мне номерам. Правда, не встречался с его родственниками.

– А Пивоваров?

– Его я нашел в «Одноклассниках», – ответил Миша. – И на его странице очень много прощальных слов от друзей – «покойся с миром» и все в таком духе. Я написал его сыну, тот отреагировал спокойно, сказал, что отец умер, но подробности не сообщил. Тогда я пролистал ленту его

друзей, нашел тех, кто не высказался по поводу его кончины, и написал им всем. И один мне сказал правду – Олег Пивоваров застрелился. Есть какая-то записка, но ее суть никто не знает. Полиция все забрала.

– В материалах есть, – ответила Наташа. – Нужно только получить доступ. Это сложнее.

– И что вы думаете по этому поводу?

– Я так и не поняла, к чему вы клоните, Миша.

– Дмитрий вич был человеком вспыльчивым, вам это известно. Он быстро выходил из себя, а потом так же быстро начинал соображать здраво. Если он не сдержался и убил того человека и Пивоваров с Солодовниковым ему помогли, то смерти охранников можно считать раскрытыми.

– И все же не говорите, что Солодовников мертв, – поправила его Наташа. – То, что вы не знаете, где он, не значит, что он мертв.

– Но сути не меняет.

– Нет, – отрезала Наташа, – меняет, и в корне! Вы считаете, что Дима убил обоих, чтобы замаскировать убийство насильника его дочери. А если убийства не было? Пивоваров военный, кто знает, что он пережил за годы службы? Возможно, это его грехи и его жизненные трудности толкнули его на суицид. А Солодовников молодой, может быть, женился, осел где-нибудь в глубинке и наслаждается жизнью на природе. Рано делать выводы, не имея четкой картинки.

– Таковую версию я не рассматривал, если честно, – сказал Миша. – Я думаю по-другому. Я думаю, что все трое – министр, Солодовников и Пивоваров – мертвы, но сделал это человек, который хочет отомстить за смерть того насильника.

– А кем был тот насильник?

– Журналистом, – ответил Миша. – Я долго пытался выяснить это, не мог вспомнить, но вспомнил. Его зовут Алексей Черепанов.

– И что с ним?

– А вот это я выяснить не успел.

Наташа допила свой кофе.

– Миша, вы не можете делать выводов из той информации, которую собрали. Вы же профессионал, вы понимаете это. Все это – сплошные догадки. Вам нужно обязательно все рассказать следователю, они разберутся сами.

– Нет, – ответил Миша, – это еще не все.

Он снова достал свой телефон и передал Наташе наушники, которые подсоединил к устройству.

– Готовы?

Наташа кивнула. Он включил запись. Сначала раздался какой-то треск, потом писк и она услышала голос Димы.

«Миша, я боюсь, что когда ты услышишь эту запись, я буду мертв. Я не смог справиться с этим. У меня нет времени исправить это все и просить о помощи других людей, которым сначала нужно все рассказать. Я очень тебя прошу – защити Вику, не позволяй, чтобы та история всплыла. Сделай все, чтобы об этом никто не узнал. Обратись к Наташе Добронравовой, она поможет, ей, и только ей можно всецело доверять».

Наташа опешила. То есть Дима знал, что его убьют? Но почему он ничего не рассказал? Почему не попросил о помощи? Почему спокойно ждал?..

– Я все поняла, – сказала Наташа. – У меня остался один вопрос к вам, Миша.

Миша спрятал наушники в карман.

– Зачем это все вам? Вы наверняка знаете, почему Дима мне доверял. Но зачем вам это? Вы можете просто все рассказать следователю, и будь что будет. Вы слишком близки с Викторией?

– Нет, с Викторией мы не близки.

– Тогда я не понимаю причин.

– Зачем вам причина? Разве недостаточно, что я хочу сделать все так, как просил Дмитрий вич?

– Нет, Миша, – сказала Наташа твердо, – недостаточно. Давайте начистоту. То, что вы мне только что сказали, называется воспрепятствованием деятельности правоохранительных органов, возможно, я ошибаюсь в формулировке, но суть такова: это уголовно наказуемое деяние. И вы, и я должны сказать следователю все, что знаем.

– В таком случае история с изнасилованием Вики выплывет наружу.

– А если убийство министра связано с этой историей? Вот найдете вы убийцу и узнаете, что он отомстил министру за убийство того парня, Алексея Черепанова. Как вы передадите его под суд? Что скажете? Что он убил министра просто так? Так не делается, вам ли не знать! Чтобы осудить человека за убийство, обязательно должен быть установлен мотив. Я боюсь, если вы правы, эта история все равно всплывет.

– А если я не прав? И история утечет в СМИ?

– И что вы предлагаете?

– Я предлагаю сделать все, чтобы постараться выполнить последнюю волю Дмитрия вича, – сказал Миша. – Помогите мне. Если мы пойдем, что убийца покарал Шелехова за убийство насильника, я пойду и все расскажу следователю под условием сохранения тайны. А если нет, то эта история не

должна всплыть.

– Но следователь сможет узнать все намного быстрее!

– И заодно все разболтать, из органов течет, как из дырявого ведра. Вам ли не знать? – ответил Миша. – Это большой риск. Я смогу сделать так, чтобы за информацию они заплатили молчанием. Но если они сами будут расследовать, они все разнесут. Все узнают, что Викторию изнасиловали. Я не могу этого допустить.

– И все же я не понимаю причин, почему вы так яро пытаетесь исполнить волю Димы. Чем он вам помог? Чем вы ему обязаны?

– Когда-нибудь узнаете, – тихо сказал Миша.

Глава шестая

Макс, 16 марта года

Многие интернет-ресурсы в России заблокированы, операторов связи обязывают закрывать доступ пользователям-россиянам на определенные ресурсы. В основном это такие сайты, где под видом сахара продают наркотики, а еще где можно заказать наемного убийцу, купить детское порно, почитать экстремистские материалы и присоединиться к террористическим сообществам.

Но существует «темный интернет» – darknet.

«Темный интернет» всегда закрыт ото всех, попасть в него можно только через защищенный интернет-браузер, и желательно использовать еще один шифровальщик VPN, который никогда и никому не скажет, из какой страны вы на самом деле зашли на тот или иной сайт.

В этом darknet есть все, что только можно. Расплачиваются в darknet биткоинами, анонимной цифровой валютой, транзакции моментальные и практически ничего не стоят.

Мне нужны были особые услуги: организовать встречу с Лаурой Висконт, и в darknet я нашел человека, который за две тысячи долларов согласился организовать встречу на следующих условиях: Лаура не придет на встречу, мне просто сообщат, где и когда она будет, чтобы я смог к ней обратиться; мне не гарантируется, что она захочет со мной говорить; я должен быть готов выехать немедленно; возможно, ее охрана прострелит мне ногу или почку.

На эти условия я согласился, перевел требуемую сумму на счет и стал ждать. Скорее всего, информацию мне предоставит какой-нибудь хакер, который взломает переписку Висконт или ее доверенных людей и узнает, где и когда она будет. Я уверен, что Викуля добывает свою информацию точно так же.

Поскольку я находился практически в центре Москвы – до площади трех вокзалов десять минут пешим ходом, – я решил ждать сообщения от хакера дома, разбираясь в своих записях.

Мне было многое непонятно.

Во-первых, как выход «Формуцина» связан со смертью Сонечки? Я понимал, что как-то это все связано, но вот как? Лаура, конечно, сможет ответить на мои вопросы и все прояснить. Но едва ли она так просто сдаст своего клиента. Запугать ее у меня тоже вряд ли получится – хакер на

полном серьезе написал, что ее охрана легко прострелит мне ногу, пусть даже мы встретимся в ГУМе.

Во-вторых, я не понимаю, как министр связан с «Фармбестом» и связан ли. Судя по тому, что мне удалось отыскать в открытых источниках, Шелехов помогал только своим автомобильным спонсорам, к фармацевтике он был совершенно безучастен.

В новостных лентах полный штиль, расследование взяло на себя ФСБ, а значит, если и достигнуты значимые результаты, то засекречены до такой степени, что ни один хакер не взломает. Насколько я понял из ранних публикаций, следственный комитет разрабатывает какие-то версии убийства министра, но основная связана все-таки с его профессиональной деятельностью. И это правильно – если бы хотели убить человека, убили бы дома. Такая показательная кара не должна вызывать сомнений: убивали именно министра за его дела или делишки. Причем я не сомневался, что именно за «делишки».

Сообщение от хакера пришло в 12.44. Лаура Висконт прибудет в Москву сегодня вечером, в шесть часов. У нее встреча с деловым партнером в ресторане неподалеку от парка «Музеон». Я знал этот ресторан – цены там были конские еще год назад, едва ли сейчас что-то изменилось.

Наверняка для встречи забронируют весь зал, или она пройдет в каком-то скрытом от посторонних глаз зале. Я позвонил в ресторан и попросил забронировать на половину шестого столик на одну персону. Мне не отказали, попросили номер кредитной карты, мое имя и номер телефона.

– Скажите, а у вас есть уединенные комнаты? – спросил я.

– Да, у нас есть несколько VIP-залов, и на ваше время один из них свободен.

– А сколько у вас их всего?

– Всего два.

– Мне нужен тот, который выходит окнами на Москву-реку.

– Они смежные, и оба зала окнами выходят на реку.

– Тогда мне нужна VIP-комната.

– Аренда стоит две с половиной тысячи рублей в час, вас устроит?

– Да.

Так, до встречи оставалось не так много времени. А мне следовало хорошенько подготовиться. Если я правильно думаю, то Лаура Висконт не только оказывает нестандартные услуги для ряда иностранных компаний, но и замешана в куда более страшных делах.

Осталось понять, как заставить ее говорить. Но на этот счет у меня есть пара идей.

Наташа, 16 марта года

Найти человека с помощью Интернета совсем несложно. И у Наташи имелись не только ресурсы для поиска, но и все возможности сделать это, в отличие от Миши, она была боссом и сама распоряжалась своим временем. Она так и не поняла, почему Миша столь яростно пытается исполнить волю Димы, но в чем-то он прав. Если история с изнасилованием Вики всплывет, девочке будет очень сложно. Она станет посмешищем и самой обсуждаемой персоной года, а может быть, и нет. Никто не знает, как аудитория отреагирует на подобный вброс информации.

Самое простое и правильное – найти Черепанова. Если он точка отсчета, то с него и нужно начинать.

Если Миша прав, то этот человек мертв. Учитывая, что Алексей журналист, его смерть просто так не канет в лету, кто-то обязательно будет знать о случившемся. Осталось найти этих людей.

Наташа добралась до офиса и поскорее залезла в гугл. И вскоре обнаружила, что Алексей Черепанов был начальником отдела в одном крупном издательском доме, с которым Наташа успешно сотрудничала долгое время. А не знала она Алексея, потому что он заведовал событийным отделом, в который Наташино агентство не сдавало материалы.

Но знакомые у нее в издательском доме есть.

Наташа позвонила своей приятельнице Леночке. Та работала штатным редактором, была человеком ответственным и не очень болтливым.

– Леша уволился давно, – сказала Леночка. – Году в две тысячи четырнадцатом, если мне не изменяет память. По-моему, он перебрался в Штаты, и я слышала, что успешно там работает.

– А как с ним связаться?

– Вот не подскажу. Контакт Лешки у меня нет, мы особо не общались, виделись только на совещаниях.

– И как мне его найти? На фейсбуке и других соцсетях я его уже искала, нет. Может быть, у него родители в России остались?

– Я знаю, что он сирота, и родителей у него нет. А ты поговори с Кирой Самойловой, – посоветовала Леночка. – Не буду тут давать руку на отрезание, но она имела особое расположение своего начальника. Или он имел, не знаю уж, как там у них было, но ты меня поняла.

– А контакты Киры дашь мне?

– Сейчас пришло.

– Спасибо, дорогая, буду должна.

Через некоторое время Наташа получила контакты Киры Самойловой и сразу же ей позвонила. Девушка откликнулась практически мгновенно, но по телефону разговаривать не захотела.

– Наталья, если вы хотите что-то узнать, то вам придется со мной встретиться, – сказала она. – Дело в том, что Леша – непростой эпизод в моей жизни. Я была больна, и сейчас я излечилась, и не имею права солгать вам или недосказать что-то. Если говорить, то говорить полностью.

– Конечно, давайте встретимся.

Наташа повесила трубку со странным чувством. Вокруг все, что ли, с прибабахом? Или это уже в пределах нормы – говорить незнакомому человеку, что была больна, судя по всему, что-то связанное с психикой, но уже здорова?

Остаток дня Наташа посвятила работе. Материалов набралось достаточно, а кроме них – масса служебных записок, требующих острого внимания начальницы. Эксперты снова ругались с журналистами, критикуя материалы, и Наташе предстояло выступить арбитром.

Позиция экспертов всегда была жесткой: материалы должны содержать точные выдержки из цитат, законов и деловых писем, если о них упоминается. Но ни один нормальный журналист в свой текст не включит эту канцелярщину. Все необходимо переработать, сделать удобочитаемым. Из-за этого вечные споры. Эксперты визжат, что после переработки утрачивается достоверность и точность, а журналисты же, напротив, утверждают, что точный и достоверный текст читать никто не будет. Найти баланс самостоятельно они не могут.

Наташа провозилась с работой до половины седьмого, а когда опомнилась, тут же выключила компьютер и выбежала из офиса под неодобрительным взглядом Ромы – тот как раз нес в кабинет начальницы стопку бумаг на подпись.

С Кирой они встретились не где-нибудь, а в Наташином джипе. Кира отказалась встречаться в кафе, в офисе или у себя дома, объяснив свое нежелание чрезвычайной деликатностью вопроса.

Наташа подобрала ее возле Павелецкого вокзала и припарковалась неподалеку от своего дома с расчетом, чтобы не выезжать в загруженную часть города после встречи и не стоять в пробках.

Кира принесла с собой два кофе в высоких картонных стаканчиках. От такой любезности Наташа отказаться не смогла, хотя после четырех часов старалась не пить кофе.

Кира оказалась молодой и энергичной девушкой. В розовом легком пальто, белые кудри по плечам; высокие кожаные сапоги в тон пальто, и умопомрачительный аромат спелой вишни. Она с легкостью уселась в Наташин джип, сразу защебетала, как весенняя птичка. Наташа, перегруженная работой, от неожиданности только хлопала глазами.

– Приятно познакомиться с вами, Наталья! Я Кира Самойлова, мы с вами разговаривали по телефону. Прошу прощения, если моя просьба показалась вам странной, но у меня на самом деле нет выбора. О проблемах нужно говорить, но моя проблема столь деликатного характера, что причиняет боль моим близким. Когда я была больна, боли было не меньше, но поскольку лечение требует откровенности в моих прошлых ошибках, это причиняет моим близким еще больше боли. Ну вы понимаете, все это переживать еще раз...

– Чем вы были больны?

– Нимфоманией. Это одержимость сексом.

От неожиданности Наташа икнула. Она предполагала что-то вроде наркомании или алкоголизма, что у девушек очень сложно поддается лечению. Нимфомании она не ожидала.

– То есть вы не могли держать себя в руках?

– Не то слово! Я не могла пройти мимо мужчины! Причем сначала все начиналось просто как очень сильное желание... Это потом уже, даже после Леша, меня затащило. Но сейчас все под контролем, я излечилась.

– То есть вас Леша заразил?..

Кира рассмеялась, так заливисто и радостно, что Наташа непроизвольно улыбнулась сама.

– Нимфоманией нельзя заразиться! Нет, но все началось примерно тогда, когда в моей жизни появился Леша...

Кира никак не могла понять своих чувств. Она любила мужа, очень любила. С Женей было очень хорошо, он был надежным, чувственным и тоже ее любил. У них родилась дочка Верочка. И все было хорошо, кроме одного: безумного желания Киры изменить супругу.

Она думала об этом практически с первого дня свадьбы. Не могла отбросить эти мысли и жить обычной жизнью замужней женщины, и сама не понимала, почему так. Она боролась с собой, расстраивалась, плакала, подолгу пребывала в депрессивном состоянии, но навязчивая мысль, что она имеет возможность изменить мужу, не уходила.

Кира начинала думать об адюльтере всякий раз, когда выходила на улицу, когда оставалась одна, когда Женя уезжал в командировку. При этом

она вполне допускала, что у Жени такие же мысли, и, возможно, он-то более смелый и давным-давно осуществил все, о чем она только мечтает. А она отстает. Как-то раз они заговорили на эту тему, и все кончилось всего лишь обоюдным смехом. Женя сказал, что ему никто не нужен, Кира подтвердила его слова, а сама подумала – что никто не нужен для жизни, а вот в сексе хотелось бы. И всей душой надеялась, что Женя подумал также.

Со временем она поняла, что это не просто желание. Это особое навязчивое состояние. Она ловила себя на мысли, что всех встречаемых мужчин оценивает с точки зрения, нравятся ли они ей как потенциальные любовники, или она дала бы им от ворот поворот. С каждым месяцем ее планка становилась все ниже и ниже, она уже начала засматриваться на стареющих представительных мужчин, хотя еще недавно считала мужчин за сорок ископаемыми, не стоящими внимания.

Один раз у нее получилось. После того как все случилось – быстро, в припаркованной на обочине МКАДа машине, она всю дорогу до дома чувствовала себя развратной шлюхой, которая не имеет права смотреть в глаза мужу. Но она приехала домой, Женя уже уложил дочку в кроватку, приготовил ужин, и они занялись любовью. Ей так захотелось отдаться мужу, как бы извиняясь за все, что произошло несколькими часами ранее... Тот секс был потрясающим, и Женя был в восторге. Утром Кира получила кофе в постель и розочку, бог весть где добытую в столь ранний час, потому что муж работал в институте и уходил очень рано, к первой паре, к восьми тридцати утра.

Рабочий день Киры начинался в десять утра, из дома она выходила в девять – уводила дочку в детский сад, садилась в машину и уезжала на работу. В офис она приезжала обычно, немного опоздав, но всегда успевала на планерку в 10.20 утра. Но в то утро она поехала по МКАДу, мимо того места, где у нее в первый раз случился секс с незнакомцем.

Они познакомились в приложении для телефона, где все автолюбители друг друга предупреждают о неприятностях на дороге – авариях, ремонтных работах и прочем. Там есть функция анонимных личных сообщений, куда она и написала парню, который очень по-пацански охарактеризовал ближайший пост ГАИ. Киру завел не столько его тон, сколько будоражащее воображение видение того, каким он должен был быть, чтобы сказать такое: «Сказал бы, на чем я вертел всех этих дэпээсников, да тут девушки читают, хотя я бы охотнее девушку повертел». На сообщение Киры, что она готова обсудить его предложение, парень откликнулся согласием, и они встретились в ближайшем «кармане», в котором не дежурят проститутки. Парень оказался таким, каким она себе

его представила, – плотным, в джинсах, кожаной куртке, с сигаретой в зубах и разбитых кроссовках. Она села к нему в джип и, не давая себе шанс затянуть разговор в трясины, из которой не выбраться на другой берег, сразу взяла его за член, чем его сильно удивила и раззадорила. А дальше, как говорится, природа все сделала сама.

Постояв в «кармане», Кира сделала два вывода: со своим ночным любовником она больше встречаться не хочет, это точно. Но нет ничего зазорного в том, что девушка сама предлагает секс, парни ее не отошьют, и обидно не будет. А значит, она вполне серьезно может взять себе на вооружение смелое и немного распутное поведение. И цель у нее была – ее босс, Леша Черепанов.

Лешу она заприметила давно – как только устроилась в издательский дом внештатником. Неизвестно почему, он продвигал молодую корреспондентку в штат, и вскоре это увенчалось успехом. Киру приняли и дали огромный и лакомый кусок – событийный материал. Она описывала встречи, конференции, выставки. На большие мероприятия обычно Черепанов ездил один, но с тех пор, как Кира стала штатным корреспондентом, он брал ее с собой.

Женя против ничего не имел – ему нравилось, что супруга занимается делом, которое ее вдохновляет и заставляет чувствовать себя нужной. Он сам очень любил свою работу и проникся уважением к Алексею, начальнику Киры, который помогал его жене двигаться по карьерной лестнице. Конечно, он не знал, что Алексей – предмет давних несбыточных желаний его супруги, иначе бы принял меры. Хотя какие меры он мог принять? Ведь Алексей – ее босс... Так или иначе, отпуская жену в командировки, Женя и предположить не мог, что, начиная со второй, Кира регулярно спала с Алексеем.

В скором времени она обнаглела настолько, что начала спать с Лешей даже в офисе, а иногда и принимала приглашение провести с ним день или остаток дня в номере в отеле.

Секс с Алексеем ей не наскучил с первого раза, может быть, потому, что у Алексея было много комплексов, которые он тщательно скрывал. Он предпочитал традиционный секс, но Кире нужно было куда больше. Она хотела всего и каждый раз, когда им удавалось остаться наедине. И странное дело, удовлетворяясь Алексеем, она никогда не отказывала супругу и с удовольствием укладывалась и с ним в постель тоже, потому что, в отличие от Алексея, Женя всегда давал Кире именно то, чего ей хотелось, причем с избытком.

– Выбирай что-то одно, – всегда говорил Алексей. – А то я наскучу

тебе и буду страдать, а так ты не успеешь насытиться сексом со мной и будешь хотеть больше и больше.

Он был прав, Кире все время хотелось. Иногда она думала, что у нее не все в порядке с тем участком мозга, который отвечает за сексуальную активность, но что она могла с собой поделаться? Ничего. Оставалось только обманывать мужа и получать то, чего она хотела, на стороне.

Так продолжалось больше года. Они с Лешей встречались в отелях, трахались на работе в самых разнообразных местах – у него в кабинете, на лестничной клетке, в машине (в том самом «кармане» на МКАДе), в торговом центре и даже на конференциях, уличив момент, пока журналисты развлекались в барах. Поездки занимали особое место в сексуальной жизни Киры. Во-первых, она страстно отдавалась мужу перед отъездом, а потом, едва садилась в такси, вся дрожала от возбуждения, предвкушая несколько дней в объятиях Алексея. Во-вторых, имея постоянного любовника, с которым она могла находиться несколько дней подряд, она перестала искать секса на стороне, но не упускала возможности пофлиртовать на конференциях и в клубах после них с незнакомыми коллегами из других стран.

Та поездка в Дубай, где пропал Леша, должна была закончиться феерией, потому что Кира сказала своему любовнику, что в эту ночь в Эмиратах, где распутство и измены мужу запрещены законом и строго караются, она хочет получить все. Даже то, чего у них никогда не было, а за целый год и такое осталось – например, у них не было анального секса, и Леша никогда (даже подумать странно) не делал ей кунилингус. Он обещал подумать, и в самолете сказал ей, что ближайшей ночью она получит все, причем сказал так грязно и возбуждающе, что у Киры потеплело внизу живота, а коленки затряслись мелкой дрожью.

Как она ждала этой ночи! Сразу с самолета она сбегала в Mall of the Emirates и купила два комплекта сексуального белья. Один – для Леша, другой – для мужа. Она тщательно подготовила тело к долгой ночи безудержного секса и всю конференцию записывала на диктофон, потому что просто не могла сосредоточиться на работе. И Алексей, как чувствуя волнение Киры, то облизывал губы, то трогал себя за член как бы между делом, то писал ей отвратительно сексуальные сообщения.

После выставки и конференции, когда весь журналистский сброд перекочевал в ночной клуб, она впервые увидела министра юстиции, который был фишкой конференции. Он не давал официальных комментариев, и у него не было здесь официальных встреч, но Кира и Алексей внимательно следили за Шелеховым, потому что просто так

министры на конференции не ездят. Тем более с такой облегченной версией охраны – всего пара человек. О его визите никто не знал, и на официальной части он не показывался, и с кем Шелехов приехал сюда поговорить, никто не знал. Но с кем-то точно, не просто же так человек отрывается от важных министерских дел и прилетает в Дубай?

На вечеринке он выпивал, что вообще не свойственно человеку его статуса: пить в обществе журналистов. Вел себя раскованно, но в рамках приличия. И совсем не выглядел важной шишкой – охотно общался с людьми, приглашал дам на танцы, в общем, вел себя как самый обычный мужик. Кира даже на мгновение задумалась, а потом ей стало весело. Ну нет, конечно же, нет, с ним бы она не переспала. Ему явно за сорок, к тому же он слишком большой, а она любит парней плотных, но шустрых, чтобы в постели было невозможно предугадать их следующий шаг. А с таким боровом все очевидно – сначала на спине, а потом, в накал, быстренько сверху, заливая потом лицо партнерши. Да уж.

За Шелеховым неотрывно ходил его ассистент. Леша сказал, что парня зовут Миша и вытянул его Дмитрий вич из какой-то до того невероятной глубинки, что удивительно, как парень доехал до Москвы, не состарившись. Парень принципиально не пил, это было видно невооруженным глазом. На баре он долго объяснял бармену, что мохито нужно сделать без алкоголя, а мяту положить непременно свежую. Кира дала ему три балла из десяти возможных, оценив по поведению. Не вызывал Миша у нее сексуального желания, слишком жеманный, какой-то ботаник, наверняка в постели ведет себя как сорокалетний девственник. А увидев его короткие пальчики, которых не хватало даже чтобы обхватить бокал, она скинула еще два балла – ну как такими пальчиками захватить власть над женщиной? В такую махонькую ладошку даже грудь не поместится! Тем более третий размер Киры. Да уж, парню явно надо делать карьеру, да побыстрее, а то когда он станет очень привлекательным для девушек, у него уже будут проблемы с потенцией.

Кира вообще-то была нормальной, и когда ее одолевали такие циничные мысли, она сама себе удивлялась: ну откуда в ней столько дерьма? Но потом она вспоминала, что все-таки умудрилась изменить мужу, дав себя поиметь двоим парням, и успокаивалась, ведь грехов посерьезнее у нее за душой было больше. А эти мысли... Кому они вредят? К слову, и у Алексея, и у Жени с пальцами рук все было хорошо, они были достаточно длинными, чтобы обхватить ее немаленькие груди. Нормальные, мужские пальцы. И члены приличные. Хотя сравнить ассистента министра со своими любовниками Кира не могла, но

подозревала, что конечности растут пропорционально. Она даже где-то читала, что длина члена у мужчины равна трем длинам его большого пальца. Четыре умножаем на три и получаем... курам на смех!

Между тем министр закончил вечер и пошел к себе в номер, увлекая за собой ассистента. Кира подумала было, что у Шелехова с этим пареньком какая-то связь, но потом отбросила эту мысль. О похождениях министра ходили легенды, и к его любовницам приписывали весьма достойных эскортниц, которые сами выбирали себе ухажеров. Они бы не опустили до латентного гея, потом с клиентурой были бы проблемы.

Господи, Кира, что ты несешь?

Кира была уже достаточно пьяна, чтобы подойти к Алексею и сказать на ухо:

– Если ты решил все-таки меня трахнуть, то лучше поспеши. Поднимайся, через пять минут я буду ждать тебя с открытым ртом.

После чего она поставила бокал сидящему Алексею прямо на член и удалилась, виляя задом.

В номере она приняла душ, немного протрезвев. Аккуратно надела белье, стараясь не оставить царапин на коже. Все же оно было новым, еще не «приросло» к коже, тем более мокрой, а следы от быстрого натягивания Киру всегда смущали. Она приоткрыла дверь, с удивлением подумав, что готова отдаться любому, кто войдет, и легла в кровать, поверх одеяла изогнувшись в эротичной позе.

Алексей не пришел.

Она ждала минут тридцать, начиная злиться, потом остывая, потом снова злилась. А потом просто уснула.

Проснулась Кира от бьющего в глаза солнца. Белье натерло, голова гудела от избытка выпитого, в туалет хотелось страшно. Кое-как она привела себя в порядок, с трудом сдерживая слезы отчаяния и злости. Он кинул ее! Насмеялся над ней! Она была зла до невероятности!

Она надела спортивный костюм и спустилась на завтрак, решив ни при каких обстоятельствах не реагировать на Лешу. Но его не было. Министр на завтраке был, его жеманный друг – тоже, оба какие-то пришибленные, словно их мучило страшное похмелье. Но с министром понятно, он и вправду мог набраться – начал в клубе, а закончил у себя в номере, но ассистент-то что? Пьет в одиночку принципиально?

Кире не было до них дела, и она быстро переключилась на свою жизнь. У нее десять часов до самолета, за которые она должна отомстить Алексею. Она скачала приложение для знакомств на телефон и назначила себе три свидания. Бельем в тот день она больше не пользовалась, а

получившихся свиданий ей хватило на несколько месяцев вперед, ведь с Алексеем она больше никогда не встречалась.

Прилетев в Москву, она узнала, что Леша уволился и отправился в Америку прямо из Эмиратов. Главный редактор сказал, что в Дубае у Черепанова состоялась встреча с потенциальным работодателем, Алексей принял предложение и улетел вместе с американцем, и в Москве теперь окажется не скоро, и то для того, чтобы забрать вещи и продать квартиру.

Все это Леша Черепанов написал главному редактору в письме, которое тот получил поздно вечером накануне. Кира почувствовала еще один прилив злости. Значит, когда она ждала Лешу в белье, возбужденная и готовая принять его с порога, он писал письмо главному редактору, что увольняется и уезжает в Америку? Сволочь поганая, да чтоб тебя там негры разорвали через задницу!

Но агрессия быстро прошла, потому что Женя все узнал о ее болезни. Они долго пытались справиться с нимфоманией Киры, но безуспешно. Брак едва не развалился, и Кира пошла к врачу...

Дальше Кира углубилась в описание процесса лечения, да так подробно, что Наташа засмузилась. Она несколько раз пыталась прервать Киру, но бесполезно. Девушка говорила до тех пор, пока не решила, что рассказала все, что только можно.

– А вы общались с Алексеем после возвращения в Москву из Эмиратов?

– Да, мы переписывались по электронной почте, – ответила Кира.

– А результаты его работы? Какие-нибудь статьи? Вы знаете, в каком издании он работает?

– Нет, ничего подобного я не знаю. Насколько я поняла, в Америке он занимает должность начальника какого-то отдела, то есть вы понимаете, что это значит? Что журналист в нем умер давно, он ничего не пишет. Только управляет.

Наташа бы поспорила с таким утверждением, тем более что сама она хоть и возглавляет агентство, пишет очень много. Но больше – редактирует, корректирует и управляет процессом. Строго говоря, это не журналистика в чистом виде, но «смерти» нет.

– А по телефону вы с ним не разговаривали? – спросила Наташа.

– Нет, точно нет. Я ему не звонила, да и номера его не знаю.

– А как мне связаться с Алексеем?

– А зачем? – поинтересовалась Кира и уставилась на Наташу радостно раскрытыми невинными глазами.

Наташу она стала раздражать. Да, девчонка молодец, смогла

справиться со своей зависимостью. Но кто ей вдолбил в голову, что все вокруг будут ее за это поощрять и обязаны радоваться тому, что она больше не сексуальная маньячка?

– У меня есть деловое предложение к нему, – соврала Наташа. – И то, что вы мне рассказали, сделало Алексея еще более привлекательным кандидатом для той работы, на которую я хочу его подрядить.

– А что за работа? Если что, я была его лучшим корреспондентом. И сейчас выросла не только как журналист, но и как руководитель: в моем подчинении уже девять внештатных корреспондентов...

– Нет-нет, – поспешно ответила Наташа. – Это персональная работа для Алексея. Но я готова оплатить вам ваши услуги, если вы поможете мне на него выйти.

– Договорились, – сказала Кира. – Я сообщу вам, когда найду его.

– Идет.

Кира, не переставая улыбаться, вышла из машины. Наташа еще долго сидела, не трогаясь, пытаясь осознать услышанное. Если откинуть всю эту историю с нимфоманией Киры, то в сухом остатке получается следующее: Алексея после той ночи в Эмиратах никто не видел. Да, история, рассказанная Кирой, вполне может оказаться реальной. Такое бывает: человек просто исчезает, пропадает с радаров, и все. Люди, которые с ним общались, начинают беспокоиться, но в итоге просто забывают про него. А человек между тем не просто пропал. Он подготовился к переезду, завершил все свои дела и уехал, не посчитав нужным попрощаться и все объяснить хоть кому-нибудь. Да, такое сплошь и рядом. Взять хотя бы Катюшу – укатила на Мальдивы и отдыхает, пока Наташа дергается, переживает.

Родных у Черепанова нет, жены тоже, на работу он отписался. Что еще нужно?

Именно так бы и подумал убийца, который решил скрыть убийство. Одинокого человека никто не хватится, если он дал минимум информации о себе. Легче простого: сообщить на работу, что увольняешься, и, пожалуй, все. А кому будет настолько не все равно, чтобы оторвать свою задницу от дивана и попытаться выяснить, все ли с человеком и вправду так хорошо? В Америке ли он на новой должности с большой зарплатой или в сырой земле, мертвый? Судя по всему, никому. Не было у Алексея никого.

И уже не будет.

Макс, 16 марта года

Своего часа я ждал у памятника Петру Первому, творения Зураба

Церетели, знаменитой бронзовой статуи на искусственном острове, насыпанном у разделения Москвы-реки и Водоотводного канала. Его возвели по заказу правительства Москвы в 1997 году, и не обошлось без скандалов. Пресса писала, что памятник был приобретен за баснословные деньги, отмытые чиновниками обратно. Сколько было лозунгов («Вас здесь не стояло», «Долой царя!»), сколько статей и криков, некоторые активисты даже грозились взорвать памятник, но прошло время, а Петр все так же здесь. Правда, официально он называется не в честь царя, а «В ознаменование 300-летия российского флота», и изначально вместо Петра на корме бронзового корабля должен был стоять Гулливер.

Я смотрел на Петра сбоку, в сгущающихся сумерках его лицо под софитами казалось еще более старым и напряженным, чем его задумал скульптор. Царь внимательно всматривался в темноту, пытаюсь разглядеть где-то вдалеке заблудшие корабли, чтобы поманить их светом своего свитка, ему совсем не было дела до маленького человека, который стоял у подножия, ежась от пронизывающего мартовского ветра, которым славятся Парк Горького и Музеон.

Слева переливается огнями здание филиала Третьяковской галереи, по заснеженным аллеям неторопливо бродит молодежь. Кто-то даже катается на велосипедах, пробуксовывая на скатанных снегом тропинках. У всех этих людей есть нормальная, повседневная жизнь. Им плевать на проблемы Петра, их мало интересует, что он видит там, во тьме Воробьевых гор, их интересует только их путь, потому что завтра настанет новый день и в нем как-то надо жить. Как я им завидую.

В половине шестого я направился в ресторан.

В шумном зале было тепло, пахло свежей выпечкой и жасмином. Негромко играла музыка. Меня встретила симпатичная девушка на высоких каблуках и в мини-юбке, перебрасывая волосы с одного плеча на другое, она потыкала остро отточенными ноготками в экран, улыбнулась и попросила следовать за ней.

В следующем зале было немного народу, практически все столики пустовали, но везде стояла табличка Reserved, что могло быть как рекламным ходом, так и правдой. На сцене, небольшой и круглой, у бара, копошились музыканты с гитарами.

– Сегодня у нас выступает певица Елка, – сообщила мне метрдотель. – Я вас могу пригласить, когда выступление начнется. Хотите посмотреть?

– С удовольствием, – ответил я и улыбнулся.

Мы обошли сцену и завернули за угол, где стояла охрана. Двое бравых парней внимательно осмотрели меня и, не сопроводив сие свое внимание

улыбкой, открыли дверь. Мы вошли в небольшой холл.

– Ваша VIP-комната вот эта, зеленая, – сказала моя провожатая.

– А в красной что?

– Она точно такая же, только ее забронировали на несколько часов раньше вас. Увы, я не могу изменить бронь, заказчик хотел именно красную комнату.

– А в ней стены красные?

– Нет, только скатерти и посуда. Если для вас принципиально, мы можем заменить посуду и скатерти в вашей комнате на красные.

– О нет, мне совершенно все равно.

– Обслуживание на сколько персон?

– На одного.

Девушка невозмутимо кивнула.

– Еще пожелания?

– Я хочу, чтобы меня обслуживала не девушка, а молодой человек.

– Хорошо, – ответила метрдотель снова без тени удивления.

Она впустила меня в комнату. Не сказать, чтобы помещение было большим, но для компании из трех-пяти человек весьма просторное. Сразу у стены белый кожаный диван, на столике возле него – пепельница, несколько бутылок воды и высокие бокалы.

По центру – стол под бархатной тяжелой тканью болотного цвета в россыпи золотых цветов и серебряных звезд Давида. Посуда из тяжелого фарфора ярко-изумрудного цвета, даже ручки у вилок и ложек выполнены, боюсь ошибиться в названии камня, но, по-моему, это гранит – пятнисто-матовая зелень, шершавая на ощупь. Я снял пиджак и бросил его на диван.

В дверь, деликатно постучавшись, вошел официант – невысокий стройный парнишка с улыбающимися глазами. На нем была светло-кремовая рубашка, длинный фартук в тон цвета скатерти от груди до пят.

– Добрый вечер, я ваш официант, меня зовут Александр, – представился он.

– Привет, – сказал я. – Я буду один, поэтому работы у тебя будет немного.

– Я принес меню. Когда будете готовы сделать заказ, пожалуйста, нажмите вот на эту кнопку, и я тут же приду. В этом помещении можно курить. Если вы желаете ознакомиться с меню вместе со мной, то также прошу меня позвать.

Он указал на золотую кнопку у двери, передал мне меню и вышел.

Я открыл меню. Да уж, цены тут все так же высоки. Никогда не мог понять, зачем люди переплачивают за все эти интерьеры? Ну почему для

некоторых важно, чтобы в цену салата «Цезарь», помимо салата «Айсберг», яиц, соуса, сухариков и куриного филе, была включена стоимость дорогой штукатурки, обоев, роскошной скатерти, кусок кожаного дивана и часть голосовых связок певицы Елки? Ну ровно такой же салат можно купить не за 2300, а за 140 рублей не в пафосном ресторане. Но это вопрос риторический, когда дело касается пафоса, логика бессмысленна.

Я нажал кнопку вызова официанта.

Александр появился тут же, как будто ждал за дверью.

– Выступление Елки уже началось?

– Нет еще, она начинает в половине седьмого.

– А соседняя комната занята? Она была забронирована на шесть часов, вдруг отменилось? Мне кажется, это ближе к сцене.

– Нет, там уже идет мероприятие.

– А там много людей?

– Не считая охраны, человек пять, думаю.

– Вот что, Александр. Я заплачу тебе десять тысяч рублей, но мне нужна твоя помощь.

Глаза официанта округлились.

– Мне нужно, чтобы ты в точности повторил заказ дамы, которая находится в соседней комнате. Ее зовут Лаура, или к ней могут обращаться по фамилии Висконт, добавляя при этом «мисс», или «миз», или «миссис», или еще как, зависит от ее статуса, я его не знаю. Сможешь?

– Проще простого.

– Для меня принеси салат «Цезарь» и кофе черный, бутылку негазированной воды.

– Это все?

– Нет. Мне нужно, чтобы блюда мне приносили ровно тогда же, когда и в ту комнату. Это реально?

– Они еще не сделали заказ, так что я думаю, что да, реально.

– Отлично. Тогда вперед!

Первое блюдо мне принесли через пятнадцать минут. Это был легкий рыбный суп, ровно половина огромной тарелки. К супу полагались чесночные гренки и какой-то соус, наверное, для гренков. Я попробовал суп – не очень, сильно отдает рыбой.

– Это спецзаказ, – пояснил Александр. – Лаура любит насыщенный рыбный бульон, поэтому повар вываривал три рыбные тушки вместо одной положенной. И в супе нет картофеля, дама следит за питанием, не перенасыщает организм крахмалом.

- Тут лапша ведь?
- Это не лапша, а тонко наструганный кабачок, практически никаких калорий.
- Надо же! Что там следующее?
- Уже готовится, рыбный стейк с припущенными овощами.
- Неси скорее.

Господи, какое дерьмо эти припущенные безвкусные овощи. Я вообще овощи люблю, но в сыром виде. Припущенные они становятся как будто б/у, причем несколько раз.

– Что на десерт? – спросил я у Александра, когда он в очередной раз заглянул.

- Арбузный фрэш, немного лайма.
- Ты продублировал заказ на кухне?
- Да.
- Тогда для тебя есть еще одно задание. Передай эту записку Лауре, прямо сейчас.

Я протянул ему маленький бумажный конвертик, в котором лежала записка. Александр взял его.

- Что сказать?
- Скажите, что эта записка от молодого человека из соседней VIP-комнаты.
- Хорошо.

Не успел официант удалиться, как дверь комнаты открылась, и вошли три человека. Они не выглядели как охранники из боевиков, нет. Самые обычные люди – в синих джинсах, пуловерах, дорогой парфюм. Один из охранников плотно притворил дверь, а двое сразу стали осматривать комнату, заглядывать под скатерть, отодвигать диван, стулья, водить по стенам каким-то портативным прибором. Наверное, искали прослушку или что-то типа того.

Тот, который закрыл дверь, дождался окончания проверки, выпустил своих парней и сказал мне:

- Лаура готова с вами встретиться через три минуты. Вы выбрали удачное время для передачи послания. Я должен проверить, нет ли при вас оружия и записывающих устройств.
- Без проблем.

Я встал и поднял руки. Он тщательно провел осмотр, совершенно не стесняясь трогать меня, провел по мне таким же прибором и, убедившись, что все чисто, открыл дверь и кому-то кивнул.

Через минуту в комнате появилась она.

На вид даме было лет сорок, но я думаю, что лет на двадцать ей больше. Уж очень подтянуто выглядит лицо, шея, руки. Она ухаживает за собой, и это видно. Но увядание берет свое: в коже осталось мало влаги, она покрывается едва заметными морщинками, а с расстояния трех-пяти метров отчетливо видно, что все обвисает.

Темно-бордовое бархатное платье с умеренными декольте, темные колготки (это всегда очень выгодно и сексуально выглядит), туфли в тон платья на высоком каблуке, кожаный клатч из змеиной кожи. Лаура была стройна, собрана и слегка напряжена.

– Это вы хотели увидеться со мной? – спросила она глубоким прокуренным голосом.

– Да. Меня зовут Максим.

– Очень приятно, я Лаура. Леша, тут все проверено? – обратилась она к своему охраннику.

– Да, Лаура, – ответил он.

– Тогда оставьте нас.

Леша послушно вышел, притворив за собой дверь.

– Вы не возражаете, если я закурю? – спросила Лаура.

– Не возражаю. Я заказал вам точно такой же напиток, который заказали и вы.

– Умно, – усмехнулась Лаура. – Вижу, вы следили за процессом. Достойно уважения.

– Да, я хотел пригласить вас своевременно, чтобы не отвлекать.

Лаура расстегнула клатч и извлекла тоненькую черную сигаретку и зажигалку. Прикурила и села на диван, скрестив ноги, как британская королева.

– Я вас внимательно слушаю.

Я сел на диван возле Лауры и подал ей свою визитку. Вернее, не свою, а ту, что изготовил сегодня днем. На ней была вымышленная фамилия, но настоящее имя и компания – «Сефармдистрибьютикалс». Правда, мое настоящее имя не имело никакого отношения к этой компании.

– У нас проблемы, которые только вы можете решить, Лаура.

Лаура взяла визитку и внимательно прочитала. Это деловой этикет – визитку полагается изучать внимательно, давая визави понять, что его личность интересна.

– Как вы узнали, где я сегодня буду?

– Не скрою, что у нашей компании не так много связей, чтобы иметь возможность выйти на вас через проверенного посредника. Поэтому я обратился к, хм... специалисту, который смог узнать, где вы будете. А

дальше полагался на случай.

– Хакер?

– Полагаю, что да.

– Интересно, – протянула Лаура. – Мои устройства надежно защищены, как он смог обойти всю защиту?

– Не имею понятия, могу спросить, но не уверен, что мне скажут.

– И все же попробуйте. Я не терплю уязвимостей, это нужно расследовать и уничтожить, такое недопустимо.

– Хорошо, я сделаю все возможное. Я не хотел доставлять вам неудобств, но мне непременно нужно было обратиться к вам за помощью.

– Я понимаю, – ответила Лаура и глубоко затянулась. – Но для того чтобы мы начали сотрудничать, мне необходимо получить ряд рекомендаций про вас. Это займет не одну неделю, потому что рекомендации я получаю лично, а у меня весьма плотный график. Чтобы сэкономить нам время, скажите, вы пройдете проверку моей службой безопасности, и кто может вас рекомендовать?

Я достал еще один конвертик, в котором значился список имен. Я потратил не один час, чтобы составить рейтинг значимых в фармакологии людей и выбрать из них наиболее представительных. Но это совершенно не означает, что Лаура знает хоть кого-нибудь из них. Мне было бы худо, если бы она достала телефон и начала их обзванивать, ведь тогда мой фокус провалился бы, и пришлось бы действовать по плану «Б».

Лаура изучила список.

– Я не знаю ни одного человека из вашего списка, – сказала она. – Но это не проблема. Я уверена, мы найдем пару десятков людей, который согласятся поручиться за вас через поручительство этих людей, потому что они на слуху и весьма деловые люди.

– Благодарю за понимание, – ответил я. – Нам очень важно заручиться вашей поддержкой. И если вы скажете, чьи рекомендации хотели бы получить, мы постараемся их обеспечить.

– Максим, – улыбнулась Лаура. – Я оказываю услуги, а не вы мне. Я сама обеспечу нам с вами комфортные условия сотрудничества, не переживайте. Давайте ближе к делу.

– Нам нужны услуги, аналогичные тем, которые вы оказывали «Фармбесту» для продвижения препарата «Формуцик» в России, – сказал я, стараясь говорить спокойно.

Лаура затушила сигарету и посмотрела мне в глаза непроницаемым, тяжелым взглядом.

– Вам это не по средствам, – ответила она.

– У нас есть коммерческие спонсоры, которые готовы вложиться, – быстро ответил я. – И у нашего нового проекта очень большой потенциал. Но товар нужно выводить на рынок раньше, чем мы проведем клинические исследования.

– Максим, подождите, вы не понимаете, о чем идет речь, – сказала Лаура, держась прямо и практически не моргая. – Для того чтобы повернуть аналогичную кампанию, необходимо создать специальные условия. На это уходит не один год и не один миллион долларов, не считая стоимости моих услуг. Там только резервы для погашения рисков составляют под триста процентов от стоимости проекта в целом.

– Резервы?

– Да, резервы. У вас должны быть свободные деньги на улаживание любого конфликта, который может быть спровоцирован в ходе реализации кампании, и это очень большие деньги. Я думаю, ваш препарат не стоит таких затрат, вы просто не окупитесь. Это новая молекула?

– Нет, это новая вакцина.

– Тем более вакцина.

– Мы заинтересованы в максимально быстром выходе на рынок, готовы за это заплатить. Но, видите ли, поскольку мы никогда не шли этим путем, мы даже представить себе не можем, о каких суммах идет речь.

– Проект с упомянутой вами компанией стоил очень больших денег. Да, он отбился, и в этом моя заслуга. Но заплатить пришлось очень много.

– И все же нам нужно понимать, о каких деньгах идет речь.

– Это коммерческая тайна, я не вправе вам ее разглашать. Подумайте сами, вам бы было комфортно, если бы вы знали, что я расскажу любому обратившемуся ко мне человеку, сколько вы заплатили, чтобы вывести препарат на рынок? Это неэтично. Да и не имеет смысла, поскольку воспользоваться теми же обстоятельствами уже не получится. «Формуцик» прошел, обстоятельства резко изменились. Создать их вновь не получится. Нужно придумывать новую схему, а это долго и дорого. Когда у вас релиз препарата?

– Сейчас идут полномасштабные клинические испытания.

– На какой фазе?

– На третьей, мы уже близки к финалу.

– Я бы так не сказала. Если третья фаза удачно завершится и вам удастся занести препарат в список лекарственных средств, рекомендуемых к продаже хотя бы в одной из стран Европейского союза, тогда вы на финишной прямой.

– К тому моменту об его свойствах будет известно всем!

– Вы правы, – кивнула Лаура. – Мы просто не успеем. Почему вас не устраивает ввод препарата с клиническими испытаниями в России? Если вы уже почти провели полномасштабные, то при удачно сложившихся обстоятельствах на клинику в России у вас уйдет не больше полугода, а регистрация займет восемь, ну максимум десять месяцев.

Я лихорадочно соображал. Так, Лаура не просто пытается мне помочь понять, что я идиот и не нуждаюсь в ее помощи. Она пытается понять, что мне известно про сделку с «Фармбестом». Потому что действительно, зачем мне Лаура, если я могу за меньше чем через год вывести препарат в Россию? Черт, я совсем об этом не подумал! «Формуцик» не столько регистрировали в России по-быстрому, сколько оказывали совсем иные услуги!

Если она поймет, что я ни черта не знаю, то ее охранники меня точно пристрелят. Почему? Да потому что мой разговор, оказывается, был совершенно не в тему. Наверняка регистрация препарата в России – это лишь малая часть сделки, которую Лаура сделала по ходу пьесы, а основное действие разыгрывалось на другом поле! Но на каком... Каким?

– Максим, к сожалению, я вынуждена вас покинуть. У меня еще одна встреча запланирована, а я не могу на нее опоздать.

– Лаура, постойте, еще три минуты, прошу вас!

Лаура слабо улыбнулась. Эта улыбка сильной женщины, которая пытается показаться слабой. Мол, ладно, еще три минуты вежливости ничего не изменят, а оставят для потенциального партнера приятное впечатление от встречи. Конечно, когда он подрастет до сотрудничества.

– Конечно все, что я говорил, прозвучало глупо. Мы и сами все зарегистрируем. Тем более что условия нам это позволяют. Но вы ведь понимаете, что интересует меня совершенно не это.

– Боюсь, нет, не понимаю. О чем вы, Максим?

– Мы хотим, чтобы вы продвигали наш препарат так же, как «Формуцик». Со всеми сопутствующими услугами.

Я задержал дыхание. Пусть Лаура подумает, что у меня единственный шанс завладеть ее услугами, пусть думает, что боссы дали мне единственную возможность и поэтому я так волнуюсь. Пусть думает, что она мой единственный вариант. На самом деле я боялся, что упустил ее.

Но я попал в точку.

– Об этом мы сможем поговорить с вами недели через три, может быть, чуть больше. Кампанию «Формуцика» я вам не обещаю, у нее много последствий, и модель себя не оправдала, но аналогичную эффективность обеспечить смогу. Но для начала мне нужно вас проверить. Я свяжусь с

вами, когда буду готова. Всего доброго.

Она встала и вышла. Из зала доносилось пение Елки, которое ни с кем другим перепутать нельзя.

Значит, я был не прав. Значит, мы все были не правы. Дело не в регистрации «Формуцика», а в его продвижении. И это делала Лаура, с ее связями и деньгами. И это стоило огромных денег и имело последствия.

И не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, как именно Лаура продвигала «Формуцик». Это чудовищно.

Глава седьмая

Наташа, 17 марта года

Катюшин самолет должен был приземлиться в Шереметьево в 10.44. а в 10.07 он пропал с радаров, и ни один сервис по поиску авиарейсов его не обнаруживал. Для того чтобы СМИ узнали о произошедшем, потребовалось всего десять минут. Первые новости в ленте ТАСС появились уже в 10.17, а в 10.30 об этом сказали по ТВ.

– Рейс авиакомпании «Дива Эйр», вылетевший из Мале в Москву пропал с радаров за тридцать семь минут до посадки в московском аэропорту Шереметьево. Представители авиакомпании никак не комментируют ситуацию, представители аэропорта ответили, что сведений о крушении лайнера нет. Вместе с тем ряд СМИ пишут, что экипаж самолета посылал диспетчерам сигнал SOS, однако эта информация не подтверждена. На борту лайнера сто девяносто четыре пассажира и шесть членов экипажа. Мы будем держать вас в курсе развития событий.

Наташа сидела на диване и смотрела в экран телевизора. Она не могла пошевелиться, не могла сказать ни слова. Даже глаза закрыть не могла – они пересохли, как будто их застлало песком.

Шок не отпускал ее до следующего выпуска новостей, в 11.00:

– Возвращаемся к пропавшему с радаров рейсу Мале – Москва, который должен был приземлиться в десять сорок четыре в Шереметьево. Авиакомпания «Дива Эйр» не сообщает, что случилось с лайнером, однако утверждает, что никакого крушения или авиакатастрофы не было. Сотрудники аэропорта Шереметьево также не могут предоставить официальную информацию, их представитель ограничился заявлением, что самолет не зашел на посадку по маршруту и не приземлился в московском аэропорту. Но это вовсе не означает, что самолет потерпел крушение. Информация странная, если не сказать больше. Родным и близким пассажиров рейса Мале – Москва также никто никакой информации не предоставляет. Росавиация на звонки редакции не отвечает, официальных пресс-релизов выпущено не было. Мы будем держать вас в курсе событий.

«Что все это значит? – пронеслось у Наташи в голове как будто с облегчением. – Что это, черт его возьми, может означать? Если бы самолет упал, они бы сказали об этом. Они бы точно сказали, не стали бы скрывать. Значит, самолет не упал. Он либо в воздухе, либо уже где-то сел. С самолетом что-то не так, поэтому ничего не говорят, а не потому, что он

упал и все погибли. Такое бы сообщили сразу».

Волна облегчения накрыла Наташу теплым одеялом. Ее тело сразу обмякло, как будто кто-то выпустил из нее весь воздух. Она вскрикнула и тут же зажала ладонью рот: главное, чтобы не проснулся Костик. По выходным он спит до полудня, потому что накануне играет до пяти утра. Когда Костик проснется, уже все будет хорошо. Уже появится информация, уже все будет известно. Незачем ему беспокоиться.

Исчезновение самолета с радаров – невозможная ситуация. Если самолет исчезает с радаров, он тут же появляется в новостных лентах фотографиями медленно падающих с неба тлеющих обломков или сообщениями о пропавшем без вести лайнере. Просто так, в никуда, самолеты не исчезают.

Совсем скоро дадут информацию, совсем скоро все будет известно. Главное, дотянуть до этого момента и не напридумывать себе ужасов. Что она, в самом деле? Ничего ведь неизвестно, выводы делать рано...

Звонок мобильного раздался как из другой реальности. Неизвестный номер. Она подняла трубку, не дав себе подумать о самом страшном.

– Да.

– Наталья Добронравова?

– Верно, это я. С кем я говорю?

– Меня зовут Игорь Романов, я следователь. Мне необходимо встретиться с вами. Когда вам удобно подъехать ко мне в офис?

– По какому вопросу? – спросила Наташа, задержав дыхание.

– По поводу смерти Дмитрия вича Шелехова, вам известен такой?

– Да, конечно, – с облегчением сказала Наташа. – Как насчет завтрашнего дня?

– Нет, мне нужно поговорить с вами как можно скорее.

– Вы сказали, вас зовут Игорь?

– Да.

– Игорь, понимаете, моя дочь в том самолете. И я жду вестей. Я сейчас не способна думать вообще. Когда вы позвонили и сказали, что вы следователь, я чуть не умерла от страха, я подумала, что это по поводу Катюши...

– Ох, простите, я совсем не в курсе дел. Только прилетел из командировки. А что с самолетом?

– Он пропал с радаров, никто ничего не говорит. Самолет не сел в Москве или что-то типа такого, я не понимаю, что происходит, и ужасно напугана.

– Я вам перезвоню.

– Хорошо.

Наташа положила трубку и снова стала ждать.

Снова звонок. Максим Котов.

– Да?

– Наталья, здравствуйте. Это Максим Котов. Мне с вами нужно увидеться.

– Максим, вы не вовремя...

– Я стою у вашего подъезда, это важно и это недолго. Впустите меня. Какой номер набирать?

Наташа вздохнула. Да что вас всех, прорвало сегодня, что ли?! Она сказала Максиму номер квартиры, нажала кнопку на домофоне, когда он завопил противным голосом. Открыла дверь.

Максим ввалился в ее квартиру пьяный. Он был в таком алкогольном опьянении, что с трудом стоял на ногах. Рубашка делового костюма торчала, пиджак был накинут кое-как, светлые волосы мокрые от снега. Он оперся о дверь и сказал:

– Прошу прощения за мой внешний вид.

По квартире поплыл плотный запах алкоголя.

– Максим! Вы пьяны!

– Да.

– Простите, но это чересчур. Вы, во-первых, не вовремя, а во-вторых, это совершенно неуместно!

– Я знаю, я все это знаю. Я пришел сказать вам, что сделаю все, чтобы убийца министра Шелехова избежал наказания. Вы знаете, что сделал этот человек? Вы хоть представляете себе?.. Моя дочь, моя маленькая Сонечка...

Он заплакал и опустился на колени. Наташа попыталась поднять его, но безуспешно, Максим рыдал, заваливаясь все ниже и ниже, пока не свернулся у ее ног как ребенок, спрятав лицо в ладонях. Наташа закрыла дверь.

– Максим! Максим, что происходит? Что вы говорите? Максим...

Он поднял на Наташу влажное от слез лицо, покрасневшие глаза. Наташа никогда не видела плачущих мужчин, считала, что это выглядит чуть ли не противоестественно. Но Максима ей было очень жаль, и никакого отторжения она не испытала.

– Он был чудовищем. Они все чудовища, Наташа.

– Я не понимаю...

Ей удалось дотащить его до дивана в гостиной, где Максим отрубился. Наташа сняла с него ботинки, отметив про себя чистые носки и полное

отсутствие запаха от ног. Ее муж страдал грибок стопы, и когда он разулся, можно было выносить всех святых.

Из своей комнаты вышел Костик и удивленно уставился на картину в гостиной.

– Ма-а-ам?

– Тихо, Костик, пусть он проспится. Это журналист, его зовут Максим Котов. Он просто перебрал.

– А зачем он пришел к нам домой?

– Сынок, если бы я знала.

Наташа накрыла Максима одеялом и пошла кормить сына завтраком. Телевизор она выключила, украдкой читая новости в Интернете. Она не хотела беспокоить Костика.

Позвонил Романов.

– Наталья?

– Да.

– У меня есть информация о самолете. Вы, я полагаю, дома?

– Да. Говорите скорее.

– Я не могу сказать по телефону. Я скоро приеду, напишите мне адрес.

– Игорь, вы не можете так...

– Ваша дочь жива. Остальное при встрече.

– Сейчас отправлю вам сообщение.

Наташа с трудом сдержала крик счастья. Это безумное облегчение нельзя сравнить ни с чем. Она отправила сообщение с адресом следователю и все-таки не удержалась – расцеловала сына, прижав его крепко-крепко к себе.

Игорь, 17 марта года

У него совершенно не было времени на все это: дома разразился скандал. Утром, пока Марина спала, мама, конечно же, из самых лучших побуждений, вынесла кроху Кристи на улицу, предварительно ее закутав. Проснувшаяся Марина чуть с ума не сошла от ужаса, когда не обнаружила малышку в колыбели.

Заехавший переодеться Игорь застал скандал в зародыше, но не смог его вовремя купировать, посчитав, что ситуация под контролем. А зря.

– Вы даже не представляете, что я успела подумать! И украли, и убили, и убились. И что только мне в голову не пришло за эти три минуты, пока я не выбежала на улицу! – кричала Марина.

– Мариночка, ну что ты такое говоришь? Ты ведь не одна в доме, нас вон сколько! Я забрала Кристиночку, чтобы ты спокойно отдохнула!

– Если бы вы меня разбудили и сказали, что забираете ее, я бы действительно отдохнула!

– Ну прости меня, старую, ну не подумала я, что ты так испугаешься!

На этом можно было бы посчитать конфликт исчерпанным. Но женщины бы не были женщинами, если бы не продолжили мусолить неведомо что. Когда Игорь вышел из душа, негодовала уже мама: она тряслась от ярости, глаза сверкали в лучших школьных традициях Игоря, когда он приносил домой охапку двоек.

– Мой возраст – мой опыт! Я вырастила не только Игорешу, но еще троих племянников! Я не ополоумевшая старуха, которая не сможет удержать ребенка на руках!

– Я не говорила такого, – чуть не плакала Марина. – Я просто сказала, что я боюсь, когда Кристина остается с кем-то, кроме меня. Это не относится лично к вам!

– А к кому это относится, позволь спросить?

– Мама! Марина! Прекратите! – крикнул Игорь, и женщины смолкли. Все-таки слышать повышенный голос Игоря для них было сродни двум лунам на небе, Игорь не то чтобы кричать, он даже громко не говорил почти никогда.

Он обвел своих любимых женщин тяжелым взглядом и сказал:

– Вы не будете этого делать, не станете ссориться по пустякам в нашем доме. Здесь этому не место. Марина, мама вполне может ухаживать как за собой, так и за нашей дочерью, ее внучкой. Мама, предупреждай, пожалуйста, Марину, если забираешь Ксюшу. Даже если Марина в этот момент спит. Марине просто нужно понять, что это требование глупое, и она сама от него откажется. У меня нет возможности сейчас остаться и следить, чтобы вы не догрызлись тут окончательно, поэтому прошу: на этом закончим.

И пошел в комнату переодеваться. Уже натягивая джинсы, он подумал, что сказал много резких слов, которые ни мама, ни Марина не заслужили. Да, они устали. Марина практически круглосуточно с Кристиной на руках, мама следит за домом и двумя взрослыми мужчинами, а еще кто-то из них готовит еду, стирает одежду. Они никуда, кроме магазина и поликлиники, не выходят, у них совсем нет социальной жизни. Они не устают от людей так, как устает Игорь. И разряжать эмоции им негде. Вот и грызутся. Им просто нужно помочь: сходить с мамой погулять или в театр, а с Мариной – в кино и по магазинам. И мама просилась в Икею не просто же так, ей хочется куда-то выбраться.

«Черт, надо обязательно что-то придумать, пока ситуация не зашла в

тупик окончательно, – подумал Игорь, все еще злясь на себя. – Но у меня опять нет времени. У меня опять не хватает чертовых часов в сутках! Когда я посплю?».

Когда он вышел в гостиную, никого не было. Ни мамы, ни отца и свекра, ни Марины. Даже детского голоска было не слышно. Игорь хотел перед отъездом поцеловать дочку, но все куда-то пропали.

Он вышел во двор – и здесь пусто.

Надо ехать на работу – пришел отчет судебно-медицинских экспертов и какие-то бумаги от криминалистов и компьютерщиков. В отсутствие Игоря дело тормозит, никто ничего не сделает. Надо срочно ехать, смотреть, что там, и думать, что делать дальше.

Перед тем как сесть в машину, он вернулся в комнату, зашел в ванную, взял один стикер, написал на нем: «Я люблю тебя» и рядом нарисовал сердечко. Немного косо, но все же.

Вчера поздно вечером, когда он прилетел в Москву, криминалисты сказали, что более или менее объективные следственные данные будут только в понедельник, 19 марта. Но ошиблись – такое бывает редко и всегда радует.

Игорь приехал в офис в половине десятого утра. Он отсутствовал всего несколько часов, ведь после прилета поехал не домой, а сюда, в рабочий кабинет. И пробыл здесь всю ночь, и только рано утром съездил домой переодеться (и застать скандал), и теперь вот снова здесь.

На рабочем столе была папка – «Убийство министра», куда он сложил все сведения, полученные в ходе расследования. Учитывая, что на откуп Игорю отдали все личные мотивы, данных было предостаточно. Это и расшифровки опроса свидетелей, которые подготовили оперы, и его протоколы допросов. Он все еще ждал результатов вскрытия, заключение криминалистов. Обычно на это уходит полторы-две недели, но предварительные данные уже были.

С учетом того, что сказала Виктория, подумать есть о чем. Собственно, Игорь и вернулся в офис, чтобы прочитать документы от криминалистов и понять, куда двигаться дальше. Он запустил компьютер, открыл рабочую почту.

Из квартиры Шелехова были изъяты личный ноутбук, планшет и телефон. Компьютер взломать удалось, но информации на нем не было. Ни личной переписки, ни рабочих документов. На компьютере сам министр, видимо, работал очень редко, больше всего документов и файлов принадлежало Виктору – какие-то медицинские статьи, книги по психиатрии и психологии, рефераты, экспертные мнения. Видимо, парень

этим вопросом живо интересовался. Планшет и мобильный телефон министра разблокировать не удалось.

Копия с рабочего компьютера была снята и передана в ФСБ. Даже если там были сведения, необходимые Игорю для его работы, никто их не предоставит. ФСБ любит все делать самостоятельно, а если нет времени и возможности сделать самим – то не сделает никто. Пришлось идти окольным путем и договариваться с криминалистами – за Игоря это сделал опер Валерка Шувалов.

И они что-то нашли. В письме от криминалиста было указано, что на рабочую почту министра приходили письма с адреса cherep@darknet.com, что довольно странно. Домен, на котором размещена почта, относился к «темному интернету», и непонятно, что министра юстиции могло связывать с людьми, которые пользуются этой сетью. Письма были удалены, но их удалось восстановить с помощью сервера министерства – все письма и почтовые ящики система резервирует автоматически, а удаленные файлы хранятся четыре года. Вообще рабочий сервер министерства блокирует письма с подозрительных адресов и отправляет в службу безопасности отчет о блокировке. Но если пользователь самостоятельно добавляет адресата в «белый список», письма не блокируются. Но отчет система все равно отправляет. Эти отчеты и заставили криминалистов изучить архив на серверах в поисках удаленных писем.

Всего Шелехов получил пять писем в период с 2015 по годы. Первое письмо было датировано 29 января, а последнее – 8 марта.

Криминалисты написали, что в последнем письме явно читается угроза. Но Игорь решил прочитать все, чтобы убедиться в этом самому.

Электронное письмо от cherep@darknet.com от 29 января 2015 года:

Очень странно течет жизнь, когда у нее есть срок годности. Тебе такое не понять, пока не прочитаешь мое письмо. Ты знаешь, как меняются у людей мозги в такие моменты? Знаешь, как меняются глаза? Уши? Нос? Отвечаю: с виду не заметишь глобальных изменений, но они есть, точно тебе говорю – начинаешь понимать все происходящее вокруг, видишь совсем по-другому. Ты слышишь то, что раньше пропускал мимо ушей, и чувствуешь гамму вкусов, которые раньше были недоступны. Точно тебе говорю, мозг что-то понимает и активизирует какие-то области, чтобы накопить тот опыт, который не получит в связи со

смертью. У тяжелобольных людей перед смертью совсем наоборот: мозг отключает сначала обоняние, потом зрение, потом слух и умирает. Хранилище переполнено, а удалять из черепушки то, что туда попало, человеческой природой не предусмотрено. Расширить объем тоже нельзя – для этого должны пройти годы эволюции. Так и живем.

Не знаю почему, не знаю как, но мой мозг понял, что скоро мне конец, поэтому активизировались все органы чувств. Я стал даже сильнее – именно поэтому пишу.

Мой доктор не в состоянии объяснить, что со мной произошло. Я вроде умер, но жив ведь. Вот он я, пишу тебе письмо. Могу поговорить с собой, с другими людьми, могу подрочить или трахнуть телочку. Что угодно могу. Только все не так, как прежде. Все органы чувств заработали по-другому. Перед смертью мозг изменяется, это точно.

Электронное письмо от cherep@darknet.com от 15 мая 2016 года:

А я все еще жив, прикинь? Больше года прошло. Я уже привык к той белиберде, которую написал тебе в предыдущем письме. Нет, все путем. Я правда в норме, если отключить тот факт, что мой член стал меньше. Ты сейчас удивишься, но реально, когда мозг считает, что тебе скоро кранты, он уменьшает размер члена. А зачем тебе большой член, если ты все равно скоро помрешь? Циничный мозг, паскуда, но что поделать. Будем брать обаянием и давить на опыт.

Я тебе не это хотел написать. Я тут кое-что вспомнил.

Мне никогда не нравились цветы (я говорю не о горшечных цветах, а тех, что дарят на стебельке). Живые цветы только называются «живыми», а на самом деле дарят-то всегда трупы. Ты когда-нибудь думал о том, что каждое праздничное событие в человеческой жизни сопровождают гробы с трупами цветов? Вот даришь ты своей Натали (той, от которой у тебя всего один ребенок) букет роскошных трупов роз, завернутых в целлофан. Не вызывало ассоциаций с покойником в гробу? А почему нет? Мы тоже своих умерших одеваем во все новенькое, чистенькое, кладем в гроб красивый, украшаем его цветами, лентами и прочей херней, как будто собираемся выставлять на продажу. Так же и цветы. Их срезают, прихорашивают, иногда бальзамируют

(обжигают или ошпаривают химикатами стебли) и оборачивают в красивую бумагу, перевязывают лентами. Ну точь-в-точь, только людьми не украшают, но на продажу выставляют.

Вот так всегда – вся жизнь в гробах. Одни гробы с трупами покупают, другие ставят их на видное место и любуются, пока они не сгниют или не мумифицируются. Фу, отвратительно!

Спорим, ты сейчас присмотрелся к своему члену? Пытаешься понять, уменьшился или нет? Не мучайся, я знаю ответ: уменьшился.

Электронное письмо от cherep@darknet.com от 14 сентября:

Ох, и хреново же мне сегодня днем будет... Правда, я, как обычно, ни хера не вспомню, но это детали. Не буду тебе писать всякую ерунду, ты и так уже в курсе, что я из себя представляю. Не боишься уже меня. Может быть, даже письмо не удалишь. А зря.

Между прочим, у электронной почты есть функция «ответить». Мог бы из вежливости ею воспользоваться. Понимаю, что уважать меня тебе не за что, ты считаешь, что ты прав. Но это не так.

Как ты можешь взять на себя функцию Бога? Решать кому жить, а кому нет? С чего ты вообще взял, что можешь даже думать такими категориями? Ты – обычный человек, не тешь себя иллюзиями. Ты поступил неправильно. Из-за тебя я в этой сложной и нестандартной ситуации. Но – о, возрадуйся, ничтожество! – я нашел выход. Ты думал, наверное, что ты в безопасности. Думал, да? Точно знаю, что думал. Ан нет, я ведь тоже не идиот. Я нашел выход. Я знаю, как отсюда выбраться.

Бойся теперь. Оглядывайся. Я близко.

Электронное письмо от cherep@darknet.com от 01 марта:

Решил с тобой немного пофилософствовать. Давай-ка вспомним две принципиально важные вещи. Слова этой престарелой модницы и нашего уважаемого и любимого доктора.

Как сказала эта сука? Не ручаюсь за достоверность слов, ты ведь знаешь теперь, что эти сведения я получаю не из первых рук, а от надежного свидетеля. Он хоть и надежный, но тем не менее

приврать может, ну или приукрасить. И так, что она сказала: «Крайне неосмотрительно было полагать, что наша бизнес-модель не рискованная, жертвы предполагались. Никто и никогда не знает, как поведет себя толпа, как поступят люди, это не под силу никому. Не обманывайте себя, вы знали, что риск есть, и вот он реализовался. Нам осталось лишь принять этот опыт и сделать соответствующие выводы, а не разводить истерику». И после этого ты продолжаешь ей верить? И после этого ты согласился и дальше участвовать в этом провальном проекте? Да ты послушай себя, урод, ты ведь людей губишь! Сделай все, чтобы чертовы поправки отменили, прими новый закон, раззвони в колокола, обвини их всех, пересажай всю это шоблу, это нелюди, их можно и нужно сливать в канализацию. Погибших не вернуть, и аукнутся эти жизни уже не тебе, а твоим детям – Виктору, Виктории, Константину и Михаилу. Им жить с отцом – массовым убийцей, им носить твое позорное клеймо. Когда ты, наконец, поймешь, что каждая жизнь имеет свою цену? И не в деньгах измеримую, не в благах и не в количестве оргазмов. В том, чего у тебя, видимо, отродясь не было.

И тут мы должны вспомнить нашего доктора. О да, этот типок – прожженный перец. Знаешь, когда делаешь овощи на гриле, первым всегда подгорает перец, а баклажаны, кабачки, лук, картоха и прочие помидоры-чесноки лежат себе как будто нетронутые. Да вот только зарумянившись, перец перестает гореть, дает легкую мягчинку и долго-долго держится в таком состоянии, тогда как остальные превращаются в дрисню в считанные минуты, не успеешь даже решетку для барбекю с огня убрать. Вот такие паскуды, а перец молодец, продуманный.

Наш доктор что сказал? Тут я цитирую, ибо слышал сам: «У вас нет других вариантов, кроме как принять свою сущность. Если смотреть на ситуацию в целом, то картина весьма печальная: с того происшествия в январе две тысячи четырнадцатого года в Эмиратах вы изменились. Вы согласились участвовать в проекте с удручающими последствиями именно после тех событий. Вас не остановило, что могут пострадать люди, при этом вы прекрасно знали, что все зависит только от вас – если вы откажете, проект не состоится, ибо не будет иметь смысла. Своим поступком вы обесценили человеческую жизнь, вы перестали даже думать об этом. Для вас она больше ничего не

стоит. Поэтому вы в такой ситуации».

Я думаю, что он тебя этими самыми словами оправдал.

Говорю же, прожженный перец!

Нет, паскуда, мог ведь просто сказать: вы были говном, говном и подохнете. Так нет же, типа, вы были хорошим, а стали плохим. А кто виноват в том, что вы стали плохим? Черепанов. Это, типа, он заставил вас. Да не спорь ты со мной, мне лучше понятно все это. Я понимаю, что док говорит так только для того, чтобы ты понял природу своих бед, но отсюда легче не станет. Не я виноват в том, что ты дерьмо, а ты.

А с дерьмом что делать полагается? Правильно, *убирать*.
Вот я тебя и уберу.

Электронное письмо от cherep@darknet.com от 08 марта:

Вот ведь ты гнида, Шелехов. Вот других слов не подобрать. Торговаться в лавке с трупами по поводу скидки от объема. И еще говнюку хватило совести сказать, что все букеты – прекрасным и любимым дамам. А кого из этих дам ты любишь? Потаскух своих, одну из которых трахает твой сынок? Не верю. Жену? Да не смей ты мой рот, прошу тебя! Ты счастлив, поди, что она коньки скоро отбросит! Только и видишь, как бы снова стать завидным женихом и распускать свои сальные пальцы на аппетитные попки. Да-да, это ты слышишь от меня, великого трахальщика всея мира! Но вот в чем разница между нами, козел: я не женат и никогда не был. Я знаю, что мой член не желает обмакиваться дважды, поэтому я не бью девчачьих сердец, а пользую то, что само в руки идет. Если девочка хочет, отчего ее не удовлетворить? А ты просто лживая тварь, дерьмо просроченное, даже мухи уже не садятся.

Что ты там пицишь? Наташу любишь? Ту, которая тебе сына родила и осталась с ним на руках перед озверевшим мужем? Ты про нее, да? Не ты ли сказал ей, что ребенок – не причина кардинально менять всю свою жизнь? Заткнись лучше и не беси меня.

Вышел твой срок. Гроб заказал? Писюн уменьшился? Зрение, запахи, звуки изменились? Нет? Видимо, не сработало с тобой. На меня эти правила действуют, я про обычных людей говорил. А ты – дерьмо, у вас свои правила, тебе виднее.

Прощай.

Из глубокой задумчивости Игоря вывел звонок телефона. Звонила Марина. Игорь выслушал жалобы жены, стараясь не сорваться. Да, он снова и снова повторял себе, что Марина устала, что ей тяжело. А ему нет? Он расследует убийство министра юстиции! Он только что получил доказательство, что у Шелехова были враги. И совсем не связанные с работой! Он уже почти у цели, и тут Марина со своими проблемами...

Но Игорь не позволил злости выплеснуться. Отношения – это постоянная работа. Марина сейчас обижена. А кому ей пожаловаться? С кем поговорить? С ним. Только он и должен ее выслушать и успокоить.

Когда в трубке остались лишь частые вздохи, Игорь сказал:

– Дорогая, я понимаю, что тебе тяжело, что ты устала. Но я прошу тебя сделать кое-что, чтобы разобраться в этой ситуации. Ты видела, что я сказал маме, чтобы она делала так, как велишь ты. И в итоге конфликт зашел еще глубже. Теперь мама обижается не только потому, что ты выразилась чуть резче, чем хотела... Она и сама понимает, что это все от усталости и напряженных нервов, но уже обиделась, эмоция взяла верх и потянула за собой привычное в таких ситуациях поведение. А моя мама может выесть мозги, если захочет. Я не хочу, чтобы вы превратились во врагов, но тут без твоей помощи мне не обойтись. Ты мне можешь?

– То есть в конфликте с твоей мамой виновата я? Потому что я не погасила его? Не уступила?

– Нет, – спокойно ответил Игорь, – виноватых нет. Ты спала. И ты проснулась. Ты не увидела Крестю. Но ведь ты не на улице уснула, не на вокзале, не в чужой квартире. Ты в своем доме. Дом – это крепость. Наша с тобой крепость. Почему ты восприняла отсутствие малышки как опасность?

– В общем, я поняла, к чему ты ведешь. Это я всех переполошила почем зря.

– Марина, не надо со мной играть в эти дамские штучки, выворачивая мир наизнанку. Ты же знаешь, что со мной это не работает. Я не помочь тебе пытаюсь, я сам в этой каше, и мне нужно ее расхлебать. Но без тебя я не справлюсь.

– А на меня не работают эти твои приемчики, когда ты пытаешься разговаривать со мной как с маленькой – «без тебя я не справлюсь», пытаюсь показать, что мое участие важно!

– Ты зачем это говоришь? Чтобы задеть меня?

– Да, – ответила она.

Этому она научилась у Игоря – отвечать прямо, не давая собеседнику ухватиться за увиливающий хвост лжи. Это вызвало у него улыбку. И он в который раз подумал, что без ума от этой женщины.

– Не получится. Я знаю, что такие разговоры не всегда приятные. Но мы с тобой его договорим.

– Хорошо.

– Меня волнует, почему ты по какой-то причине посчитала, что дома опасно. Скажи мне, почему так? Я хочу это исправить. Ты не должна жить в постоянной опасности, Марина. Не должна и не будешь!

– Я не знаю... Все так сложилось... Твоя мама и отец делают все, чтобы нам было хорошо. Но я не могу с уверенностью сказать, что они это делают по своей воле. Не в том смысле, что их кто-то заставляет, они это делают как бы помогая, понимаешь? То есть это не ответственность, это помощь. Чем сможем – тем поможем. А ответственная за все – я. Знаешь, есть социальный работник, который придет и помоеет старика. А есть волонтер, который поможет помыться, но откажется делать что-то, что обязательно нужно сделать, потому что ему неприятно или стыдно. У соцработника нет выбора, он это делает, а волонтер – помогает. Кто же будет заставлять помощника? Заставляют ответственного.

– И поэтому у тебя ощущение, что вокруг опасность, если ты не контролируешь ситуацию?

– Да.

– И ты разозлилась, что нельзя никому доверять, потому что никто не хочет взять ответственность на себя?

– Да.

– Малышка, для меня вывод очевиден. Ты испугалась, потому что мозг выдал тебе установку: тут опасность, ты все проспала, ребенок исчез. Ты сразу же бросилась атаковать, как разъяренная тигрица за своего детеныша. Это абсолютно естественная реакция. Мама получила это событие от тебя. Ее восприятие в этой ситуации исходит из ваших отношений, где она помощница, а не хозяйка. И что в результате восприняла мама? Не скажу точно, но что-то вроде: «Марина считает меня ни на что не годной, только лишь позволяет помогать, а за любую инициативу наказывает!». В итоге – обида. И пошло-поехало.

– Но я не хотела, чтобы твоя мама так воспринимала наши отношения...

– Но объясни тогда ее реакцию по-другому. Я не могу.

– И я не могу. И что делать?

– Ты сейчас где?

– Ну где я могу быть, Игорь?!

– Вот пойдй к моей маме и скажи: я очень устала. Мне нужно развееься. Простите, но ребенок и дом полностью на вас, сегодня помощи от меня не будет. Дай ей быть хозяйкой, дай ей делать, а не помогать. А сама съезди к подруге, погуляй по магазинам. А если я закончу раньше семи часов, то встретимся и сходим в ресторан. Как тебе план?

– Ну не знаю...

– Ну или положи трубку и иди еще поскандадь.

– Ладно, попробуем так. Люблю тебя.

– Я сам тебя люблю!

Игорь положил трубку и уставился в монитор. Как? Как он не догадался раньше? Почему, услышав от Виктории фразу «Он меня не защитил», не понял этого?..

Глава восьмая

Наташа, 17 марта года

К моменту, когда в дверь позвонил следователь, Наташа снова напиталась тревогой. Песчинки тревожных мыслей, казалось бы, незаметные и совсем не страшные, кружили в голове, оседали, появлялись новые и тоже, кружась, оседали. И в этом круговороте она не заметила, как скопившаяся тревога пригвоздила ее к креслу.

Следователь настойчиво звонил в дверь. Пришлось взять себя в руки, встать и пойти открывать. Костик умчался к другу поиграть в какую-то суперпопулярную игру, и Наташа не стала его держать. Ей хотелось, чтобы сын был рядом, но зачем его тревожить напрасно?

– Здравствуйте, я – Романов Игорь Сергеевич, – представился следователь.

Наташа кивнула, тоже представилась и пригласила его войти. Игорь выразительно посмотрел на туфли и пальто Максима.

– Я думал, ваш муж отбывает срок. Условно-досрочное?

– Это вещи не моего мужа. И в любом случае это вас не касается, – сказала она и, спохватившись, что грубит прямо с порога, опомнилась: – Простите, я просто вся на нервах. Это вещи моего коллеги, он перебрал и спит в гостиной. Вы сказали, что по телефону не станете ничего говорить.

– Да. Где мы можем побеседовать с вами?

– Где обычно говорят в русских домах? На кухне. Прошу.

Игорь повесил на вешалку пальто, снял и аккуратно поставил ботинки, поднял свой рюкзак и направился за Наташей на кухню. Она поймала себя на мысли, что вот такие симпатичные, уверенные в себе мужчины одинокими не бывают – на безымянном пальце следователя блестело кольцо. Он был в ее вкусе – мужественное лицо, сильные руки, прекрасная фигура – спортивная, ничего лишнего: ни жира, ни дутых бицепсов, аккуратные мускулы следящего за своим здоровьем и телом мужчины. И пахло от него вкусно – свежим бальзамом после бритья с легким древесным оттенком.

«Ты совсем из ума выжила! – одернула себя Наташа. – У тебя дочь пропала! С ней, вероятно, случилось что-то плохое. А о чем думаешь ты? О том, что следователь видный мужик. Наташа, да что с тобой?».

– То, что я сейчас вам скажу, не должно уйти за пределы этих стен. Я говорю вам это только потому, что дело касается вашей дочери. Будьте

уверены, с родственниками остальных пассажиров также беседуют. Эту информацию нельзя выпустить в прессу, ее нельзя делать достоянием общественности и впускать в эфир сарафанного радио.

– Говорите уже!

– Ваша дочь жива, самолет приземлился, но не в Шереметьево, а в Жуковском. Его поместили на карантин, потому что внутри был распылен вирус.

Так, спокойно. Главное: Катюша жива. Самолет сел, а не рухнул горящими обломками, расшвыривая на верхушки столетних сосен фрагменты тел пассажиров и фюзеляжа. Никто не умер, все будет хорошо. Он сказал «карантин», а это не опасно. Да, поболеют, потемпературят, но кто от этого умирает? Да это даже лучше, что они в карантине. Врачи знают, что люди больны, знают, чем они больны. Их лечат, просто не выпускают, чтобы не началась эпидемия. Хуже было бы, если бы всех отпустили по домам, а вирус бы потихоньку подтачивал их здоровье и распространялся по городу и стране. Да, это хорошо, вернись Катюша домой, заболела бы и Наташа, и Костик, Наташа бы принесла вирус на работу, а Костик – в школу...

Наташа продолжала себя успокаивать, но в сердце вонзился острый осколок. В голове шумно транслировались слова успокоения, а где-то там, на заднем фоне, едва слышно звучала совсем иная речь: «Если бы это был какой-нибудь простой вирус, с которым легко справиться, то не было бы карантина, людей бы просто поместили в закрытую зону, но выпустили из самолета. Значит, там опасный, страшный вирус, от которого умирают, от которого нет вакцины. Возможно, в эту самую минуту Катюша страдает от болей, умирает и никто не может ей помочь. Возможно, врачи и кто там еще этим занимается дождутся, когда все умрут, и просто сожгут самолет. Они бы и сейчас его сожгли, но там ведь еще живые люди». Слова звучали очень тихо, но Наташе было достаточно лишь знать, что подобная вероятность событий есть, чтобы ужас начал промораживать кости.

– Я хочу уточнить, – сказала она. – Их держат в каком-то помещении?

– Нет, никого не выпускают из самолета, – ответил Игорь. – Они все внутри.

– И что? Что дальше? Чего ждут врачи? Им передали лекарства?

– Нет, – ответил Игорь, – это невозможно. Дело в том, что этот вирус – совершенно новый штамм гриппа, который до этого не ходил нигде. Вакцины не существует. Но есть и хорошая новость: взрослые его переносят, правда, бывают страшные осложнения, но в большинстве зараженные полностью выздоравливают. А вот дети... Дети, к сожалению,

с вирусной нагрузкой не справляются.

– А на самолете есть дети?

– Есть, двое. Сейчас врачи пытаются как-то облегчить интоксикацию. Взрослые должны просто переболеть. Вы понимаете, если вирус утечет из самолета, то он распространится, и погибнет очень много детей.

– Какой ужас! Но почему нет никакой информации в СМИ? В Интернете?

– Потому что возникнет паника. Люди очень боятся слов: «новый штамм вируса, от которого нет вакцины».

– Но рано или поздно ведь все узнают...

– Вы думаете, это первый случай?

– А как узнали о том, что на борту вирус? И как он туда попал?

– Я не знаю, едва ли нам скажут. Уже то, что я знаю и сказал вам, практически невозможно узнать.

– Вы сказали, что всем родственникам пассажиров расскажут об этом.

– Да, но никому не скажут, что от вируса нет вакцины. Особенно родственникам тех детей, которые на борту. Вы ведь понимаете, какой скандал начнется? Какая паника?

– Это ужас. Люди имеют право знать.

– Нет, людям говорить можно лишь то, с чем они справятся.

– То есть вы сказали мне не все?

– Я сказал вам все, что знаю. Вы сильная, вы справитесь. Тем более что, насколько я понимаю, переживать сильно не о чем. Ваша дочь взрослая, она поправится.

Наташа кивнула. Начинаящаяся паника немного утихла. Он вполне мог не говорить всего, что знает, но Наташа почему-то верила Игорю. Он не выглядел лгуном, да и к тому же проделал такую работу, чтобы все выяснить. И для чего? Чтобы приехать и наврать ей? Нет, точно нет.

– Вы хотели со мной поговорить о чем-то?

– Да, Наталья. Я хочу задать вам несколько вопросов.

– Задавайте.

– Дмитрий Шелехов, убитый министр юстиции, был отцом вашего ребенка. Это так?

– Да.

– То есть у вас с Дмитрием были отношения?

– Я тогда была молода и готова совершать глупости, от которых Дима меня уберег, – ответила Наташа. – Я была за это ему искренне благодарна. Мы знакомы еще с университета. Он меня старше, несколько раз приезжал в наш университет читать лекции. Я знала, что он испытывал ко мне какие-

то чувства, но я не отвечала взаимностью. Когда я окончила универ, мы некоторое время общались, а потом связь прервалась. Я переехала в Москву, родила Катюшу, вышла замуж за Олега, все было хорошо. В две тысячи первом году я работала журналистом в Moscow Time Journal. Мы проводили расследование в отношении чиновничьих взяток в Минюсте. Дима уже работал там, директором департамента. Я узнала, что наш информатор слил информацию про него, и пришла к нему с расспросами. И он меня спас – информатор был подставным, наше издание хотели засудить за клевету. Доказательства все были поддельные. Тогда он сильно меня выручил. Мы начали общаться, потом встречаться. Я не буду оправдываться перед вами за измену мужу, но скажу лишь так: это были чувства на самом деле. Но я была замужем, а он – женат. У нас были семьи, у каждого уже родился первенец... В общем, в две тысячи втором я снова забеременела, а в две тысячи третьем родился Костик. Я знала, что Костик от Димы. Олег не хотел детей, но не возражал, если у меня дети будут. Он даже Катюше дал свою фамилию и отчество, и Костику тоже. В общем, дома у меня проблем не было. А вот у Димы они могли быть, его готовили на должность министра. Поэтому все сохранили в тайне. Знают только близкие... Ну и Димины жена, конечно. Она всегда это знала.

Откровенность Наташи, видимо, Игоря не удивила. Во всяком случае, он не выглядел пораженным или шокированным. Раньше Наташа чувствовала себя какой-то неправильной из-за своей семейной ситуации. В ее понимании, она выглядела не очень пристойно: муж сидит в тюрьме, они в разводе, она живет в его квартире, обоих детей родила в браке и ни одного – от мужа. Ну не совсем стандартная ситуация. Но если ей приходилось посвящать кого-то в свою историю, она не видела реакции шока от людей. Возможно, это только ей кажется, что ситуация неприглядная? А на самом деле все это житейское?..

– А в последнее время как вы общались с Шелеховым?

– Практически никак, – ответила Наташа. – Алиментов я от него не получала, но он сам давал деньги, когда считал нужным. Честно сказать, я не в претензии. Он активно помогал мне добывать информацию, мы сотрудничали по работе. Но в основном через своих людей, напрямую встречались редко, обсуждали какие-то планы на Костика, ему было интересно, как он учится, что хочет делать дальше. Об этом говорили. Но не о текущих событиях, если вы понимаете, о чем я.

– Да, понимаю, – ответил Игорь. – Ему была интересна жизнь в целом, а не в деталях.

– Да, можно выразиться и так.

– Наталья, а вы были с министром в Эмиратах, когда его дочь, Викторию, изнасиловали?

Наташа похолодела. Значит, история с изнасилованием следствию известна. Напрасно Миша полагал, что эта история тайная. Судя по всему, она явнее яви.

– Я была в Эмиратах на конференции, там же были Дима и Вика, это было четыре года назад, в две тысячи четырнадцатом году. Об изнасиловании мне неизвестно.

– Люди обычно не так реагируют на новость об изнасиловании. Тем более когда насилуют несовершеннолетнюю девочку, не какую-то абстрактную, а сводную сестру вашего сына. Значит, вы мне лжете. Почему?

– Я правда не знала об изнасиловании до недавнего времени. И я ничего не могу сказать про события в Эмиратах. Я ничего не видела.

– Кто вам рассказал?

– Ассистент министра, Миша.

Лицо у Игоря потемнело.

– Все понятно. И что он вам сказал еще?

– Послушайте, Игорь, это всего лишь догадки Миши. Он просто думает так. Но если эта история всплывет, то вся жизнь девочки порушится.

– Речь идет об убийстве человека, – ответил Игорь. – Сильнее, чем пострадал этот убитый человек, отец вашего сына, никто уже не пострадает. Виктория сама мне все рассказала. Она сказала, что отец ее не защитил. Что насильник не наказан.

– Я правда не знаю, что там случилось. Но если предположить, что Миша прав, то насильника нет в живых. Вы можете это проверить?

– Проверить что? Жив ли насильник? Виктория не знает, как его зовут.

– Я знаю. Алексей Черепанов.

Игорь удивленно поднял брови.

– Откуда вы знаете его имя?

Наташа рассказала Игорю все, что узнала от Михаила, и все, что ей удалось выяснить у Киры. Игорь слушал очень внимательно и записывал в блокнот. Когда Наташа закончила, он сказал:

– Спасибо вам, мне все понятно.

– Вы можете узнать, жив ли Алексей?

– Если он жив, то что? За что ему убивать Шелехова?

Наташа осеклась. А ведь действительно, они с Мишей думали только исходя из того, что Черепанов мертв. Они предположили, что есть человек,

который отомстил Диме за убийство Черепанова. Но что, если Черепанов жив? Тогда что? За что ему мстить Диме? За то, что тот оставил его в живых, но, например, покалечил?

– А если он мертв?

– Вот это я и проверю. Спасибо вам за информацию, Наталья. Ждите от меня новостей по поводу вашей дочери. Я думаю, уже скоро их отпустят.

Наташа закрыла дверь за следователем и поняла, что ошиблась абсолютно во всем.

Макс, 17 марта года

– Максим, вставайте, – услышал я женский голос.

С трудом разлепил веки. В глаза сразу врезался яркий солнечный свет. Надо мной нависло встревоженное лицо Наташи Добронравовой.

– Который час? – спросил я.

– Почти два часа дня, – ответила Наташа. – Мне нужно уехать. И вам тоже пора. Простите, но я не могу оставить вас одного у себя в доме.

Я кивнул.

– Пока вы собираетесь, не хотите ли рассказать мне внятно все то, что пытались сказать, когда утром заявили ко мне домой? – спросила она без упрёка.

Мне стало стыдно. Я не отношусь к той счастливой категории алкоголиков, которые просыпаются со стертой памятью. Я помню все, ничего не забыл. Я помню, как молот чушь, как рыдал и скрутился калачиком в коридоре. Видимо, там и отрубился, а до дивана меня дотащила Наташа. В общем-то, я и не алкоголик. Проблем со спиртным у меня никогда не было, а таких переборов, как сегодня, у меня было по пальцам пересчитать, да и те – в университете на первых курсах.

– Наташа, просите меня. Я не знаю, зачем я к вам приперся и зачем вам все это наговорил. Честно, простите. Если позволите мне умыться, то я сделаю это крайне быстро и тут же уйду.

– Полотенце в ванной, примите душ, вам полегчает. У вас есть минут двадцать, пока я буду собираться. Как закончите в ванной, идите сразу на кухню, там горячий кофе и каша в кастрюльке на плите. В холодильнике есть бутерброды, в общем, найдите сами что поесть.

– Спасибо, но я откажусь.

– Не откажетесь.

Я поплелся в ванную, благо она была совмещена с туалетом. Наташа оказалась права – прохладный душ привел меня в чувство, и я даже смог широко открыть глаза без раздражающей виски боли. Вчера я всю ночь пил

дешевый виски, который смог купить в подвальном магазине среди ночи. В России алкоголь ночью не продается, но в таких магазинчиках всегда можно купить что-то не совсем легальное и, наверное, сварганенное тут же, в подсобке. Как меня еще не раздуло и почему я жив, не знаю. Но голова болела адски.

Мой костюм был испачкан, рубашка порвана. Трусы целы и даже не обоссаны, носки тоже вроде нормальные. На полу лежала стопка одежды – джинсы, свитер, майка и носки. Я приоткрыл дверь и крикнул:

– Наташа, а эти вещи – мне?

– Да, – услышал я ее голос откуда-то из комнат.

– Спасибо!

В чистом я вообще почувствовал себя человеком. На кухне налил себе кофе и взял бутерброд из холодильника. Едва еда попала в желудок, как я начал жевать быстрее, чем обычно. Какой я голодный! Ну правильно, я вчера только пил, закусывать было нечем. Когда в ход пошел третий из пяти сооруженных Наташей бутербродов, я понял, что без каши не обойтись. Открыв кастрюльку на плите, я наложил себе три черпака манной каши и съел ее в считанные минуты.

Наташа вышла в кухню, удовлетворенно кивнула на пустую тарелку и полупустую с бутербродами.

– Сыты?

– Да, спасибо огромное!

– Еще кофе выпейте, пока рассказываете.

Она налила мне еще кофе и себе тоже. Села напротив и вопросительно замерла.

– Я вчера встречался с Лаурой Висконт. Вам это имя говорит о чем-то?

– Да.

– Я организовал нам встречу. У меня не получилось выяснить все, что я хотел, но кое-что я понял. Вернее, догадался. Она не раскрыла мне никаких секретов, но... Понимаете, не нужно быть дураком, чтобы догадаться.

– Максим, говорите прямо. Вы ходите вокруг да около. Когда вы заявились утром, то сказали, что сделаете все, чтобы убийца Димы смог избежать наказания. Вы сказали, что они чудовища. О чем вы говорили? Насколько я помню, вы прилетели в Москву расследовать убийство министра. Это как-то связано с делом Лауры Висконт?

– Я думал, что нет, – ответил я, – но вчера я понял, что связано.

– И как?

– Сначала я думал, что Шелехов получил должность, проплатив из

своих денег. Потом полагал, что министерское кресло ему купили автомобильщики. Но оказалось, что я был не прав. Да, возможно, все это было – и свои средства, и деньги автомобильщиков, но это капля в море. На самом деле министра в кресло усадила Лаура Висконт. Она сделала все, чтобы Шелехов получил это место, потому что ей нужен был человек, который закроет глаза на совесть и позволит фармацевтической компании проводить широкомасштабные испытания на территории России. Но это полбеды. Это, так сказать, не самое страшное, ведь испытания и так проводятся. Конечно, не с таким попустительством, как это можно сделать через Висконт, но тем не менее.

– А что же самое страшное?

Я допил кофе. Мне было уже намного лучше, и голова стала соображать. Я вдруг понял, что зря разоткровенничался тут, перед этой женщиной. На минутку, Макс! У них с министром общий ребенок. А если она в деле?

– Что вам известно про препарат «Формуцик»? – спросил я.

– Я помню как несколько лет назад он спас множество людей от смерти и увечий, – сказала Наташа и вдруг побледнела. Ее глаза становились шире и шире, я испугался, что они сейчас выпрыгнут из орбит. Она замерла и как-то заостенела, ее рука замерла над столом с широко расставленными пальцами. Наташа смотрела мне прямо в глаза и даже не моргала.

– Наташа, с вами все в порядке?

– Я поверить не могу... Я не могу себе поверить! Максим, вы говорили про свою дочь. Расскажите мне!

От неожиданности я ей рассказал про Сонечку. Это уже не было так тяжело, как в первые месяцы после ее смерти, но все же. Как будто из души вынимать тяжелые камни, пока тащишь камень на свободу, там уже нарастают новые. И эти процессы бесконечные, с этим можно только научиться жить.

Наташа слушала, и ее глаза стали влажными. Она вытирала слезы, и мне стоило огромных сил подавить в себе все, что лезло вместе с камнями наружу.

– Я думаю, что Висконт не только помогла принять закон об экстренных вакцинах, чтобы можно было в обход обычных процедур быстро и легально ввозить препараты на территорию России и продавать их здесь. Но и организовала маркетинговую кампанию: они распыляли вирус, заражая людей, чтобы возбудить спрос, – закончил я.

– Дима бы никогда на это не пошел. Он бы не стал в этом участвовать.

– Да, если он был нормальным человеком, – ответил я. – Но факты говорят обратное.

– Я знаю Диму очень давно, – сказала Наташа. – Он на такое не способен. Он бы никогда не стал участвовать в чем-то подобном.

– Люди, бывает, меняют свое мнение. Возможно, его заставили. Или сложились какие-то обстоятельства.

По лицу Наташи я понял, что попал в точку. Ей стало за него стыдно. Как будто она знала человека, который никогда не был с ней откровенен, а она – была. Это очень неприятное чувство, я знаю его.

– Судя по вашему лицу, вы понимаете, о чем я говорю. Не так уж и чист был министр... Теперь вы понимаете, что не только у меня есть к нему претензии. Возможно, кто-то еще узнал о том, что он сделал. Поймите, Наташа, если бы он не пошел на сделку, если бы он не согласился принять этот закон, у них бы ничего не получилось.

– Моя дочь... Она сейчас в самолете. Самолет на карантине. Кто-то привез вирус с Мальдив, наверное, чтобы снова его распылить.

– Да, «Формуцик» легален в России до конца года, – ответил я. – Но продажи упали, поскольку вирус уничтожен. Видимо, вирус модифицировали, и все готово к выпуску новой партии. Только в этот раз безо всяких проблем – наверняка в аптеках уже есть необходимый запас лекарств.

– Или новый препарат...

– Это едва ли, – протянул я. – Все-таки это коммерция. Если в тот раз они заработали на продажах и отбили все затраты, коих, я думаю, было немало, то сейчас, во вторую волну, они будут собирать прибыль. Я уверен, «Формуцик» уничтожит вирус. Но об этом скажут не сразу – нужно, чтобы вирус распространился.

– Но они все заперты в самолете!

– Вы думаете, что такую кампанию проводят посредством одного-единственного запаса вируса? – с сомнением спросил я и сам себе ответил: – Я уверен, по метрополитену уже ходят люди с пакетиком и распыляют вирус в час пик.

– Я еду в Жуковский! – сказала Наташа. – Но сначала нужно купить этот «Формуцик».

– Я с вами.

– Нет.

– Почему? Вам не нужны лишние руки? Да вас там не впустят никуда. Вы не сможете ничего сделать. Вы владелица агентства, но не журналист. У вас нет удостоверения. Я – действующий журналист, у меня есть

редакционное задание. Сделаем лицо тяпкой и войдем куда нам не следует.

Наташа колебалась.

Я ей помог:

– Езжайте одна, я все равно поеду следом. А если не будете противиться, у вас будет компания. В общем, решайтесь.

* * *

Наташа вела машину уверенно и даже нагло. Она подрезала другие машины, сигналила, но при этом оставалась абсолютно спокойной.

Мы без проблем купили «Формуцик» в ближайшей аптеке, правда, цена была поистине ужасной – 6000 рублей за одну упаковку! Вот уж правда, в этой стране дешевле либо заниматься спортом и вести правильный образ жизни, чтобы иммунитет был на высоте, либо сразу умирать. Вылечиться жутко дорого.

– Мне очень жаль вашу дочку, – сказала Наташа.

Я молчал. Что сказать? «Спасибо»? Мне не хотелось говорить об этом с Наташей, и я надеялся, что она не станет развивать эту тему. Но ошибся.

– Я понимаю, что вы чувствуете. У вас, скорее всего, как и у меня – двойное чувство. Вы злитесь на всех вокруг, потому что они не смогли спасти вашу дочь. Вы злитесь на врачей, что они не знали, как ее вылечить. Злитесь на правительство, что оно допустило эту... Не знаю даже, как назвать. Терроризмом не назовешь, может быть... маркетинговую атаку? Вот, хорошее определение. Вы злитесь, что люди не смогли удержать свою алчность в себе и пошли на преступление, чтобы заработать деньги. И ваша дочь погибла из-за их действий. Все это вы чувствуете по отношению ко внешнему миру. А внутри вы чувствуете вину. Да, общество вокруг должно выполнять свои функции добросовестно, но все они – врачи, правительство, няньки, друзья, полицейские – всего лишь общество. А дочь-то ваша. Вот тут самое страшное. Вы каждый день себе говорите: это я не уберег ее, это я виноват. Это я должен был умереть, а не она. Говорите, так ведь?

Я молчу.

– Я знаю, потому что я ровно в той же ситуации. Моя дочь, Катюша, улетела со своим молодым человеком, которого я не знаю. Потому что я выбрала быть матерью-подругой. Знаете таких матерей? Мы делаем вид, что поддержим любой выбор своих детей, будем со всем согласны, в какое бы дерьмо они ни решили окунуться. И помогаем только тогда, когда к нам

обращаются за помощью. А на самом деле все это означает лишь одно: нам плевать на своих детей. И при это мы продолжаем оставаться матерями, поэтому терзаемся и переживаем, когда они не приходят домой, когда встречаются с подонками и начинают заниматься сексом в шестнадцать лет. Конечно, я утрирую – мы не согласны и не поддерживаем, но мы не запрещаем и реагируем на эти поступки так, как бы отреагировали в пятнадцать лет. Вау, подруга, это же круто! Вау, я бы так не смогла! Ты такая смелая, вау! Вот это все, мы делаем.

– И зачем? В чем смысл делать из ребенка беспризорника тогда, когда у него есть родители?

– Хороший вопрос. А зачем вы обвиняете себя в том, что не могли предотвратить?

– Это другое. Мы можем об этом не говорить?

– А с кем вы об этом говорите?

– Ни с кем.

– Наверное, поэтому вы выглядите так, словно у вас жизнь кончилась. И, наверное, если с моей дочерью что-то случится, я буду выглядеть так же. Поэтому поговорите со мной.

Да, это ты славно придумала, Наташа Добронравова. Поговорить с тобой о трагедии в моей жизни, чтобы ты отвлеклась от своих переживаний за свою живую дочь. Пусть моя дочь, мертвая, станет развлечением для тебя.

– Хорошо, если хотите, поговорим об этом. Для начала «подруга-мать». Наверное, это потрясающе – иметь такую маму. Она все поймет, даст денег, не будет звонить в ночи и спрашивать, где ты и с кем. А еще она будет ржать с бутылочкой пива, слушая, как ты веселился всю ночь. Это же супер! Так считают все, кто в такой адовой ситуации не был: и родители, и дети. А кто был – они плачут от безысходности. Потому что загнали не только себя, но и своего ребенка в глубочайшую задницу и не знают, как оттуда выбраться. Родитель должен не просто родить, он должен воспитать. А «мать-подруга», дающая тринадцатилетней дочери деньги на пиво и гандоны, та еще воспитательница.

– А вы, я вижу, специалист в области воспитания детей, – сказала Наташа со злостью.

Нет, в этой войне мне не победить.

Воцарилось молчание. Что я тут делаю? Еду спасать какую-то малолетнюю потаскуху вместе с ее матерью-подругой. А оно мне зачем?

– Остановите машину.

– Максим, простите меня. Я просто идиотка. Простите, пожалуйста. Я

сказала ужасную вещь, мне стыдно. Если бы можно было отмотать назад, я бы прокусила себе язык. Простите меня, пожалуйста!

– Машину остановите.

Она начала тормозить, свернула к обочине и остановилась.

– Максим...

– Прощайте, Наташа. Я надеюсь, с вашей дочкой все будет в порядке.

– Вы совершенно не умеете держать удар, Максим. Я сказала отвратительную вещь, и мне за нее стыдно. Но вы... Вы, видимо, совсем не понимаете, что должны жить дальше. И должны научиться жить с тем, что некоторым людям будет плевать на ваше горе. И это не причина останавливать свою жизнь. Нужно жить дальше. Нужно научиться.

Злость захлестнула меня. Я повернулся к Наташе и проорал ей в лицо:

– Тогда вы научите меня, как жить дальше?! Когда ваша дочь умрет от этого вируса или станет инвалидкой?! Научите?!

Она заморгала, вцепилась в руль и процедила:

– Выметайтесь.

Я вышел из машины, с силой хлопнул дверью. Наталья Добронравова резко стартанула с места и умчалась в потоке машин. Я остался один.

Домой я добрался к пяти часам. Первым делом принял душ и побрился. За сутки щетина немного отросла, но я не люблю растительность на лице вообще. Потом я сел к компьютеру и написал все, что мне удалось узнать. Я предполагал, кто убил министра – один из таких же родителей, как и я. Статью я завершил к часу ночи. Я никого конкретно не обвинял, я просто выразил свое мнение: если убийца уйдет от ответственности, наверное, это будет не так уж и плохо. Таким людям, как министр Шелехов, место в могиле.

Я отправил статью боссу и лег в кровать. Если бы я знал, что завтра прямо с утра у меня будут гости, я бы, наверное, прибрался в квартире. Возможно, для других людей мое временное жилище и показалось бы чистым, но не по моим стандартам. Но о гостях я не знал, поэтому уснул.

Игорь, 18 марта года

Игорь сосредоточенно думал. Наташа Добронравова смотрела на него блестящими от слез глазами.

– Вы понимаете, что это очень рискованно? У нас у всех могут быть серьезные проблемы.

– Я знаю. Но другого способа просто нет. Эту суку нужно остановить.

– Не выражайтесь.

– Простите.

– Дайте мне еще немного подумать.

Наташа позвонила в семь утра, Игорь крепко спал. Вчера дома было масштабное примирение сторон, затянувшееся за полночь. Игорь был уставший, но виду не показывал – домашние нуждались в его участии, им нужно было видеть, что он, человек, имеющий связь с социумом, считает домашнюю ситуацию важной.

Наталья Добронравова подняла его звонком на мобильный и бескомпромиссно истребовала встречи в девять утра. Игорь согласился, но недалеко от дома – в десяти километрах располагался огромный торговый центр, где они и встретились.

Наташа рассказала ему о трагедии в семье журналиста Максима Котова, дочь которого погибла от вируса, который распылили благодаря вмешательству министра юстиции. Всю операцию проводила дама по имени Лаура Висконт в интересах какой-то иностранной фармацевтической компании. Все, что услышал Игорь, казалось ему дикостью. Как такое вообще возможно?

Но предложение Добронравовой было еще более диким.

– Вы ее задержите. Я организую встречу, на которую она придет, и вы ее задержите. Я не знаю, почему раньше ни у кого не получалось, но у меня все получится!

– У меня нет оснований.

– У вас есть потерпевший.

– Нет, потерпевшего у меня нет.

– Но он у вас будет, я это тоже гарантирую и беру на себя.

– Дайте же мне подумать, не торопите.

Игорь думал. Ему не хватало нескольких деталей, чтобы сложился пазл. Шелехов убил Алексея Черепанова за то, что тот изнасиловал его дочь. Тело, вероятнее всего, спрятали двое министерских охранников. После этого министр стал получать письма от Черепанова, а это значит, что охранники, либо кто-то из них, либо оба, решили его шантажировать. Шелехов их приговорил. Но письма продолжались и после смерти охранников. Получается что? Правильно, мстили за Черепанова, а не шантажировали. Кто есть у Черепанова? Сирота, ни детей, ни близких друзей – никто так и не обратился в полицию с заявлением о пропаже человека. Разве что та девушка, Кира. Да, она сказала Наташе, что Черепанов жив, но это не обязательно правда. Значит, убийцей может быть только человек, который хотел отомстить за смерть Алексея.

Есть еще одна версия – Виктория. Она почему-то до сих пор считает, что отец ее не защитил. Ну конечно, он не рассказал дочери, что убил

насильника, незачем девочке знать об этом. Уголовного преследования не было, иначе она бы знала, вот Виктория и посчитала, что отец оставил поступок неотомщенным. Могла ли он затаить на отца злобу настолько, что убила его? Могла, конечно, но вероятнее, она бы отыскала насильника и отрезала бы ему яйца.

Есть и еще один вариант. Мог ли безутешный отец, подобный Максиму Котову (да хоть сам Максим), пойти на убийство министра? Конечно, мог. Как пережить смерть ребенка? У Игоря две дочери: от первого брака – Викуля, и от Марины – Кристина. Хоть он и лишен возможности общаться с Викулей – мать увезла ее в Штаты и не позволяет даже звонить, но Игорь чувствовал, что ребенок у него есть. Он читал ее посты в Интернете, смотрел фотографии, хоть и не вмешивался в ее жизнь. Когда-нибудь он об этом пожалеет, но сейчас ничего менять не намерен. Если бы его дочка умерла от вируса ради заработка компании, он бы, наверное, смог убить. Но министра ли? Не эту ли дамочку, чей креативный мозг придумал такой нетривиальный способ рекламы лекарственного средства?

– Меня никуда не пропустили, – сказала Наташа. – Там полная изоляция. Я попросила передать таблетки, но это тоже не разрешили. Я не знаю, что делать. Нужно, чтобы как-то сверху пришло распоряжение выдать всем этот препарат, «Формуцик», и всех распустить по домам на вторые сутки. Это могут в Минздраве, они там все повязаны.

– Все повязаны быть не могут.

– Ну да, денег бы не хватило.

– А вы патриотичны, я смотрю. Вы слышали, что следственный комитет тоже коррумпирован? И вы общаетесь с человеком из следственного комитета. Если следовать этой логике, то тот кофе, который вы пьете, куплен на взятку. Вот-вот, поразмышляйте об этом и не мешайте мне думать, в конце концов.

Что-то тут совсем не вяжется. Если Черепанов все же жив, то какой смысл ему мстить министру? За то, что оставил в живых? Может, покалечил? Или еще что? Кто-то ведь писал эти письма. Кто?

– Наталья, а вы знаете стиль написания Черепанова? Сможете его текст распознать?

– Да откуда?

– А ваша эта дамочка?

– Давайте спросим.

Наташа набрала номер. Говорила она недолго.

– Кира говорит, что узнает его стиль из тысячи. Я думаю, ей можно

верить, она все же филолог.

– Мы отправим ей небольшой кусок текста.

Игорь открыл почту, но отправлять ничего не стал. Еще раз перечитал все письма. Да ответ же – вот он!

Как сказала эта сука? Не ручаюсь за достоверность слов, ты ведь знаешь теперь, что эти сведения я получаю не из первых рук, а от надежного свидетеля. Он хоть и надежный, но тем не менее приврать может, ну или приукрасить. Итак, она сказала: «Крайне неосмотрительно было полагать, что наша бизнес-модель не рискованная, жертвы предполагались. Никто и никогда не знает, как поведет себя толпа, как поступят люди, это не под силу никому. Не обманывайте себя, вы знали, что риск есть, и вот он реализовался. Нам осталось лишь принять этот опыт и сделать соответствующие выводы, а не разводить истерику». И после этого ты продолжаешь ей верить? И после этого ты согласился и дальше участвовать в этом провальном проекте? Да ты послушай себя, урод, ты ведь людей губишь! Сделай все, чтобы чертовы поправки отменили, прими новый закон, раззвони в колокола, обвини их всех, пересажай всю это шоблу, это нелюди, их можно и нужно сливать в канализацию. Погибших не вернуть, и аукнутся эти жизни уже не тебе, а твоим детям – Виктору, Виктории, Константину и Михаилу. Им жить с отцом – массовым убийцей, им носить твоё позорное клеймо. Когда ты, наконец, поймешь, что каждая жизнь имеет свою цену? И не в деньгах измеримую, не в благах и не в количестве оргазмов. В том, чего у тебя, видимо, отродясь не было.

И тут мы должны вспомнить нашего доктора. О да, этот типок – прожженный перец. Знаешь, когда делаешь овощи на гриле, первым всегда подгорает перец, а баклажаны, кабачки, лук, картоха и прочие помидоры-чесноки лежат себе как будто нетронутые. Да вот только зарумянившись, перец перестает гореть, дает легкую мягчинку и долго-долго держится в таком состоянии, тогда как остальные превращаются в дрисню в считанные минуты, не успеешь даже решетку для барбекю с огня убрать. Вот такие паскуды, а перец молодец, продуманный.

Наш доктор что сказал? Тут я цитирую, ибо слышал сам: «У вас нет других вариантов, кроме как принять свою сущность. Если смотреть на ситуацию в целом, то картина весьма печальная: с того происшествия в январе две тысячи четырнадцатого года в Эмиратах вы изменились. Вы согласились участвовать в проекте с удручающими последствиями именно после тех событий; вас не остановило, что могут пострадать люди, при этом вы прекрасно знали, что все зависит только от вас – если вы

откажете, проект не состоится, ибо не будет иметь смысла. Своим поступком вы обесценили человеческую жизнь, вы перестали даже думать об этом. Для вас она больше ничего не стоит. Поэтому вы в такой ситуации...

Когда Игорь впервые читал эти письма, он полагал, что Черепанов тщательно следил за министром. Он знал, что у министра четверо детей, знал о его сделке с Лаурой Висконт. Он мог вскрыть переписку Шелехова, прослушивать звонки... Но куда более вероятно, что эти письма писал не Черепанов.

И отметины на запястьях...

Игорь встал из-за стола и отошел подальше. Он достал телефон и позвонил Полине, судебно-медицинскому эксперту.

– Полина, привет. Прости, что я тебя в воскресенье тревожу...

– Ничего, Игореша, я на дежурстве.

– О, тогда ты сможешь мне ответить на кое-какие вопросы по поводу аутопсии тела Шелехова?

– Ты ведь знаешь, что до официального заключения это всего лишь мнение?

– Знаю, конечно.

– Тогда слушаю. Что тебя интересует?

– Есть ли на теле министра следы от ожогов, скажем, на голове?

– Как ты узнал? Ожоги под волосами далеко за ушами, с виду не найти, но я увидела.

– И антидепрессанты в крови?

– Верно.

– И еще вопрос: а почему вы раньше не сказали об этом? Я понимаю, что исследование должно быть полностью завершено и на это уйдет неделя-две, но все же?

– А кто спрашивал? Вот ты спросил, я тебе ответила.

– Понятно. Спасибо.

Игорь повесил трубку и вернулся к Наташе.

– Поехали к вашему потерпевшему.

* * *

До дома Максима Котова, на Верхнюю Красносельскую улицу, они доехали каждый на своей машине. Долго звонили в дверь.

Максим Котов, видимо, крепко спал. Когда он открыл дверь, то в узкую щель протиснулась только взлохмаченная голова и сильно заspanное лицо.

– Максим, здравствуйте, – сказала Наташа. – Позвольте нам войти. Простите, что разбудили. Это Игорь Романов, следователь из следственного комитета. Это по поводу вашей дочери и Лауры Висконт.

– Входите, – сказал он и открыл дверь. – Проходите на кухню, я натяну штаны и вернусь.

Наташа демонстративно отвела взгляд – Максим Котов был в одних трусах. Игорь разулся, повесил на вешалку пальто, в который раз подмечая за собой несоответствие стандартам. Вообще-то сложившийся стереотип сотрудника правоохранительных органов требует ходить по квартире в ботинках, не снимая верхней одежды. Но такое свинство для Игоря было недопустимым, тем более что у Котова в квартире было чище, чем у Игоря дома.

Они прошли на идеально чистую кухню, только стол выбивался из общей картины – он был завален листочками с обрывками фраз, написанных на английском языке. Мерцал раскрытый ноутбук. Хозяин уже в штанах и футболке прибрался на столе и предложил кофе.

Игорь отказался и сразу приступил к делу:

– Максим, вы готовы выступить потерпевшим в уголовном деле против Лауры Висконт, которая организовала массовое заражение людей вирусом гриппа в целях продаж нового препарата?

– Потерпевшим?..

– Ну да, – ответил Игорь. – Вы ведь потеряли дочь. Не представляю, что вы пережили. Мои соболезнования.

Для того чтобы понять, что означала метаморфоза, случившаяся с Максимом Котовым, Игорь заставил себя немного отойти назад и вспомнить, каким он увидел этого парня, когда пришел. Взъерошенный, спросонок не очень вежлив и гостеприимен, в общем, как почти любой человек, которого подняли из постели. А сейчас он как будто вспыхнул, и это был не гнев. Максим Котов вдруг в одно мгновение стал цветным, а до этого был черно-белым. У него было серое лицо, потухшие глаза, сутулые плечи, словно посыпанные пеплом. И даже волосы, светлые от природы, казались матовыми и какими-то искусственными. А после слов Игоря в него как будто вдохнули жизнь – голубым пламенем вспыхнули глаза, порозовели губы и скулы, он распрямился.

– Вы хотите сказать, что кто-то ответит за смерть Сони? Вы это хотели сказать? Или что-то другое?

Слова давались ему с трудом, голос звучал надтреснуто.

– С детской смертностью ситуация сложная. Бывают случаи, когда виноватых нет. Даже диагноз есть такой – синдром внезапной детской смерти. Но смерть вашей дочери произошла по вине конкретных людей, и Лаура Висконт, как я полагаю, одна из них. Во всяком случае, пока она – единственная подозреваемая. У меня нет сейчас доказательств, но я знаю, как я их раздобуду. Так вы согласны?

– Да, я согласен.

* * *

Задержание Лауры Висконт оказалось делом не простым и очень дорогостоящим. Для того чтобы ее обнаружить и застать врасплох, пришлось пойти на несколько хитростей.

Наталья Добронравова рассказала Игорю про странный допрос, который ей учинил Артем Леонидович Лукьянов. Рассказала в красках, и Игорю ее стало жаль – она столкнулась с хорошим, в общем-то, человеком в неподходящий момент. У генерала Лукьянова горела спина – на него давили сверху, заставляли сделать все, чтобы убийство министра было раскрыто «по горячим следам». Ему было не до сантиментов, хотя это могло выглядеть и по-другому.

Игорь с генералом Лукьяновым был знаком лично: несколько лет назад, еще до нашумевшего дела Саши Лаврова, Игорь принимал участие в расследовании военного преступления, где были задействованы высокопоставленные правоохранители. Тогда Игорь сделал вывод: из всей обозримой компании этих людей в разведку он пошел бы только с Артемом Леонидовичем. Грубый, невежливый Лукьянов был человеком слова, ненавидел ложь и презирал предательство. Такие люди Игорю по душе.

– Я тебе помогу, – сказал Лукьянов, когда они встретились на следующий день. – Но ты скажи мне, как Висконт связана с убийством Шелехова?

– Висконт, как я полагаю, была детонатором. Шелехов долго сопротивлялся, очень уж ему не хотелось пачкаться в крови невинных людей, но она дождала. Не знаю как, но она унюхала подходящий момент и воткнула свою золотую иголку ему прямо в спину.

– О каком подходящем моменте ты говоришь?

– Я думаю, Шелехов убил насильника своей дочери. Сейчас я провожу проверочные мероприятия, ищу свидетелей и доказательства, но, скорее

всего, это действительно случилось.

– Его дочь изнасиловали?

– Да.

Усеянное морщинами тяжелых решений лицо генерала сделалось злым, но злость была не напускная, а искренняя, идущая из самых глубин.

– Значит Висконт виновата лишь в том, что воспользовалась моментом? Больше у тебя к ней претензий нет?

– Есть, – ответил Игорь. – Но вы спросили конкретно про убийство Шелехова.

– Какие еще претензии?

– Вы ведь знаете, что она – один из самых продуктивных посредников в решении сложных вопросов? Через нее можно сделать практически что угодно. К ней обратились распространители препарата «Формуцик», чтобы она помогла пролоббировать закон, позволяющий продавать в России лекарственный препарат, который не прошел клинические исследования и не получил лицензию. И после того как Висконт это провернула, она дала команду распылить в Москве вирус нового гриппа, от которого можно излечиться лишь «Формуциком». С поставками препарата что-то пошло не так, лекарство не успели подвезти в аптеки, и погибли люди. Одна из погибших – дочь журналиста Максима Котова, который является потерпевшим в этом деле. Но мы найдем и других потерпевших. Их очень много.

– Вот ведь тварь, – процедил генерал и кивнул.

* * *

Тем же способом, что использовал для первой встречи, Максим Котов узнал, что двадцать первого марта Лаура Висконт будет принимать гостей в загородном доме в честь юбилея своей дочери.

Дом Висконт, оформленный на московскую светскую львицу, располагался на берегу Истринского водохранилища, в живописном местечке, за глухим забором. Поздно ночью к дому подъехали три машины спецназа, а в воздух были подняты три военных вертолета.

По команде руководителя операции на территорию дома ворвалась вся группа, началась потасовка, неразбериха, люди кричали и разбегались, но длилась она всего несколько минут. Никто не пострадал. В воздух начал подниматься вертолет, в иллюминатор которого смотрело испуганное женское лицо.

С пилотом вертолета связались и с земли, и с воздуха и приказали посадить машину. На удивление руководителя операции, пилот послушно посадил «вертушку» на землю. Задержание было произведено.

Макс, 21 марта года

Высоты я боюсь сильнее, чем смерти. Мне всегда кажется, что на высоте человек не просто не может контролировать ситуацию (что действительно так), он не может даже думать. Но выбора у меня не было.

Лауру Висконт посадят, если смогут задержать. Но проблема в том, что есть определенные законы, которые никто нарушить не смеет. Например, в России нет смертной казни. Стало быть, она будет жить. Вероятнее всего, у нее в голове сокрыто столько информации, что ей хватит сделок с государством на разоблачение всех тех, кому она помогала. Ее, наверное, даже не посадят. Уедет куда-нибудь, продажи только этого особняка хватит на несколько лет безбедного существования. А таких домов у нее наверняка не один.

Лаура Висконт не имеет право на жизнь.

На операцию по захвату меня, конечно же, не пригласили. Да я и не ожидал.

Мне стоило немалых денег узнать, какая компания будет обслуживать банкет Лауры Висконт в ее загородном доме. Когда я это выяснил, у меня оставалось всего несколько часов, чтобы обеспечить операцию по захвату Лауры Висконт так, как того хотел я.

Это же агентство в этот день, 21 марта, обслуживало еще одно закрытое мероприятие. Именно туда я и направил Игоря Романова и его правоохранительную бригаду. Даже если бы они хотели проверить заранее, что это за мероприятие, то не смогли бы, конфиденциальность таких вечеринок соблюдается покруче государственной тайны. А сам отправился в то место, где действительно Лаура Висконт праздновала юбилей дочери.

На частную вечеринку Висконт была приглашена американская певица Белладонна, одна из самых популярных в мире. Стоимость ее приватного выступления достигала трех миллионов долларов, но для Лауры и ее дочери она пела с огромным дисконтом в половину.

В агентстве по организации мероприятия все очень строго: все сотрудники знают друг друга в лицо, частные вечеринки проходят в режиме повышенной секретности.

Но нет ничего более ущербного в системе охраны, чем человеческий фактор и языковой барьер.

Мне нужно было всего ничего – явиться на площадку за несколько

часов до приезда американской звезды, представиться менеджером Белладонны, который приехал на саундчек, и с независимым видом осматривать площадку. Мое беглое владение английским языком и деловой костюм сбили с толку не только охрану, но и менеджеров агентства – меня проводили во «вторую зону» площадки, где должен был состояться концерт. На площадке уже были представители певицы и всего один менеджер от агентства, с трудом понимающий английский язык. Остальные мельтешили, не разбирая дороги, таскали какие-то пакеты, свертки, коробки и провода.

– Все ваши в гримерке, – крикнула мне старшая по площадке и пальцем указала на белый шатер-палатку, сияющий светом. Я улыбнулся и кивнул, а сам прошел за сцену.

Площадка, на которой проходило мероприятие, была разделена на три зоны – банкет, концертный зал и танцевальная зона. Ужин планировался в особняке, а две оставшиеся зоны располагались в зимнем саду и на теплой террасе. Сцену выстроили в огромном помещении под стеклянным куполом, перед сценой установили в ряд пять десятков удобных кресел, на полу – зеленый ковер под траву. Терраса представляла собой пустое помещение, украшенное шарами и обтянутыми бархатом колоннами, под потолком вращались световые головки и диско-шары. Музыка не было совершенно никакой – сейчас проходила торжественная часть в здании.

В помещении концертного зала было где укрыться – небольшая сцена отгорожена от двора огромным задником, за которым томились декорации для шоу. Там же было много коробов, в которых транспортировалось оборудование. Некоторые короба по размерам больше платяных шкафов, в одном-то из них я и переоделся. Надел джинсы, свитер, кроссовки, костюм и ботинки сложил в рюкзак. Рюкзак оставил в коробе, заперев его, чтобы никому не попался на глаза. Теперь, когда я официально stuff, я стал еще более незаметным. Я хотел было сделать вид, что двигаю оборудование, но потом подумал, что это вызовет настороженность настоящих представителей певицы или агентства – смотря кто отвечает за звук: оборудование, как правило, стоит очень дорого, и есть ответственные люди, которые точно знают того, кто может трогать короба и железки.

Вход в здание охранял человек в костюме. Но мне туда и не нужно – я дождусь своего часа здесь, в концертном зале. На заднике сцены было прикреплено расписание мероприятия, судя по нему, выступление Белладонны начнется через два с половиной часа. Спрячусь-ка я в том коробе вместе со своим рюкзаком. Так надежнее.

Глава девятая

Наташа, 21 марта года

Игорь сказал, что человек по имени Илья будет связующим звеном в ближайшие два дня, пока карантин действует. В первом же разговоре по телефону с Ильей Наташа попросила всего минуту поговорить с дочерью, Илья сказал, что это невозможно: слишком большой риск, что Наташа запишет разговор на диктофон и предаст огласке.

Наташа хотела сказать ему, что может обеспечить беспрецедентный по масштабу пиар всей этой ужасной ситуации и без разговора с дочерью, но не стала. Она не хотела неприятностей. Она просто просила, умоляла и плакала, и Илья сдался. Он велел приехать в Жуковский и поговорить с Катюшей по телефону из здания аэропорта, под его наблюдением.

Наташа примчалась в аэропорт, нарушив с десяток правил дорожного движения, вбежала в зал прилета и кинулась к человеку в форме полицейского. Он проводил Наташу в кабинет, где за столом по сотовому телефону разговаривал очень полный мужчина. Он понял, кто перед ним, и попросил позвать к телефону Екатерину Добронравову, после чего передал Наташе трубку со словами:

- У вас не больше трех минут.
- Алло! Мам?
- Да, Катюша, доченька, это я!..

Их разговор действительно длился не больше трех минут. И было в нем сказано столько личного и нежного, что мужчина в кабинете смутился и старался сделать вид, что не слушает. Катюша рассказала, как страшно было, когда бортпроводница со слезами на глазах сказала, что в самолете распылен вирус и поэтому до полного его уничтожения они не смогут покинуть борт. Как у них отобрали средства связи, как заставили всех написать на листках бумаги информацию о себе и своем состоянии здоровья. Как сел самолет и его загнали в огромный ангар и затянули пленкой. Как в иллюминаторе вдруг стало темно. Как открывшийся люк впустил за несколько мгновений двоих людей в синих защитных костюмах и с колбами на головах, совсем как в фильмах, и тут же люк задраили обратно. Эти двое повязали каждому на руку бирку с номером и какой-то зашифрованной информацией. Им всем сделали уколы, а двоих детей, которые были на борту почти без сознания, отнесли в хвост и отделили от самолета растяжкой. Родителей туда не впускают, но дети живы –

постоянно слышится их хрип и кашель.

У самой Катюши нет ни температуры, ни кашля, и ничего не болит. Их кормят, дают таблетки и берут анализ крови. По какому-то принципу рассаживают по салону. Катюша сидит еще с десятком людей, которые чувствуют себя хорошо. Но есть и те, кому очень плохо – их перенесли в бизнес-класс, уложили на кресла и поставили капельницы. Чтобы как-то убить время, Катюша помогает с кормлением и уходом за теми, кому больно. Люди в скафандрах постоянно меняются, но никто из них не разговаривает с ней и другими пассажирами на тему болезни, не отвечают на вопросы, больна ли она или у нее иммунитет. Они говорят с ней только тогда, когда нужна помощь.

Одной бортпроводнице стало совсем плохо, но и ее не вынесли из самолета. Девушка без сознания уже несколько часов.

Наташа слушала монолог дочери, и ее сердце обливалось кровью. Во всем виновата она, только она. Если бы Наташа не устранилась от проблем Катюши, если бы вникала в ее жизнь и не пыталась узнать интересненькое про нее, а просто была бы рядом как родитель, как мать, то Катюша никогда бы не оказалась в этом самолете заложницей вируса. Это ее вина, и сейчас остается надеяться только на то, что власти сделают все, чтобы спасти Катюшу и всех этих людей.

– Паники уже нет, но мы все еще боимся, – сказала Катюша. – А еще я очень хочу домой, хочу к тебе, к Костику, и чтобы можно было открыть окно. Помнишь, когда я болела в детстве, ты укутывала меня в одеяла, чтобы только нос оставался наружу, и открывала окно – в комнате становилось свежо и холодно. Ты всегда говорила, что инфекция хочет гулять так же сильно, как и я. Только, в отличие от меня, инфекция взрослая, и она непременно уйдет на улицу.

– Помню, – ответила Наташа. – Конечно помню.

– Я знаю, что натворила дел. Но ты себя не вини, это у меня крышу снесло. Когда все это закончится, у нас все будет хорошо, мама. Я пару дней побуду той маленькой девочкой, а ты меня укутаешь, ладно?

– Конечно, Катюша, все так и будет.

– Мама, у меня забирают телефон. Пока, я люблю тебя. Скоро увидимся!

– Да, Катюша, и я люблю тебя! Будь осторожна!

Трубка стихла. Наташа отдала телефон Илье и вышла из комнаты.

В машине она расплакалась, била по рулю и кричала. Истерика длилась долго, навзрыд, разрывая внутри все, что было крепко сшито. Она все делала неправильно. Так было нельзя. Вся ее жизнь с мнимыми

ценностями матери-подруги привела ее и ее дочь к тому, что Катюша заперта на борту самолета с опасным вирусом, и неизвестно, чем все это кончится. На месте той стюардессы могла оказаться Катюша. А вдруг Наташа ее навсегда потеряет? Стюардессе стало плохо на четвертый день заточения, возможно, следующей будет Катюша. Наташа просто не переживет этого.

Страх снова сковал ее, заledenели пальцы, и Наташа впала в ступор. Зазвонил телефон, а она не могла пошевелиться, только посмотрела на экран. Звонил Игорь Романов, следователь. Миллиметр за миллиметром она двигала пальцем по рулю до кнопки принятия вызова, хорошо, что телефон сам соединился с компьютером в машине, и управлять звонками можно через кнопки на руле.

– Наталья? – раздался голос следователя в машине.

– Да, – ответила Наташа.

– У нас ЧП. Максим Котов направил нас не на ту площадку, где проходило мероприятие Лауры Висконт. Это совершенно другие люди, и Лауры среди них нет. Вы не знаете, где он?

– Нет.

– Наталья, мне нужна ваша помощь. Похоже, Максим собирается натворить бед.

– И пусть творит, – ответила Наташа. – Эта сука не должна жить.

– Наталья, убийством Лауры ситуацию не исправить. А свою жизнь этим он загубит. Вы меня слышите?

Оцепенение спало, Наташа дала отбой, завела двигатель и позвонила Максиму. Он не брал трубку, но она продолжала звонить.

Макс, 21 марта года

Телефон звонил не переставая. Звонила Наташа Добронравова, звонил следователь. Если ответить, они помешают мне. Я отключил телефон и спрятал его в рюкзак.

Судя по шуму, гости перемещались в концертный зал. Недавно заиграла легкая музыка, мимо короба стали ходить люди. Никто не обнаружил меня в моем укрытии. Я осторожно приоткрыл дверцу короба и посмотрел – люди бегали туда-сюда, не обращая внимания ни на что. Я с независимым видом вылез, взял валяющийся на полу шнур и быстро спустился со сцены. Люди собирались и рассаживались, Лауры нигде не было.

То, чего я ждал, случилось – у стены стоял сервировочный стол, на который взгромоздили фрукты и пирожные. Возле огромного торта лежал

нож. Я взял нож и спрятал его под свитер.

За одной из колонн располагался пульт управления, где сидели двое.

Выключили свет, включили иллюминацию. Зал погрузился во мрак, отливая разными цветами, которых было недостаточно, чтобы человек, подозревающий опасность, смог понять, что угрозы нет. Я спрятался за колонной, откуда хорошо просматривался вход в зал, и стал ждать.

Игорь, 21 марта года

Игорь был очень зол на себя. Ну надо же, ну как так-то? Ну почему он никогда не может взять себя в руки, отложить свои проблемы на задний план и просто подумать? Если бы он подумал, то он бы понял, что Максим Котов находится точно в такой же ситуации, как и министр.

Все дело в тех самых отметинах на запястьях и в установках.

Что придет в голову любому отцу, если его дочь изнасилуют? «Убить подонка!». Стоило ли думать, что у Дмитрия вича Шелехова всплыла какая-то иная установка? Нет.

Событие, произошедшее в Эмиратах, позволило министру больше не игнорировать просьбы госпожи Висконт и пойти на переговоры. Тело Алексея Черепанова так и не было найдено, зато было абсолютно точно установлено, что письма министру писал не он и никуда с территории Эмиратов не уезжал. Как приехал, так и остался там. Правоохранительные органы штата Дубай на запрос российской прокуратуры ответили очень охотно и организовали проверку. Результаты ожидаются не раньше чем через две-три недели, но это будет, по сути, просто отписка. Возбуждать дело у них оснований нет, если, конечно, не найдут тело. Но, судя по предсмертной записке охранника министра, искать там нечего. Фактически и так понятно, что произошло.

Дочь министра Виктория была изнасилована Алексеем Черепановым, и министр своими руками забил парня до смерти. От тела избавились охранники министра – Денис Солодовников и Олег Пивоваров. Первый пропал без вести, второй покончил жизнь самоубийством, написав предсмертную записку: «Череп был раздроблен и сожжен, искать нечего, и никто нас за это не простит».

На перерождение министру потребовалось совсем немного времени. Буквально сутки. Вернувшись в Москву, он связался с Висконт и дал согласие на переговоры.

Пакет законодательных инициатив был подготовлен в кратчайшие сроки, но настолько грамотно и тонко, что ни один проверяющий комитет даже не усмотрел, что закон, по сути, позволяет творить в стране

губительный бизнес.

Несколько отвлекающих маневров – упрощение для автомобильных концернов, наиглупейшие законы, примитивнейшие отзывы на законопроекты особо ярких депутатов – и средства массовой информации захлебнулись в горечи, выплескивая на администрацию министра гневные публикации.

СМИ не могут писать об одном и том же персонаже бесконечно. В узком медийном канале есть тончайший «волосок», в который должны уложиться все новости и информационные поводы в отношении конкретного лица или определенной деятельности. Больше просто нельзя, произойдет перенасыщение, читатели откажутся от чтения, упадут рейтинги, прессе это не нужно. Поэтому, когда «волосок» был заполнен гневными комментариями СМИ, густо сдобренными пространными интервью министра, началось самое страшное – пошли поправки в законы, регулирующие медицинскую деятельность на территории страны. Они остались незамеченными, потому что журналисты уже заполнили пресловутый «волосок» и смотрели на эти поправки невидящим глазом. Те же, кто обратил внимание на законы NH23, попали в «мертвую зону» у читателя, который действительно устал читать о дебилах из Минюста.

Если откинуть всю юридическую муть, суть была проста. Когда на той или иной территории внезапно происходит вспышка вируса, для иностранных фармкомпаний открываются ворота рая.

Минюст подстраховался – этими воротами должны были воспользоваться только нужные люди. Поэтому закон предусмотрел несколько оговорок.

Итак, для того, чтобы в России начал продаваться тот или иной препарат или вакцина, должны быть соблюдены долгие и дорогостоящие процедуры лицензирования, то есть, допуска для продажи. Иностранные препараты, уже имеющие сертификаты и лицензии в других странах, могут пойти по упрощенной схеме, но это все равно деньги и время. К тому моменту, когда препарат официально легализуют на территории страны, уже появятся отечественные дешевые аналоги. Они собьют продажи.

Закон, названный теми немногими журналистами «NH23», вводит специальное условие: если на определенной территории происходит вспышка вируса или эпидемиологическое распространение бактерии, Министерство здравоохранения вправе издать акт, позволяющий продажу иностранного препарата, получившего сертификат в иностранном государстве и успешно прошедшего клинические исследования, без лицензии в России на ограниченное количество времени при условии

параллельно запущено процесса легализации.

Вирус гриппа NH23 поддается лечению противовирусными препаратами, которые на территории России не продаются. Производством препарата «Формуцик» занимается индийская корпорация NH. В 2010 году в лабораториях корпорации был обнаружен новый штамм вируса гриппа, который корпорация назвала просто «23», поскольку это 23-й штамм по счету. Вакцину выработали быстро, получили лицензию на продажу и положили препарат на полку.

Стоит сказать, что NH самостоятельно не занимается дистрибуцией своих препаратов, они продают это право. Те лица, которые занимаются дистрибуцией продукции NH в Европе и СНГ, быстро просекли, что «Формуцик» – золотая жила, даже несмотря на то, что вируса в стране нет.

«Фармбест», дистрибутор товаров корпорации NH, имеет офшорные корни, от которых отпочковались компании, работающие в других странах, преимущественно развивающихся, где законы легко переделать. Но на Россию «Фармбест» замахнулись впервые после того, как их постоянный посредник Лаура Висконт сказала, что в России это «стало возможно». Переговоры длились два года, министр всячески противился, откат повышался, условия улучшались, но министр был непреклонен. Для него не было аргументом, что в Министерстве здравоохранения уже «все улажено».

Сложно сказать, почему Шелехов не обратился в органы, почему не попытался как-то изменить ситуацию. Почему он не предал предложение «Фармбеста» гласности? Ждал более выгодного предложения или удобного момента, когда с совестью у него больше не будет проблем?

Так или иначе, такой момент наступил. После возвращения из Эмиратов он стал сговорчивее, и сделка состоялась. Шелехов получил взятку в обмен на зеленый свет поправкам, которые позволили «Фармбесту» продать «Формуцик» в случае вспышки вируса, не проходя обязательных процедур легализации в России.

Что пошло не так, непонятно. Схема заражения территории отработана множество раз, и сбоев быть не должно. Но сбой произошел – в России вирус был распылен раньше, чем завезен препарат, и раньше, чем Министерство здравоохранения дало разрешение на продажу «Фармуцика».

Вирус распространили в Москве – добавляли в газировку для детей, распыляли в метро, общественных местах. Промокампания была начата за трое суток до предполагаемой даты выпуска документа из Министерства здравоохранения, но документ задержался, а фуры с препаратом были

задержаны на таможне и уничтожены в связи с отсутствием документов.

Пока произвели новую партию и доставили в Москву, погибло 124 ребенка. Четыреста взрослых получили тяжелые осложнения, многие из них стали инвалидами с полной потерей трудоспособности.

Заражение вирусом пошло не так, как рассчитывали в «Фармбесте», – взрослые справлялись с вирусом силой иммунитета, а дети погибали в течение суток, они просто не могли выработать такую температуру тела и продержат ее столько суток, чтобы уничтожить вирус, который активно нагружал организм, почки не справлялись, интоксикация не спадала.

Курс лечения «Формациком» составлял три дня, всего шесть таблеток – по две в день, и вирус уничтожился. После второго приема температура падала, потому что вирус «коченел» и не размножался.

Ощувив масштабы сотворенного, Шелехов испугался. Он сообразил, что без расследования это не оставят – вспышку любого вируса тщательным образом проверяют, пытаются обнаружить «нулевого пациента», который привез вирус. И есть способы, которыми можно докопаться до сути.

Но Лаура Висконт сказала, что у любого препарата есть побочный эффект, а «Формуцик» не так прост, как кажется. Человеческие жертвы неизбежны, и этот риск отрицать было бы величайшей глупостью. Так что все в порядке. И министр, наверное, даже в это поверил, растворив число 124 в 80 900 детей, которые спаслись, приняв препарат. И это только в первый месяц продаж. Министерство здравоохранения разрешило продажу «Формуцика» без лицензии на протяжении полугода, пока вирус полностью не уничтожится.

Стоимость упаковки импортного лекарства составляла 5300 рублей. За полгода продаж было продано более 2 000 000 упаковок на территории всей страны – вирус постепенно разъезжался по регионам. «Фармбест» за полгода заработали почти 180 миллионов евро.

Процесс легализации «Формуцика» до сих пор не завершен.

Но «Фармбест» получили разрешение на продажу препарата до конца года, поскольку ожидается повторная вспышка вируса, который немного изменился, и корпорация NH присвоила ему номер 24. «Формуцик» уничтожает и этот вирус, только требуется уже две упаковки препарата, то есть стоимость лечения составит 10 600 рублей, но для приобретающих 4 упаковки на сайте компании предусмотрена скидка в 15 %.

Вирус должны были завезти с Мальдивов, и перевозили его как раз в том самом самолете, на котором летела Катюша Добронравова. У Лауры Висконт очень жесткий бюджет, и чартером вирус она перевозить не стала.

Экономия денег заказчика – наше все.

Это Лаура сказала министру, что есть человек, который способен ему помочь справиться с непонятным чувством, которое не дает ему жить. Она наверняка сказала ему, что для министра негоже считать эти копейки – 124 ребенка в масштабах страны, которую спасли от страшного вируса. О том, что вирус распыляли они, правда, чужими руками, она министру не сказала. А надо ли? Это ведь и так понятно. Зачем заражать страну, если на излечение нельзя сделать деньги? Такое случается только по крайней неосторожности.

И Шелехов долгое время успокаивал себя этой байкой, но совесть все же добила. Он обратился к человеку Лауры, который лечил его. Сеансы у доктора Бертроне проходили несколько раз в неделю, и вскоре выяснилось, что без помощи сосудо-судорожной терапии не обойтись. Мозг отказывался блокировать воспоминания, причиняющие министру неприятные ощущения, мозгу нужно помочь.

Министра фиксировали в кровати, стягивали латексными наручниками руки, ноги, закрепляли тело, подключали к источнику подачи тока и производили терапию. С каждым сеансом ему становилось все лучше и лучше, и после третьего сеанса он уже не чувствовал себя человеком, убившим детей. Он совсем бы излечился, погрузившись в иллюзорный мир без чувства вины, если бы не Алексей Черепанов.

Он уже почти забыл, но ему напомнили. Кто – он не знал. Но он получал письма от него, где сначала было сказано про несправедливость, про то, что возмездие должно наступить. А потом пришло письмо, в котором Алексей сказал вещи, о которых не мог знать никто, кроме него, министра, Дениса Солодовникова и Олега Пивоварова. Тогда министру стало понятно – ну не сам же он себе пишет эти письма? Это дело рук одного из охранников, которых министр держал при себе. Справиться с этой проблемой помогла Лаура – она все уладила, в том числе и то, что содержание записки исчезло из материалов уголовного дела. Сама по себе записка была не опасна, мало что там написал человек, решивший покончить жизнь самоубийством, но мало ли, вдруг кто раскопает?

Но письма не прекратились.

Новое письмо пришло вслед за сообщением Лауры, что вопрос полностью улажен.

Доктора нашли и допросили. В протоколе первичного допроса доктора Бертроне было мало конкретной информации, но достаточно, чтобы понять, что на самом деле произошло.

– Доктор, вы можете раскрыть медицинскую тайну в отношении человека, которого больше нет в живых, верно?

– Верно, если для этого есть явные основания.

– С какой проблемой обращался к вам Дмитрий вич Шелехов?

– Я не вижу оснований раскрывать эту тайну.

– Дмитрий вич Шелехов был министром юстиции России, он был убит. На его запястьях были обнаружены следы фиксации. Судебно-медицинская экспертиза выявила следы применения сосудо-судорожной терапии, а вы его психиатр. Нам нужно понимать, может ли его смерть быть связана с вашими сеансами? Возможно, он рассказывал вам что-то такое, что нам нужно знать.

– Как я понимаю, преступление не раскрыто?

– Нет, не раскрыто. У нас очень много версий, но нет четкой определенности. Возможно, ваш рассказ нам поможет.

– Я гражданин США, у меня отсутствует лицензия на оказание медицинских услуг в России, поэтому никакой терапии клиенту я не оказывал. Мы только говорили.

– Тем более это нельзя признать медицинской тайной.

– Но это не освобождает меня от ответственности за то, что я не уведомил соответствующие службы. И это идет вразрез с моей профессиональной деятельностью – клиенты просто перестанут мне доверять.

– В общем, вы хотите иммунитет? Против преследования?

– Да. И соглашение о неразглашении. Если мои показания лягут в основу какого-либо официального документа, я хочу, чтобы мои имя и фамилия были скрыты.

– Нам потребуется время для подготовки документа.

– И для того, чтобы согласовать его с моим адвокатом. Я в Москве еще двое суток.

Но вторичном допросе доктор ответил на все вопросы более конкретно:

– Фиксируем письменные договоренности: показания доктора Бертроне могут быть использованы в любых официальных документах, издаваемых следственным комитетом России по уголовному делу в связи с причинением смерти Дмитрию вичу Шелехову, при жизни занимавшего пост министра юстиции России. Указанные показания могут быть использованы только без указания имени доктора Бертроне. Кроме того, доктор Бертроне освобождается от уголовного преследования на

территории России за ведение медицинской деятельности без права на ее осуществление, а также за недонесение о, возможно, совершенных преступлениях, которые стали ему известны в ходе бесед с Дмитрием Шелеховым. Все верно?

– Верно.

– Итак, доктор Бертроне, с какой проблемой пришел к вам господин Шелехов?

– Ко мне пришел не только Дмитрий Шелехов, мучающийся чувством вины за совершенное преступление в две тысячи четырнадцатом году, а именно, за убийство человека по имени Алексей Черепанов. Был и сам Алексей Черепанов, раздираемый чувством вины за совершенное насилие над Викторией, дочерью Дмитрия Шелехова, и невероятной злобой на последнего за то, что тот его убил. А был еще и министр, своими действиями убивший сто двадцать четыре ребенка.

– Позвольте уточнить, к вам пришли три человека, один из которых – мертв?

– Нет, физически ко мне пришел один человек. Однако это были три личности – Министр, Дмитрий и Алексей. Некоторое время Дмитрий, главная личность, не понимал, что вместе с ним существуют еще два альтера – Министр и Алексей. Он жаловался на частые головные боли, потерю памяти. Он говорил, что сознание просто «выключалось» на время, и проходило несколько часов. Что в это время происходило, он не знает. Министр же был практически всегда наблюдателем, когда бодрствовал Дмитрий. Алексей выходил только ночью, когда все спали.

– То есть у министра было расщепление личности?

– Да, множественная личность. Мне удалось обнаружить только три, и я не думаю, что их было больше. Нет, их было ровно три. Не осталось ни единой потребности, которая одной из этих личностей не могла бы быть удовлетворенной. Алексей был у них сексуальным маньяком, Министр реализовывал себя в работе, а Дмитрий жил обычной жизнью. И они очень долго сосуществовали вместе, пока Алексей не набрался смелости уничтожить Дмитрия.

– Что вы под этим понимаете?

– Я никогда не видел Алексея прежде, только в последний раз мне удалось его вызвать. О том, что Дмитрия хотят убить, мне сказал Министр. Он сказал примерно следующее: «Никого не осталось в живых, кто бы мог писать мне эти письма. Это не может быть Вика, она ничего не видела. Больше никто ничего не знает. Это либо я сам, либо чертов ублюдок Черепанов восстал из мертвых». Тогда я вызвал Дмитрия и

рассказал ему о личностях. Он долго не мог поверить, сокрушался, расстраивался. Но согласился на терапию. Задача терапии – совместить личности в одной. И мы успешно это реализовывали. Было проведено много сеансов, но на последнем на свободу вырвался Алексей, и я сразу это понял.

– Как вы это поняли?

– Министр и Дмитрий плохо владеют английским языком, причем Министр – хуже Дмитрия. По языку я их сначала и различал, а потом уже, конечно, сразу видел. А вот Алексей владел языком отлично. Алексей изначально знал, что он – всего лишь личность внутри Шелехова, и долго пытался понять, как наказать Дмитрия, не причиняя вреда себе. Лечение как способ решения проблемы он не воспринимал, он полагал, что таким способом я его уничтожу. Отчасти он был прав, как самостоятельная личность он бы перестал существовать.

– И что вам рассказал Алексей?

– Он сказал, что Шелехов не должен жить. Ему плевать на людей, ему плевать на всех, кроме себя. Он не то чтобы не может быть министром юстиции, он не должен жить вообще. И если начался процесс слияния личностей и Алексей все равно умрет, то есть смысл совершить суицид.

– Он сказал вам, что хочет покончить жизнь самоубийством?

– Да. И даже сказал, как это будет – он наймет киллера, который застрелит его на рабочем месте. И выберется через окно по специальному снаряжению. Перед убийством министра Алексей обещал написать письмо в СМИ и матери Алексея Черепанова с рассказом о деяниях министра. Но, как я понимаю, этого сделать Алексей не успел?

– Почему вы не задержали его?

– Потому что вернулся Дмитрий, он подавил Алексея. Это стало возможным после нескольких сеансов терапии. И он сказал, что все под контролем, и в точности повторил мне все, что до этого говорил Алексей. Я ему поверил.

– Но самоубийство все же произошло.

– Видимо, Алексей его организовал, когда Дмитрий и Министр спали. Здесь соглашусь, об этом я не подумал.

– Разве такое может быть, чтобы один человек был тремя разными личностями?

– Да, такое может быть. Министр был жестким в делах, именно он пошел на сделку с фармацевтической компанией. Он появился после убийства Алексея Черепанова, собственно, тогда же появился и сам

Алексей. Алексей сказал мне, что не помнит своей жизни до того момента, пока не переселился в тело министра. Обо всем он узнавал от людей, из открытых источников... Алексей был просто одержим сексом, ночи напролет он занимался только этим. Он искал и находил объекты для удовлетворения сексуальной энергии. Но выходил нечасто – несколько раз в неделю. Зато очень метко. Наутро у Дмитрия болела голова, повышалось давление и чувствовал себя он очень плохо, но оно и понятно, ведь ночью организм не отдыхал.

– И никто ничего не замечал?

– Это вопрос не ко мне. Замечали наверняка, но не делали таких неожиданных выводов.

– Вам есть что еще рассказать?

– Если только у вас есть еще вопросы.

* * *

Итак, Дмитрий вич Шелехов вошел в здание в 7 часов 27 минут. В свой кабинет, согласно записям с видеокамер, он зашел в 7 часов 32 минуты. Зашел и закрыл за собой дверь. И больше никто туда не входил и оттуда не выходил. Следующим, кто открыл двери кабинета, была Мария Сергеева.

Убийца уже был в кабинете. Алексей, а это он был в то утро главенствующим в теле министра, сказал ему: «Я должен написать несколько писем». Убийца согласился и стал ждать. Алексей написал письма, но отправить не успел – вышел Дмитрий и быстро удалил письма. Он понял, что происходит, и написал своему секретарю сообщение, чтобы она вошла, надеясь спугнуть убийцу. А потом он решил, что может отменить заказ, ведь он сам его сделал!

Но он не знал, что Алексей оставил четкие инструкции: отказ невозможен. Любой отказ должен быть воспринят как команда к исполнению. Преступление было совершено в 7:36, сразу после отправки сообщения секретарю, когда Дмитрий попытался отменить заказ.

Убийца выстрелил в голову министру, попытался закрыть широко открытые глаза, как делал всегда, чтобы жертвы не провожали его мертвым взглядом, но они все равно почему-то открывались. Он поднял гильзу. Открыл окно, подцепился к снаряжению и быстро забрался на крышу, откуда спустился по пожарной лестнице и вышел из здания ровно в тот момент, когда в здание вошла секретарь Мария Сергеева.

Камеры видеонаблюдения, которые могли зафиксировать этот трюк, были заранее повреждены – ранним утром.

Все было просто, предельно просто. Нет ни одного человека на планете, который бы смог избежать кары за убийство. И министр не смог. Даже тогда, когда на свете не осталось людей, которые могли выставить ему счет, кара настигла его. Цена человеческой жизни очень велика, и неосмотрительно полагать, что хоть кому-то удастся избежать наказания.

Оформить прекращение уголовного дела в связи со смертью министра – дело бумажное. Куда более важно для Игоря сейчас спасти человека, который не смог совладать со своим внутренним конфликтом. Человека, который прямо сейчас готов пойти на убийство, потому что не может простить себя, и поэтому сломает себе жизнь.

Максим Котов.

Но Игорь этого не допустит.

– Вы нашли его местоположение? – спросил Игорь у руководителя операции захвата, который был на связи с техническими специалистами.

– Это можно сделать, но это не быстро.

Игорь посмотрел на часы. Десять вечера. Он снова набрал Наташу Добронравову – без ее помощи, скорее всего, не обойтись.

Наташа, 21 марта года

Максим не отвечал. Параллельно ей названивал следователь. Наташа не хотела с ним разговаривать, но все же подняла трубку.

– Мы нашли его, – сказал Игорь. – Я скину вам адрес. Приезжайте. Вы должны будете убедить Максима отказаться от его плана.

И повесил трубку. Наташа приняла сообщение, отправила координаты в навигатор и проложила маршрут. До места она доберется через семнадцать минут.

На дорогах, слава богу, был полный штиль. Она ехала и не понимала своих чувств – ей, как бы страшно это ни звучало, хотелось, чтобы Максим убил Лауру. Но она понимала, что Игорь прав – убийством Максим только сломает свою жизнь, а ситуацию не изменит. Чтобы изменить все это, нужно, чтобы люди узнали про все и включилась правоохранительная машина. Это чудовищный способ продвижения товара на рынке, это против всех человеческих законов. Перемолоть все это в муку можно только процессуальными жерновами. Но вот сможет ли Игорь сделать так, чтобы Лауру и всех ее подельников судили? Наташа сомневалась. Она слишком хорошо знала стоимость справедливых решений – для этого должны сложить головы многие высокопоставленные прикормленные чиновники,

чтобы окропить своей кровью путь к справедливости. Так сейчас не принято, наказывают стрелочников, легкие элементы, а настоящие дельцы остаются на свободе, при деньгах и власти.

В чем-то Котов прав: остановить Лауру можно только таким способом. Но как же жизнь самого Максима? Наташа знала его чувства, потому что находилась ровно в такой же ситуации, да, слава богу, Катюша жива, но угроза реальная, настоящая, дышит Наташе в затылок, от этого сводит конечности. Невозможно выносить, когда твой ребенок висит на волоске между жизнью и смертью только из-за того, что какой-то там Лауре Висконт плевать на человеческие жизни, потому что у нее есть кр^[3].

Злость не давала рационально думать, но времени уже не оставалось – Наташа перемешивала в своей голове воспоминания о детстве Катюши, о недавнем разговоре с ней, о своих выводах и о Максе Котове. И поняла, что должна сделать.

Навигатор сообщил, что она уже прибыла в пункт назначения. Дом стоял на отшибе, никакой охраны и поселка, только огромный забор, за которым в самом разгаре праздник. Наташа слышала громкую музыку и радостные крики. Люди веселятся. И где-то там Максим Котов собирается с силами, чтобы убить Лауру Висконт.

Пришло еще одно сообщение от Игоря: «Вы скоро?». Она ответила: «Я уже на месте».

«Ждите нас, не заходите, мы сейчас будем».

Наташа заглушила мотор и стала ждать.

Они приехали действительно быстро – сначала небо над головой содрогнулось от гула вертолетных лопастей, перед Наташиной машиной село три вертолета. Спустя несколько минут затормозили три джипа и один грузовик, из которого выскочил отряд быстрого реагирования – парни в камуфляже. Наташа боялась выходить.

В окно ее машины постучали, она увидела сосредоточенное лицо следователя Романова. Она открыла дверь.

– Вы идете со мной, – велел Игорь.

– Но я гражданское лицо, – сказала Наташа. – А там, судя по всему, будет не просто задержание.

– Вы в безопасности, мы идем третьим эшелонем, перед нами дорога будет чистой. Я боюсь, что без вашей помощи не справлюсь. Меня Максим Котов слушать не станет, а вам он доверяет. Или вы хотите, чтобы он был убит при штурме?

– Не хочу.

– Тогда идемте.

Наташа вышла из машины, закрыла дверь и, закутавшись в свое пальто, двинулась следом за Игорем. От обилия света фар и прожекторов на вертолетах площадка перед особняком напоминала съемочную, слишком много звуков, людей, света. Неправдоподобно, холодно и страшно.

Наташа шла за Игорем, а впереди стройным рядом бежали парни в камуфляже. Озноб пробирал до костей – вот сидят люди там, внутри, веселятся и ничего из-за громкой музыки не слышат, и не знают, что через пару минут, возможно, начнется перестрелка и кто-то пострадает. И винить во всем нужно только Лауру.

– Некоторые члены нашей группы уже проникли на территорию и обезвредили вертолет, – сказал Игорь. – Так что она не улетит. А уйти ей некуда – я не уверен, что она побежит на своих каблуках через лес. Уехать тоже не сможет – шины проколоты.

Они были еще достаточно далеко от особняка, метров триста – триста пятьдесят. Первая группа проломил ворота и ворвалась, выстрелов слышно не было, но вскоре раздались крики напуганных людей: начался штурм зала, где проходило мероприятие. Наташа смотрела на это действие и неожиданно для себя поняла, что волнуется за Максима.

Игорь дал Наташе бронезилет, помог его надеть. Она как будто натянула на себя сто килограммов ледяного железа, даже ноги подкосились. У Игоря заработала рация, Наташа все слышала. Она опоздала – Максим Котов приставил к горлу Лауры Висконт нож и требует, чтобы кто-то начал трансляцию в прямой эфир. Он обещал вскрыть горло женщине, если она не расскажет правду, как убила его дочь и еще сто двадцать три ребенка.

– Давайте скорее, – сказала Наташа. – Я знаю, что ему сказать. Знаю!

– Хорошо, – ответил Игорь. – Идем.

Наташа практически не видела дороги – она бежала за Игорем, крепко держа его за руку. Вокруг были какие-то люди, сначала в камуфляже на фоне забора и заснеженных деревьев, а потом другие люди, в костюмах и платьях с бокалами в руках и застывшим ужасом на лицах.

И она увидела.

Лаура Висконт сидела на стуле в центре зала, другие стулья были разбросаны вокруг, видимо, люди поспешно покидали место предполагаемой бойни. Кто-то лежал на полу, скрестив руки на затылках, остальных гостей выводили из зала. На сцене было пусто. Свет был включен.

За Лаурой стоял Максим Котов, каким она видела его у себя дома – лицо красное от напряжения, в глазах – слезы. Его руки дрожали. Одной рукой он обхватил горло Лауры Висконт, другой приставил огромный нож к

ее горлу. Висконт сползла со стула, примостившись на самый край, стараясь отдалить свое тело от Максима как можно дальше; ноги, обутые в туфли на высоком каблуке с красной подошвой, застыли в раскоряченной позе, пальцы крепко вцепились в подлокотники. Она часто-часто дышала и смотрела прямо перед собой. Она не ожидала нападения и не знала, что делать.

– Я не террорист, – сказал Максим. – И мне не нужны деньги. Я хочу, чтобы родители, потерявшие своих детей, знали, кто виноват в их смерти. Вот эта женщина. Эта старая промышленная тварь. Включайте свои телефоны, открывайте социальные сети, она сама расскажет правду.

– Макс, – позвала его Наташа. – Макс! Посмотри на меня!

Максим вздрогнул, обвел публику взглядом. Увидел Наташу, и его лицо скривилось, он пытался удержать слезы, даже дыхание задержал.

– Максим, не надо этого делать, ее жизнь не стоит вообще ничего. Ты убьешь ее и ничего не изменишь. Некого будет наказать. Некого будет осудить. Это просто канет в лету, и ничего не изменится. Она должна жить и ответить за свои поступки.

– Поступки? Ты так это называешь, Наташа?

– Ты знаешь, что она организовала новую поставку вируса в Москву? Его случайно распылили в самолете, где была моя дочь. Они до сих пор все на карантине, и никто не может сказать, выживут они или нет.

– Так тебе нужна Лаура, чтобы спасти своего ребенка?

– Лаура нужна, чтобы правоохранительные органы сделали свою работу! Ее посадят, это единственный способ прекратить все это.

– Наташа, ничего не прекратиться! Ни-чего! Она отмажется, дело закроют и все утихнет.

– Нет, – сказала Наташа твердо. – Ничего уже утихнуть не может. Это уже слишком громко. Скоро здесь будут все телекомпании, скоро весь мир узнает, что сделала эта женщина.

Людей потихоньку выводили из помещения. Наташу трясло от напряжения, она с ужасом смотрела на красную полоску на шее, появившуюся под дрожащей рукой Макса. Но продолжала медленно приближаться к Максиму.

– Если твоя дочь погибнет, – сказал Максим, – то ты пожалеешь, что пыталась остановить меня. Наташа, это все из-за нее, из-за этой суки!

– Какие же вы все тупые, – вдруг хрипло сказала Лаура, и Максим удивленно посмотрел на свою пленницу. – Да не стоит моя жизнь ни цента, и ни за какие грехи я не заплачу. Меня даже до суда не довезут – мне плевать, когда меня убьют, сейчас или через два часа. Так что, если мы

будем в расчете, то режь уже.

Максим тряхнул головой и заорал ей прямо в лицо:

– Ты настолько беспринципная тварь, что ты даже сдохнуть не боишься?! Ты убила мою дочь! Ты убила еще сто двадцать три ребенка! Ты понимаешь, тварь?!

– Это ты не понимаешь, я убила гораздо больше, – сказала Лаура. – И когда умру я, на мое место придет другой человек. Это химера, это невозможно истребить. Меня по-любому убьют, иначе у человечества есть шанс все изменить.

Наташа, даже все еще в состоянии шока, не могла не отдать должное Лауре. Наверное, переговорщик она и впрямь потрясающий. С ножом у горла умудрилась выдать сильный аргумент – убьешь меня и только обновишь систему, а если сделаешь так, чтобы я жила, то, возможно, сможешь и победить.

Макс посмотрел на Наташу. И спросил:

– Меня ведь посадят? По-любому посадят?

– Да, – ответил Игорь. – Но ненадолго. И у тебя действительно есть шанс исправить все. Если ты ее не убьешь, она предстанет перед судом, и системе придется адаптироваться. Будет скандал, канал будет перекрыт. Они найдут способ обходить законы, прикормят других людей. Но на это уйдет время. А если ты ее убьешь, мы не сможем узнать, кого прикормила она и где прогнило. И если ты ее убьешь, то сядешь надолго, лет на пятнадцать.

– Дайте мне слово, что эта тварь доживет до суда, – сказал Максим, – и я ее отпущу.

– Даю, – ответил Игорь.

Эпилог

Действий, совершенных Максимом Котовым в отношении Лауры Висконт было недостаточно, чтобы наступила смерть. Он действительно мог довести свой преступный умысел до конца, но отказался от него добровольно и окончательно. Сейчас Максим Котов находится в следственном изоляторе, ожидает суда. Но Игорь был твердо уверен: суд отпустит его на свободу, поскольку имел место добровольный отказ от убийства, и покушение было неоконченным. От царапины на горле Лаура Висконт не скончалась бы.

Самые худшие опасения Максима Котова не оправдались – Лаура Висконт не просто доживет до суда, она перед ним предстанет. Защитников у нее на том самом верху не оказалось, а градус ожидания судебного разбирательства высок настолько, что впору снимать фильм.

Расследование по делу Лауры Висконт продолжается, ей предъявлены десятки обвинений, и выйдет она очень нескоро.

Уголовное дело по факту убийства Дмитрия Шелехова закрыто в связи с отсутствием состава преступления – суицид не является преступлением, поскольку совпадают и субъект преступления, и жертва.

Власти публично признали утечку вируса, и корпорация НН пошла навстречу. Специалисты НН провели исследование крови всех пассажиров лайнера и подтвердили, что вирус лечится «Формуциком». В отношении дистрибьюторской сети фармацевтического концерна возбуждены уголовные дела во всех странах пребывания компании, и корпорация активно сотрудничает со следствием. Она не отрицает свою вину – вирус действительно был разработан в лабораториях концерна, и проводит внутреннее расследование: как он оттуда утек, по небрежности или с умыслом? Все потерпевшие от вируса получают выплату по одному миллиону долларов за смерть близкого и по пятьсот тысяч за увечья, причиненные вирусом. Специалисты подсчитали, что в случае, если НН сдержит обещание, то обанкротятся сразу десятки крупнейших страховых компаний, страхующих ответственность корпорации.

Наташа Добронравова и ее дочь проходят курс реабилитации у психолога, им нужно во многом разобраться в своих отношениях. Вызволённая из самолета Катюша рассказала маме, что полетела на Мальдивы с Рустамом, который взял ее в поездку только потому, что другая его пассия отказалась. Отдых оказался ужасным, Рустам вел себя с ней

отвратительно, унижал ее, оскорблял, заигрывал с другими женщинами прямо у нее на глазах, и Катюша устроила истерику с требованием отправить ее домой ближайшим рейсом, что Рустам и сделал, тем более что недостатка в доступных женщинах там не испытывал. Эту историю Наташа восприняла не как плохой поступок своей глупенькой дочери и не как рассказ подруги о злоключениях на чужбине, а как мать, которая упустила в своей жизни самое главное: рассказать дочери о том, как жить не надо, и вселить в нее уверенность в себе.

Максим Котов ждет суда, но его навешает девушка по имени Алина. Игорь, пришедший навестить Максима, застал их вдвоем – они вместе смотрели на фотографию белокурой маленькой девочки и смеялись сквозь слезы, вспоминая что-то из прошлого.

Дома у Игоря все начало налаживаться. Мама и Марина теперь дружат против него. Не успел Игорь уйти в заслуженный отпуск, как образовались не только поездки в Икею, но и походы в театры, кино, и даже непродолжительная поездка молодых в Париж.

– И ты оставишь Крестю с мамой? И не умрешь от беспокойства? – недоверчиво спрашивал Игорь.

– Так точно, – отвечала Марина. – И не надо меня подначивать. А то мы с твоей мамой передумаем и снова устроим тут конкурс на лучшую домохозяйку.

Отец Марины умер 6 апреля. Похороны прошли спокойно, тихо. Марина долго прощалась с отцом, и Игорь чувствовал себя подавленным. Он привык к старику, ставшему членом его семьи. Но в тот день, на похоронах отца Марины, он чувствовал себя опустошенным. Марина так долго была рядом с отцом, и времени не хватило. Она так много сказала ему при жизни, и все равно ей было что сказать после его смерти. А он кинул в пустоту столько лет жизни: не общался ни со своей старшей дочерью, ни с отцом, ни с матерью. Все пустил по ветру.

Но сейчас, в этом горе, он это осознал. И начать решил с отца. А не поздно ли все исправить?

– Папа, – сказал он отцу тем вечером, – ты прости меня. Прости, пожалуйста.

И по взгляду отца понял: нет, не поздно.

СНОСКИ

1

Подробнее об этом читайте в романах Федора Анича «Ты – моя причина жить...» и «Нет смысла без тебя».

Подробнее об этом в романе Федора Анича «Нет смысла без тебя».

KPI (KPIs) – английская аббревиатура от key performance indicators, ключевые показатели (иногда – параметры). Система, позволяющая оценивать эффективность работы сотрудников фирмы на предмет достижения целей.